

Виталий Лиходед

Танец дьявола

Танец дьявола

Представление

В зале погас свет. Зрители затаили дыхание. Раздвинулся занавес. Рампы постепенно стали освещать сцену. Из темноты навстречу публике вышел обнаженный до пояса мужчина. Он прошел по краю сцены, внимательно вглядываясь в лица зрителей. Его тяжелый взгляд изредка останавливался на ком-то, и тот человек замирал, чувствуя, что он смотрит в лицо смерти.

Танцор подошел к огромному барабану, взял в руки молотки, покрытые мехом, и стал выбивать ритм, звучание которого быстро переросло в один ревущий поток звука. Оборвав дробь, барабан замер, и в появившейся тишине зазвучал орган. Свет рамп вновь потускнел, и в этом полумраке на сцену вышел Танцор. Несколько секунд он стоял не двигаясь, выжидая готовность зала. Закончив вступление, орган утих: его звук улетел вдаль и стал почти не слышен, и оттуда, издалека, он лишь напоминал о себе тоскливыми монотонными нотами. Танцор поднял правую руку, и все увидели, как она медленно и плавно качается под еле слышное звучание. В какой-то момент орган замолчал, но рука продолжала качаться, а все присутствующие продолжали слышать звуки. Своими мягкими движениями рука напоминала только что звучавшую мелодию. В зале воцарилась пустота, в которую провалились все зрители. И в этой пустоте артист начал свое представление. Его руки, плавно качаясь, стали опускаться сверху вниз, шаги и движения тела были пластичны и осторожны. Он изображал крылья и, подобно орлу, бросившему свое тело с высокой горы, падал, поддаваясь притяжению земли, а затем резко начинал новый полет. Его плавные движения

тела успокаивали, и в этом действии не было монотонности. Зрители, затаив дыхание, ждали — а он продолжал взлетать над ними. В его теле чувствовалась невесомость. Откуда-то издалека вернулся и зазвучал орган. Он стал усиливать общее состояние напряжения. Пустота рухнула, и все услышали мощный грохот барабанной дроби. Ее удары отдавались в теле каждого. Танцор начал главное действие. Плавность и спокойствие сменили резкие движения. Этот контраст вызвал возбуждение. Он, быстро двигаясь по сцене, стал преобразовать себя. В каждом его движении зрители узнавали что-то знакомое, каждый читал этот танец по-своему, но все точно знали, что именно они видят и понимают. Грохот барабана превратился в гром, а звук органа перерос в раздирающий перепонки звук. Резкие движения танцора стали более четкими, в них появилась жесткость. Люди из первых рядов, войдя в эйфорию этого танца, зашевелились в креслах. У них стали самопроизвольно дергаться руки — Танцор продолжал. Секундные перерывы барабанного грома на мгновение отпускали зал, давая возможность отдохнуть, но общее напряжение росло. Взволнованная публика то напрягалась, то расслаблялась, чувствуя блаженство. Неожиданно свет в зале погас, а затем, вспыхнув в полную силу, осветил сцену. Танцор стоял не двигаясь. Он смотрел в зал, и его взгляд проникал в душу каждого. Он поднял руку — орган умолк, сделал шаг к краю сцены — барабан прекратил гром дроби. Зал молчал, все впились в его глаза в ожидании того, что будет дальше. Танцор резко бросил руку вниз, и присутствующие зрители под взорвавшийся грохот барабана, почувствовав в себе неуправляемое желание, сорвались с мест. Они вскочили из мягких кресел и стали нервно дергать руками и ногами. Их мышцы сокращались, подчиняясь неведомой силе. Их движения, набирая силу, с болью и криком стали вырываться из их душ. Кто-то не выдержал и упал на пол. Лежащие тела продолжали дергаться. Танцор стоял на сцене, сложив руки на груди, а весь зал под грохот барабана и завывание органа с криком рвался, не в силах противостоять ему. Свет рампы погас. Звуки умолкли.

Из служебного выхода театра вышел человек в черном плаще. Он быстро сел в карету. Экипаж сорвался с места и, свернув в переулок, исчез.

Ожидающие конца представления люди решили проверить, почему оно так затянулось. Первым в зал вошел сторож. Он включил свет и, увидев искореженных болью и страхом мертвых зрителей, с криком выскочил из зала...

1

— Только сегодня! Единственное представление «Танец Дьявола»! Известный танцор — Мэл Ульпрехт, — прочитал Вик на приклеенной к круглой тумбе афише.

— Что, очередной обман? Выйдет на сцену накрашенный актеришка и начнет кривляться, — предположил его старый приятель Омо.

— Может быть. А если нет? Ты всегда такой, не веришь, что рядом с тобой происходит что-то особенное, интересное.

— В нашем-то городе? К нам шарлатаны и то редко заезжают, а ты веришь, что приедет кто-то стоящий?

— Конечно, не верю, но чувствую, что это представление необычное.

— Пошли отсюда! Напрасная трата денег и времени.

— А вдруг?

— Никаких «вдруг». Посмотри на этот город — он давно умер. Неужели ты думаешь, что кто-то решит устроить здесь представление и сумеет вытащить этих людей из своих нор?

— Да, наверное, ты прав. Пошли.

Вик давно знал Омо — Олега Михайловича Орунова — человека решительного, который при этом во всем сомневался. Вик пытался спорить с ним, хотел что-то доказать, но не для того, чтобы как-то ущемить товарища, а из-за простого желания отвлечься от скуки. Именно поэтому они придумали себе сокращенные имена, чтобы хоть как-то выделяться из серой городской публики. В этот раз

его приятель был действительно прав. В их небольшом уездном городе Лопатовске действительно остановилась жизнь. Люди, словно сонные, куда-то ходили, о чем-то разговаривали, но при этом вся жизнь стояла или, точнее, варилась, как прошлогодняя каша в старой ржавой кастрюле, под которой давно угас огонь. Единственное, что хоть как-то могло отвлечь от монотонных серых будней, — это их литературное объединение «Голос». В него входили несколько студентов, которые когда-то где-то учились и были выгнаны, домохозяйки — скучающие дамы и совсем юные девушки, мечтающие о прекрасном и живущие в своих придуманных мирах. И хотя в их творческой среде всегда выносились на обсуждение слабые работы, Вик — Виктор Сатарский, один из немногих литераторов, всегда старался увидеть в каждой из них хоть каплю веяния последней литературной моды или хотя бы какого-то мало-мальского таланта. На самом деле о литературной моде и ее веяниях они не знали. Иногда до них долетали обрывки чего-то нового от проезжающих мимо либо застрявших по делам людей, но все эти гастролеры скорее издевались над сонными провинциалами и никогда ни о чем по-настоящему не рассказывали. Возможно, все эти приезжие сами не разбирались в столичной литературе и пытались как-то выставить себя в лучшем свете. Они сочиняли и рассказывали о том, что слышали от таких же, как и они, проезжих. Тем не менее литературная жизнь маленького городка продолжала дышать. Омо был безжалостен. Он всегда рубил свысока, услышав новое произведение какой-нибудь девушки, мечтающей о прекрасной любви, он взрывался и подчеркивал все ее ошибки. Юноша неплохо знал классику и приводил такие примеры, после которых многие бросали писать.

— Что там может быть интересного? Накрашенный мужик в трико с придуманным иностранным именем? — неожиданно вспомнил он об афише.

— Не пойму я тебя, — удивился Вик. — Иногда ты такой чуткий, но иногда я просто не верю, что это ты. Мне кажется, это представление... — Вик замолчал.

— Да, вот такой я двуликий! А тебе пора прекратить бросаться на красивые афиши! Что-то ты чувствуешь?! Ты с этим поосторожней! Вернись на грешную землю!

А Вик опять вспомнил афишу. Никому не известный Танцор предлагал увидеть его «Танец Дьявола». Конечно, все преподносилось с рекламным пафосом, и, казалось, посредственным, но он, почувствовав в душе тревогу, очнулся, и это состояние подсказывало, что нужно увидеть это выступление. Подобное состояние иногда приходило к нему и никогда не обманывало. Всегда вслед предчувствию случалось что-то плохое. Вот и сейчас он шел, сжимая в кармане последние деньги, и решал, что сделать: купить запасы еды или забыть обо всем и пойти на это представление.

Его приятель Омо жил в обеспеченной семье и мог позволить себе дорогой билет, но придуманные принципы мешали ему: он не мог пойти на плохой спектакль, ему было жаль времени, как он об этом говорил. А о качестве представлений Омо судил по своим критериям, в которые не помещались столь смешная афиша и такое же дерзкое название.

В литобъединении Омо пользовался уважением, и к его голосу прислушивались. Выглядел он всегда шикарно. Покупал дорогие, привезенные из Санкт-Петербурга костюмы и щеголял в них, выделяясь из общей толпы местных людей. Как и Вик, Омо был высокого роста. Его светлые волосы и голубые глаза смущали местных девушек. Поклонниц у него хватало, но любил он одну — Кэт, очень скромную и начитанную девушку, которая долгое время жила во Франции и знала несколько языков. Ради нее Омо всегда старался выглядеть не хуже французов. Иногда у него это получалось, но другой раз он мог надеть короткое пальто с шелковыми лацканами, двубортный жилет, брюки в полоску, а вот свой любимый высокий шелковый цилиндр, который, по его мнению, не шел к этому пальто, мог забыть. Он объяснял это не рассеянностью, а теплой погодой, но Кэт сразу видела это нарушение и укоряла его. Ей очень нравились его светло-русые волосы, а ямочки на

щеках приводили девушку в трепет. Она не понимала, как можно забыть цилиндр, который, по всему, должен стать завершением всего этого великолепия. В отличие от Омо, Вик одевался проще. Зарабатывал он немного. Его статьи в местной прессе хоть и с удовольствием всеми читались и даже пользовались популярностью, но не приносили особого дохода. Он получал за них мало: тиражи газет были небольшими, и ему почти не платили. За внешним видом он не следил. Носил повседневный однобортный пиджачный костюм, рубаху с одинарным воротником, галстук-бабочку, и все это всегда завершал один и тот же светло-коричневый котелок — дерби. Иногда этот костюм выглядел настолько мятым, что Вику приходилось надевать сверху старое пальто из твида с крупной рельефной клеткой. Это пальто — честерфилд — считалось модным, но все его носили под такой же клетчатый костюм, которого у Вика не было. Из двух пар обуви он каждый раз выбирал лучшую, менее обшарпанную и поцарапанную. Чистил он их редко, потому что не видел в этом особого смысла. Для чищенной обуви нужна была карета, а Вик всегда ходил пешком и часто попадал в лужи и грязь. Но одно преимущество у него во внешности все же имелось. Он — высокий кудрявый юноша со слегка курносым носом и карими глазами — выглядел очень добрым и открытым. За это его все любили. Знакомые и незнакомые дамы могли подойти к симпатичному парню и начать разговор ни о чем. Вик никогда не отказывал им и всегда улыбался. Эта улыбка была визитной карточкой юноши и покоряла многих. Но его почти нищенское состояние тут же отталкивало, поэтому все прелестные девушки старались просто дружить с ним, не начиная никаких, даже пустячных романов. Омо всегда завидовал ему, сам он не писал самостоятельных работ, но при этом считался неплохим критиком. Он не стеснялся говорить вслух смело и уверенно. Другие чаще молчали и слушали, боясь высказаться против своих братьев по перу. Боялись потому, что знали: они не лучше и могут так же попасть под критику тех, кого только что обсуждали. Лишь Омо не боялся никого и открыто призывал остальных

ных бросить это занятие. Он предлагал изучать романы, их персонажей, авторские ходы. По его мнению, это было куда интересней, чем слушать тоскливые рифмы вдов и считающих себя взрослыми девочек.

На самом деле свободного времени у него было достаточно, но он все равно считал, что не стоит даже его тратить на ненужные прослушивания. Ему хотелось услышать или увидеть что-то такое, что могло захватить его, сделать рабом. Но таких работ в последнее время он не слышал, а все предыдущие труды перечитал и переболел ими.

Вик так и не дошел до магазина. В последнее время он сильно изменился. Весь мир казался ему скучным и серым, и он не знал, как справиться с этим. В этот раз он стоял в раздумьях, как ему поступить, холодный осенний ветер забрался под его заношенное пальто. Юноша замерз и решил согреться в ближайшем доме. Он предложил приятелю зайти в подъезд и там обсудить планы на вечер.

Спрятавшись под лестницей, друзья решили, что пойдут в свой литературный клуб, тем более что именно сегодня их обещал посетить один столичный поэт. Он приехал к болящей сестре и как бы невзначай рассказал соседям о том, кто он такой. Подарил книгу, оказалось, его знают и даже читали. Представители «Голоса», интересная дама и ее поклонник, взяв на себя такую обязанность, наведались к нему в гости и уговорили поэта посетить их литобъединение и провести небольшой авторский вечер.

Омо потирал руки и с ухмылкой приговаривал:

— Ну, я ему все скажу. А то совсем опустился. Ранние стихи — прелесть, а сейчас — рассуждение одинокой дамы в шляпе неопределенного возраста.

— Да что уж ты на него так взъелся? Пусть пишет. У него много поклонников, у меня вчера раз двадцать спрашивали: «Это правда?» И я, как дурак, отвечал: «Правда, придет и читать будет». Ты, Омо, будь поосторожней. А то к нам вообще больше никто не придет.

— Вот еще. Если там девочки сопливые за ним бегают, это ничего не значит. Пусть знает, что я о нем думаю, и работает над собой.

— Да, конечно, может, ты и прав. А что, на представление не пойдём?

— Да брось ты, какое представление? Панто-мимо? Мимо денег и искусства. Хотя нет, мимо денег эти люди не работают.

— Вообще-то я не знаю известных исполнителей в этом жанре. Возможно, он не так популярен? Но афиша броская и билет дорогой. Было бы так себе представление, сделали б билет дешевым, чтоб хоть кто-то пришел, а здесь все по-другому. Что-то здесь не так.

— Все! Пошли отсюда, из этого ободранного подъезда, я согрелся! — резко предложил Омо.

Они вышли на дорогу и вновь прошли мимо рекламной тумбы. Расставшись на перекрестке, договорились встретиться вечером в литературном клубе. Вик пошел в магазин, а Омо, поймав карету, уехал к своей девушке.

В литобъединении вечер не удался. Поэт пришел слегка подшофе и, встретив родственные души, набрался как следует. Пытался что-то читать, но не вспомнил ни одного стихотворения полностью: читал лишь первые строки. Он больше спорил и рассказывал об интригах, творящихся в кулуарах столичных театров. Позже оказалось, что он давно не пишет и живет в своем поместье, которое, с его же слов, находится в такой глуши, что он и объяснить не может.

Вечером, когда все стали расходиться по домам, поэт, поймав карету, поехал в трактир, но не доехал. Извозчик отвез его сонного домой. Благо, что в этом небольшом городке все друг друга знали, и извозчик, зная, где он остановился, решил отвезти его туда и потребовать с хозяев плату за дорогу.

Вечер закончился скучно. Вик медленно шел домой по пустой улице и всю дорогу вспоминал афишу. Он переживал о потраченном времени, жалком поэте и пропущенном представлении. Дома случайно увидел на столе листок с выписанными из книги фразами. Еще раз перечитал их, посмотрел в словарь, ничего похожего не нашел и отложил листок в сторону. Задумался, вспоминая содержание кни-

ги, но, почувствовав появившуюся слабость и головокружение, решил поесть и лечь спать.

На следующее утро весь город охватила ужасная новость. Все, кто были на представлении, погибли. Местный врач метался в панике. Покрикивая на сестер, он пытался хоть в чем-то разобраться. Но объяснения случившимся смертям найти не мог. Полиция опрашивала всех, кто хоть что-то слышал или видел. Жандармы оцепили городские дороги и проверяли все постоянные дома и трактиры. Все рассказы очевидцев заканчивались афишей, которая ночью исчезла. Прочитав утреннюю газету, Вик сначала испугался, но страх сменило странное чувство — безудержный азарт: что же увидели эти люди в последние минуты жизни? Он долго ходил по комнате, посмотрел на купленный мешок картошки, тяжело вздохнул и решил, что обязательно должен увидеть это представление. Сама мысль о том, что после него он погибнет, была стерта в его голове, страх отсутствовал. Вик был уверен, что все это происходит где-то вне его жизни. Он не боялся думать о том, что за этим стоит смерть. Юноша твердо решил для себя, что заплатит за увиденное чем угодно, но при этом он не понимал, что платить придется единственным, что у него осталось, — это жизнью, в которой до сего дня ничего не происходило. А тут такое! Город проснулся! Люди на улицах забегали, но все равно за их слезами и горем стояло что-то ненастоящее. Эти серые создания проснулись как-то не так, не как люди. Они встречались в похоронных агентствах и обсуждали, какие гробы лучше, какие цветы заказать: казалось, что они ждали этого удара и восприняли его как должное. Им было положено плакать — и они плакали, но при этом помнили, что нужно все купить и устроить похороны так, чтобы они выглядели не хуже, чем у соседей. Эта свалившаяся беда могла объединить их всех, но этого не произошло. Люди, словно серые тени, суетились, что-то делали, но при этом каждая существовала сама по себе. Вик не жалел оставшихся несчастными родственников: как можно жалеть тени, у которых как будто в порядке вещей что-то произошло. А тех, кто погиб, он тем более не мог жалеть — он зави-

довал им. Что же там произошло? Что увидели эти люди? За что они заплатили жизнью?

Вик вышел из дома и побрел по улице. Вчерашний ветер вернулся и снова забрался под старенькое пальто. Он обмотался шарфом и пошел по дороге. В доме у обочины юноша услышал доносящийся из подъезда плач. Ему показалось, что он ошибся, возможно, в этом городе еще остались живые люди. Без разрешения он вломился в парадную и увидел заплаканную девушку — она, шмыгая носом, вытирала слезы. Заметив юношу, незнакомка тихо поздоровалась. Вик давно привык, что малознакомые люди здороваются с ним. Это происходило из-за его публикаций в местной прессе. Его рассказы и статьи были единственными читаемыми материалами в них. По всей видимости, девушка знала, кто он, и постеснялась при нем показывать свои чувства.

— У вас кто-то погиб?

— Да, отец. Гроб только что привезли. Он пошел на это представление с одной посторонней дамой.

Слово «посторонней» девушка особенно подчеркнула, дав понять, что ее отец отправился на спектакль с любовницей.

— Дома все расстроены и плачут?

— Нет. Плачу только я. Мне жаль моего отца — он был добрый. Не успел он умереть, как все родственники тут же собрались, съехались со всего города. Я туда не могу пойти. Они прямо у гроба спорят, кому что достанется.

— А что ж ты, не споришь?

— Мне больно смотреть на это и жаль этих людей. Хотя...

— Что — хотя? — с каким-то нездоровым интересом спросил Вик. Ему показалось, что он встретил родственную душу, но девушка, ответив, обрушила его надежду:

— Пусть спорят! Папенька еще в прошлом году все на меня переписал и завещание за границей оставил. После похорон я им об этом скажу. А сейчас боюсь. Они могут все бросить и уйти, а я одна даже похоронить отца не смогу.

— А чего ж ты плачешь?

— Я любила его, хотя он мне многого и не разрешал. Теперь я буду свободной, но такая смерть! Я думаю, он не заслужил этого. А вы, сударь, тоже знали моего отца? Проходите, не бойтесь, при вас они ничего говорить не станут.

— Нет, я не знал его. Ошибся, извините, — сухо ответил Вик и, хлопнув парадной дверью, вышел из дома.

Быстрым шагом он пошел дальше по дороге, которая вела к городской площади, но опомнился и, вспомнив об Омо, решил разыскать его. Пытаясь понять, что происходит в этом городе, и обдумывая происходящее, он решил для себя:

«Какая ужасная смерть среди мертвых. В этом городе все давно умерли, и то, что произошло, лишь еще раз доказало, что в этом городе нет живых. Его нельзя назвать сонным — он действительно мертв, а значит, мертв и я».

Вик решил, что он один из них — такой же ходячий серый труп. И зачем жалеть себя, если и жалеть-то не о чем. Он вспомнил о прочитанной недавно книге, представил себя воином, но тут же оставил эти мысли, посмеявшись над собой.

«Какой же я воин? Я человек, и я хочу заплатить за увиденное жизнью, которой нет, — подумал юноша. — Приехала бы моя тетка из деревни, похоронила бы, и все. Через месяц обо мне и не вспомнили. И что это, по-твоему, жизнь? — спросил он сам себя. — Нет, нужно что-то делать. Я хочу ожить, стать человеком, полностью, от пяток до макушки. Я хочу дорожить своей жизнью, и тогда мне, наверное, станет жаль с ней расставаться. А в этом состоянии, в котором я сейчас нахожусь, заплатить пустотой за то, что действительно стоит настоящей жизни, есть высшая цель. И она у меня есть! И пусть я проживу настоящей жизнью только час или минуту — я согласен!»

В юноше появилась уверенность. Вик буквально побежал по мостовой. Шарф развязался, а ветер, как ни старался, не мог испугать холодом его разгоряченное сердце. Кудрявые волосы развевались в порывах, которые, тоже испугавшись его смелости, превратились в легкий вете-

рок. Пальто расстегнулось, а костюм стал гораздо теплее, чем раньше. Куда он неся, Вик не знал, но вдруг его кто-то схватил за руку.

— Эй, стой! Ты куда?— узнал он голос Омо.

— А, это ты, привет! Слыхал?— возбужденно спросил Вик.

— Да уж. Хорошо, что мы не пошли!

— Хорошо? Да что же в этом хорошего? Остались здесь гнить среди этих заплесневелых стен и людей? Он же забрал их души, испытал, и билет в ту новую жизнь стоял всего-навсего мешок картошки!

— Какой мешок?

— Мешок, который я купил вместо билета на представление!— буквально прокричал Вик. Этого крика испугался весь город. Что-то рухнуло, и воцарилось молчание. Они стояли и смотрели друг на друга. Омо завидовал решимости друга и понимал, что он недостойн стоять рядом с ним, не то чтобы спорить.

— И что ты хочешь сделать?

— Я пойду за ним! Я увижу этот танец и заплачу за это своей жизнью. Я больше не хочу гнить среди этих людишек. Я вырываюсь из этих грязных сетей невежества и скуки, опутавших меня! А ты оставайся и царствуй среди пустоты и серости.

Вик отдернул руку, за которую его держал Омо, и, не оборачиваясь, пошел к себе.

Омо остался на мостовой. Он смотрел в спину уходящего друга и думал, что тот обезумел от постигнутого город несчастья, но потом вспомнил, как почувствовал в его словах силу. Омо хотел догнать его и что-то объяснить, но лишь сумел крикнуть:

— Пиши! Садись, пиши все это!

— Идиот,— буркнул под нос Вик,— неужели мои слова нужны этому городу.

Вик остановился, и, не оборачиваясь, махнул рукой, подзывая друга.

Тот быстро побежал к нему. Его большие глаза от удивления открылись еще больше. Все его движения, жесты,

мимика лица говорили о том, что он готов во всем помочь товарищу, и, увидев это, Вик резко произнес:

— Да, я, наверное, сяду писать. Принеси мне две бутылки вина. Хочу расслабиться, а потом я уйду и буду записывать каждый день все то, что увижу и о чем подумаю. Ты узнаешь, как я выбираюсь из ямы или утопаю в ней. Хочешь знать об этом?

— Да, конечно!

— Бери вина, побольше денег, и мы кое-что с тобой обсудим.

— Хорошо! Я быстро, — уже на ходу крикнул Омо. Он тут же, поймав извозчика, помчался к себе домой. А Вик пошел в свою квартиру. Он решил обдумать только что родившийся план, частью которого должен был стать его старый приятель Омо.

2

Вик вошел в свою комнату, посмотрел на грязные стены, давно не мытый пол, мешок картошки и вслух спросил себя:

— На что я трачу жизнь? Неужели она чего-то стоит? — И сам себе ответил: — Теперь стоит!

Через полчаса к нему без стука ворвался Омо.

— Ну, ты как? Ты меня удивил! Сколько смелости в тебе! Вокруг горе, смерть, а ты, — задыхаясь, говорил Омо. — Рвешь все это! Что задумал, расскажи?

— Садись за стол. Вот бокалы. Наливай, — спокойно предложил Вик. — Завтра я уйду из города и пойду по следу Танцора. Буду искать его в каждой деревне, городе, пока не найду. Я увижу его представление без страха и заплачу за это жизнью. А ты, если захочешь знать, что со мной происходит, — должен помогать мне. За это я стану писать тебе подробные письма и описывать все, что я думаю и вижу. Пойду, как волк, по его следу! Я выслежу этого клоуна смерти! Я не боюсь его! Последнее письмо я напишу перед входом в зал, где он приготовится устроить новые жертвы.

Но для этого мне нужны деньги. Я понимаю, что от нашего города он уже далеко уехал, иначе бы его давно схватили. Вон какой переполох, даже из столицы сыщики понаехали. Я слышал, наш город не первый?

— Да, не первый, я тоже слышал!

— Я вычислю его путь! Не знаю, как я это сделаю, но я чувствую, что наша встреча неизбежна. А хочешь, мы пойдем вместе?

Услышав эти слова, Омо сжался. До сего момента он был дерзким юношей, готовым на дуэли, драки, любые прения. Но сейчас он прятался за стоящими на столе бутылками. Его огромные глаза забегали и стали маленькими, кошачьими. Яркие волосы стали серыми и жалко свисли, а щеки втянулись. Вик увидел страх этого гордого и дерзкого человека.

«Двуликий,— вспомнил он его собственные слова. — Да ты более чем двуликий! Ты жалок в своей трусости. Посмотри на себя: куда ты сейчас хочешь сбежать? Домой к маме, папе? Ты — смельчак, — оказывается, ты — всего лишь одно из этих серых пятен, живущих в этом городе. Ну, покажи, что хоть что-то мужское в тебе есть. Нет! Там нет ничего — лишь жалкий фарс и вылезший наружу ужас. Интересно, сколько с него запросить денег? Я вижу, как он готов откупиться от меня».

— Расходы будут серьезные, — произнес Вик.

— Да, да, — я понимаю!

— Сто рублей! Ты будешь высылать мне в каждый следующий город!

— Я согласен! Но я не смогу пойти с тобой!

Стараясь как-то поддержать товарища, Вик с удивлением спросил:

— Со мной? Да ты что? Ты будешь наблюдателем. Кому я стану писать письма? Кто расскажет обо всем людям? Ты, который никогда не писал, возможно, напишешь об этом книгу.

— Книгу?— переспросил Омо. Эта мысль и то, что он уже никуда не едет, оживили его. — Да, я согласен. Вот я принес триста рублей — это много, сам знаешь. Пока тебе

хватит. Когда я получу первое письмо, в котором ты укажешь, в какой город следуешь, я вышлю туда до востребования еще сто рублей, как ты хочешь.

— Решено!

Вик подошел к столу, взял деньги, открыл бутылку вина и разлил его по бокалам.

— Это наш последний вечер, но смотри, если ты не вышлешь назначенную сумму, я сам напишу книгу и расскажу о твоей трусости, о том, как ты испугался заглянуть в лицо смерти. Покажу всем труса и нечеловека. И эта книга, поверь мне, станет популярной, а вся твоя жизнь...

— Нет, нет! Я все понял! Зачем ты так? Я помогаю тебе как другу и вовсе не боюсь смерти!

— Да-а-а,— удивился Вик.— Ну тогда пошли сейчас в театр. Твой отец влиятельный человек, нас сразу пропустят,— предложил юноша, увидев, как дрожит его товарищ.

— Нет, не надо! Прошу тебя об этом! — Омо сполз со стула и оказался стоящим на коленях перед другом. — Я тебя умоляю! Не губи! Ты же знаешь, что я влюблен в Кэт, а она если узнает, то отвернется от меня. И все! Для меня все будет потеряно! Родной отец отвернется! Кому нужен трус! Прости меня. Я прошу, не губи!

— Встань! Успокойся! Я не предаю нашей дружбы. Раз уж ты так боишься смерти, то не показывай этого — прячь насколько сил хватит. И помни о нашем уговоре! Я клянусь, если ты все выполнишь, — я тебя не раскрою. Любой человек, даже трус, имеет право на жизнь и семью, но учти, ты должен оставаться таким, как был всегда! Обещай мне это!

Омо встал и опустил глаза. Он побоялся посмотреть в лицо другу. Из последних сил все же поднял голову и выдал из себя:

— Обещаю.

— Не слышу!

— Обещаю! — со злостью вырвалось у Омо. Он отвернулся, и Вик почувствовал, как что-то злое проснулось в нем. Омо сделал три шага к двери, обернулся, достал из кармана еще двести рублей, подошел к столу, положил деньги и молча ушел.

Вик подошел к двери и услышал, как на лестнице хнычет его приятель. Ему хотелось спуститься и успокоить его, но он решил, что жалость только помешает, испортит, оставит место для предательства. Он понял, что совсем иные чувства кипят в нем.

«Что ж, он может после этого просто предать и уехать за границу, а может и сдержать слово. Попробую поверить ему. По крайней мере, сейчас у меня есть пятьсот рублей. Это почти состояние, и при разумном подходе этих денег мне надолго хватит, даже если я и не получу от него больше ни копейки. Что ж, ему решать. Больше не стану издеваться над ним. Пусть живет своей придуманной жизнью, играет роль личности и носит лживую маску героя».

Вик посмотрел на бокалы, к которым они даже не притронулись, подошел к столу, выпил и, спрятав деньги, решил лечь спать.

3

Проснулся Вик рано. Его разбудил шум, доносящийся с улицы. Вскочив с постели, он посмотрел в окно и увидел длинную вереницу похоронных повозок и телег с гробами. Между ними ехали извозчики с солдатами и людьми в серых халатах. Все остальные люди, одетые в черные пальто и котелки, очень походили на тайных агентов. Они торопились, и это было заметно. Вик смотрел на них и не понимал, почему люди решили устроить такую похоронную процессию: казалось, все они заранее договорились и ехали куда-то к общему сборищу, назначенному на конкретное время. Некоторые кареты пытались обогнать телеги с гробами. Старые извозчики, не жалея слов, матерились друг на друга.

«Что происходит? Что за странные похороны?»— спросил себя юноша.

Но не успел он подумать об этом, как к нему в комнату вломился растрепанный Омо. Его шляпа была испачкана дорожной грязью, легкое белое кашне скомкано и завязано узлом, а элегантные ботинки затоптаны.

— Что с тобой? Ты как будто через базарную толпу пробирався. Что-то еще случилось?

— Да, случилось! Вчера ночью прибыл еще один столичный сыщик по этому делу и женщина-врач! У них секретное предписание, подписанное самим...— и Омо показал головой вверх на потолок.

— Ясно. Ну и что?

— Он, этот сыщик, приехал в участок и приказал всех поднять: городского, врача, всех приставов. Мой отец тоже поехал. Этот человек приказал срочно, не дожидаясь церковных служб, всех, кто скончался во время представления, похоронить. За невыполнение грозил отправить на каторгу любого, невзирая на чины и титулы. Мой отец рассказал, что у этого человека есть карта и он уже давно идет по следу этого Танцора. А еще он сказал: если всех, кто погиб на представлении, не похоронят за три дня, то в городе начнется мор. Люди будут умирать от неизвестных болезней. Причем сначала молодые, потом старые. Сейчас несколько городов, где прошло это представление, оцеплены солдатами — там объявлен карантин. А в тех городах, в которых успели похоронить убиенных, слава Богу, люди живы остались — все обошлось. Поэтому ночью приставы, солдаты и санитары силой забирали у родственников гробы с покойными. Видел колонну?

— Да, видел.

— Всех вывезли и сейчас хоронить будут. Но я знаю точно еще один приказ. Всех на самом деле сожгут. К утру специальные люди прибыли. Их покормили, и они сразу поехали за город все готовить. И зачем-то им в распоряжение дали две пожарные кареты.

— Значит, жечь будут.

— Точно, будут. Все это очень страшно! Ты за вчерашнее меня прости. Я не знаю, что со мной произошло. Надеюсь, ты остался моим другом, и то, что случилось, останется между нами? Сам пойми: столько смертей, люди испуганы. Разговоры только о том, что всем нам скоро умирать придется. Нервы сдали. Ты пойми — я не трус — так получилось — нервы, — продолжал повторять одно и то же Омо.

— Успокойся! Я в любом случае уезжаю, и никакие карантинны меня не останвят. Ато, что ты вчера раскис, — бывает. Конечно, страшно. У всех впечатление, что в нашем городе побывал Дьявол. И возможно, мы еще хорошо отделались, заплатив лишь теми, кто посмотрел его представление. Не думаю, что этим все закончится. Мне кажется, этот спектакль только начинается. А ты живи спокойно, женись и не думай ни о чем. Надеюсь, наш договор в силе?

— Да, конечно.

Вик посмотрел на него и решил отправить друга домой. Он видел, как страх пропитал его мысли и тело. Возможно, он всю ночь готовился к этой встрече и, собрав последнее, что в нем осталось живого, прибежал сюда. Конечно, такое скорое захоронение говорило о том, что всем угрожает опасность. Еще позавчера все те, кто пошел на представление, были здоровы и не думали о смерти, но сегодня — город содрогнулся. Возможно, он наконец-то проснулся от спячки. Плохие новости расходятся быстро, и когда опасность угрожает всем, люди начинают сильно хотеть жить. Они открывают глаза для того, чтобы спасти собственные тела и души.

— Омо, а ты в церковь заходил?

— Не смог. Люди кругом, очереди, толпа. Некоторые зашли в храмы и не выходят оттуда. За церковными заборами толпы, и все пытаются найти спасение, укрыться. Священники не переставая молятся. Я слышал, послали к патриарху за особой иконой — Очищающей — Заступницей. Люди в панике! — остановившись в дверях, рассказал Омо, а потом, помолчав, добавил: — С этим столичным сыщиком приехала женщина, я уже говорил — она врач, но ей почему-то все подчиняются. Говорят, она какие-то исследования секретные ведет. На кого пальцем укажет, увидит что-то на лице или на руках — все тут же арестовывают и к ней.

— Может, тебя проводить?

— Нет, не надо! Меня карета ждет! Все, прощай! Наш договор в силе, буду ждать твоего первого письма. Да, отец слышал, что он идет с севера. Именно там города пострада-

ли. Все считают, что он идет к югу, туда, где сильная жара, которая способствует распространению заразы.

— На юг?— задумчиво переспросил Вик.— Понятно. Спасибо, друг. Тайну твою я похоронил в себе. Ты тоже меня извини за столь дерзкий тон, которым я вчера говорил с тобой. Все мы люди, и у каждого есть свой страх. Прощай. Не таи на меня обиды.

Пока Омо рассказывал ему последние новости, Вик оделся, и уже в дверях Омо посмотрел на него, на его заношенный костюм, застиранную, но чистую рубашку, нечищенные, сильно поцарапанные туфли и почувствовал странную силу этого человека. Он впился взглядом в растрепанные кудрявые волосы и горящие черным огнем глаза. Омо даже показалось, что в его взгляде было что-то не человеческое — дикое. Он хотел с криком убежать, но сумел сдержать себя. Прощаясь, качнул головой, стараясь как можно тише закрыть за собой дверь, спотыкаясь, сбегал по лестнице и, запрыгнув в карету, уехал.

Вик подошел к окну и, посмотрев вслед уезжающему другу, молча простился с ним. Он был уверен, что больше никогда не вернется в этот город и не увидит его испуганного лица. Юноша вернулся в комнату, достал саквояж и решил собрать вещи в дорогу. Открыв сундук, он увидел старые заношенные вещи. Достал из кармана пятьсот рублей, посмотрел на них и решил уехать из города налегке, а все нужное купить в дороге. Он сел на стул и в последний раз осмотрел комнату. Увидев принесенный вчера мешок картошки, усмехнулся. Вышел в коридор и решил отдать его соседям, но остановился, не зная, кому именно. Одна соседка — Софья— жила, как и он, бедно. Муж ее пил и умудрялся еще что-то выносить из дома. Отношения с ней были хорошие, и Вик уже подошел к ее двери, как вспомнил о другой соседке — вдове Марфе, которая воспитывала троих детей. Они часто ругались, спорили, в основном из-за того, что Вик устраивал громкие вечеринки, которые мешали всем. Но остальные, в отличие от Марфы, молчали, а она всегда приходила и начинала скандал. Конечно, Марфа его недолюбливала, но у нее было трое детей, и это

обстоятельство перевесило. Юноша подошел к ее двери и постучал. Марфа открыла и, увидев беспокойного соседа, вместо «Здравствуйте!» спросила:

— Что?

Вик ухмыльнулся и негромко сказал:

— Марфа, я уезжаю, дела появились неотложные. Когда вернусь, не знаю.

— Неужели? Хотя какая-то радость в сегодняшнем дне! Все умирать готовятся, слышал?

— Слышал. Ты присмотришь за моей квартирой?

— А что ж не присмотреть. Присмотрю. Давай ключ.

Вик протянул ей ключ, прощаясь, качнул головой и почти ушел, как вдруг вспомнил о картошке.

— Марфа!— с лестницы крикнул он ей. — У меня в комнате мешок с картошкой, возьми себе, детям. Мне он теперь не нужен. Да, и никого не пускай в мою квартиру, прошу!

— Мешок?— с удивлением переспросила Марфа. Она подбежала к его двери, открыла ее и, увидев мешок, схватила несколько картошин. Ее голос тут же изменился, она выбежала на лестницу и с благодарностью затараторила:

— Присмотрю, пыль сотру, не волнуйтесь! Спасибо вам, все будет хорошо! Дай Бог вам удачной дороги! — крикнула взволнованная женщина. Она остановилась, посмотрела на уходящего юношу и трижды перекрестила его.

Вик вышел на улицу, посмотрел на свои окна и сразу за углом дома остановил извозчика.

— На станцию!

— На станцию так на станцию, — согласился извозчик и, ударив лошадь, поехал по мостовой. Он повернулся, посмотрел на молодого человека, севшего к нему, и спросил:

— Ехать куда надумали?

— А что?

— Да не, ниче, только не уедете вы. Все дороги закрыты, солдаты кругом, аж до моей деревни. Не пустят, завернут назад.

— Тебя как звать?

— Дык Иван Егорычом кличут. А можно и так — Егорыч.

— Ты говоришь, до твоей деревни солдаты стоят?

— Да.

— Значит, ты местный и все дороги знаешь?

— Знаю.

— Егорыч, вывези меня из города, хорошо заплачу.

— Хэ! Хорошо— это скоко?

— Рупь дам.

— Рупь, конечно, хорошо. Но раз вы бежите из города, когда нельзя никому уезжать, значит, с законом не ладите. А тут такое творится. Кто знает, может, вы...

— С законом у меня все хорошо. Я не беглый! Дела у меня срочные!

— Вы, господин, не шумите. Ехать надо, так платите. Треха, и я вас довезу до пролетной станции. Там в дилижанс сядете и ежайте свободно. А что стоко денег прошу — так беда у меня. Я ведь что в извозные пошел? Погорелец я. Продал что мог, купил лошадь да в город подался. А тут городовому заплати, за комнату отдай, а у меня еще четверо. Так что вы, сударь, зла-то на меня не держите. Я вывезу вас из города, мне не надобно знать, по какой такой причине вы уехать так быстро желаете, но скажу одно: неладное в этом городе стало твориться. Люди зазря гибнут, с тайной охраны шпиков понаехало. Нам-то что, вози. Но уж извините, нехорошо — все злые, кричат. А я в чем виноват? Что в церкву прятаться не побежал? А чего прятаться? Ежели конец пришел, прячься не прячься, все одно настигнет. Ну так что, за треху поедем? Я вас тайной дорогой, через торговые ряды вывезу. По ней торговцы, чтобы на въезде в город с телеги мзду не платить, тайно въезжают. Сами ее прокатали и никому не выдают. А я знаю ее! Подрядил тут недавно меня один торговец. Я ему два дня ящики возил да узлы всякие. Вот он мне ее и показал.

— Хорошо, поехали! Заплачу я тебе три рубля! Но учти—твоялошадьдешевлестоит.

— А это как посмотреть! Сейчас моя лошадка одна, может, по городу ездит, а таких, как вы, желающих можно найти много. Так они, может, и больше дадут?

— Все, поехали, я тороплюсь!

— Деньги вперед!
— Их разменять нужно. У меня крупная.
— А ты не бойсь, сударь, я сдачу по сусекам наскребу.
Скоко у тебя?

— Сотня!
— Тю, я думал, там пятистовая или, может, червонцы золотом. А с этой бумаги я тебе и здесь отсчитаю.

Вик открыл рот от удивления. У обычного извозчика в кармане оказалась сдача со ста рублей. Весь прошлый год он прожил, как он сам считал, хорошо и за год потратил не больше сорока рублей, а тут сотня — и так запросто? Извозчик спокойно отсчитал сдачу из червонцев, пятерок и мелочи. Вику подумал: в этом городе все перевернулось с ног на голову. Бедные стали богатыми, а богатые не знают, как спасти себя, свое богатство и положение, ведь они теперь ничего не значат. Егорыч ударил коня, повернул карету в обратную сторону и помчался к торговым рядам. Через полчаса он петлял по грунтовой дороге мимо полуразрушенных изб и кричащих играющих детей.

Он ехал в карете, смотрел на них и думал: «Надо же, все эти люди совсем из другого мира. Они не знают, что за ужасы творятся в их городе. Не выходят за границу того района, где живут. Эти дети смеются и играют — им все равно, что там смерть и страх!» Вик увидел, как спокойно, поплеывая семечки, сидят на лавочке бабки и о чем-то шепчутся, а несколько рабочих с гармонью, качаясь, пошли в переулок, громко ругаясь матом. Там, совсем рядом, люди сходят с ума от страха, но стоит отъехать в сторону, и начинается другая жизнь. Ей нет дела до того, что одни богатые заплатили хорошие деньги за билеты и купили собственные смерти, а другие, не менее богатые, думают, как спасти себя. Есть еще и третьи, тоже богатые. Они ищут хитрый способ спасения, желая защитить себя и не вызвать гнев высших сил. Всем очень хочется дальше красиво спать в своем сером городе. Они сами его таким создали, и им нравится управлять этой монотонной жизнью. Но все они не учли самого простого — есть люди, которые не боятся смерти. Они устали так жить, и испугать их очень

сложно. Смерть для них— избавление, потому что лучшего в их жизни не будет.

Выехав из трупоб, карета оказалась у березовой рощи. Время было обеденное, солнце поднялось в зенит, и эта березовая роща просто засветилась. Она была такой чистой и обрадовала своим белым цветом юношу. Он попросил извозчика притормозить, вышел на поляну и прислонился к березе. Ему показалась, что она испугалась его. Вздрыгнула, но тут же, как бы забирая его тяжесть, прошептала: «Успокойся». Вик закрыл глаза, но тут же услышал голос извозчика:

— Сударь! Нам пора! Нужно дотемна выбраться к развилке. А то не выскочим. Там, за развилкой, такая же роща есть, и трактир рядом. Пообедаете, отдохнете и пообнимаетесь с березами. Поехали!

Вик, ничего не отвечая, вскочил в карету, и они помчались дальше. Объехав березовую рощу, старик свернул к темному сосновому лесу. Он не жалея хлестал лошадь. На ухабистой дороге карета подпрыгивала и сильно тряслась. Вик не мог спокойно о чем-либо думать: все его мысли были лишь о том, как удержаться и не выпасть из кареты от очередной кочки или ямы.

Через пару часов старик остановился. Слез со своей сидушки и пошел пешком. Забрался в кусты орешника и скрылся в зарослях. Юноша сидел молча. Сейчас ему было все равно, куда ушел этот человек. Выдалась минута спокойствия, и он с наслаждением отдыхал. Через несколько минут извозчик вернулся.

— Развилка пуста! Можно ехать, — рассказал он. — Но на перекладной жандармы.

— А ты откуда знаешь?

— Знак видел. Воры и лихие люди так делают. Если на перекладной из полиции кто застрял или жандармы остановились, а может, кто важный заехал, — они на развилке у дуба рогатину втыкают — для своих, чтоб не нарвались случаем. Так что думай сам, ехать дальше али нет. Я-то отвезу, мне терять нечего, меня не схватят. А вот ты сам смотри — тебе решать.

— Егорыч, а ты что предложить можешь? Есть другая дорога?

— Есть. Я могу тебя к Барановскому лесу отвезти. Там через него можно пешком к губернскому разъезду выйти. А если боишься один через лес идти, могу кое-что предложить.

Егорыч достал из-под кареты, из специально приделанного тайника, наган, патроны и кожаные лоскуты.

— Пистолет возьму. А это зачем? Что это за лоскуты?

— Э, мил человек, это не лоскуты, а метки! Здесь всеми лихими людьми Коптяи заправляют — это их метки. Ежели кого встретишь, покажи — поймут, что свой, не тронут.

— И сколько завсе?

— Так, червонец! За это на каторгу можно попасть. А ежели у тебя метку полицаи увидят, выкидывай сразу. Схватят, и не отвертишься.

— Ладно, давай, и патронов побольше!

— Да куда тебе больше? Полкармана хватит. Тебе что их, солить?

— Хорошо,— согласился Вик. Он зарядил пистолет, сунул остальные патроны в карман пальто, в другой положил разбойничью метку и, удобно усевшись, крикнул старику: — Поехали!

Егорыч ударил вожжами лошадь и помчал к Барановскому лесу. Солнце потихоньку опускалось. Уже в сумерках старик остановил карету, посмотрел на юношу и произнес:

— Все, иди вот туда, не сворачивай. Еще до начала ночи выйдешь. Там трактир есть, спросишь Степку. Он свой, может.

Вик выпрыгнул из кареты, похлопал лошадь и на прощание спросил:

— Ответь, почему ты мне помогаешь?

— Так беглый же ты. Я сразу понял. И деньги у тебя шальные. А мы друг другу помогаем. Ежели кого из наших встретишь, тоже помоги, а отвернешься или же продашь — жди ножа в спину. Самого-то как кличут?

— Вик! Виктор! Я литератор!

— Понял— литератор — так бы сразу и сказал! Ну ладно, бывай! — резко выкрикнул старик и, погоня лошадь, помчался обратно.

Вик посмотрел на закат, определил стороны горизонта и смело вошел в лес. Тропы не было видно. Он, раздвигая заросли папоротника, шел, не сворачивая, к разъезду. Опустились сумерки. За ними быстро пришла ночь, и на темном небе появились звезды. Юноша смело пробирался по лесу, стараясь не сворачивать. Прошел час, другой, но лес не кончался.

— Неужели я сбился с дороги? Нужно осмотреться.

Он сел на сваленное дерево и почувствовал голод. Весь день он ничего толком не ел. А ночь продолжала окутывать лес. Где-то внутри себя он почувствовал страх.

— Чего я боюсь? Леса, ночи или той дороги, что выбрал? Куда иду? Навстречу смерти?

Страшные мысли появились в нем. Он достал спрятанный пистолет и, выставив его вперед, пошел дальше.

— Странное дело! Вот оружие вроде не живое, а сколько силы придает!

Он пробирался вперед, чувствуя появившуюся уверенность. Холодная сталь пистолета прогнала страхи. Юноша остановился, понимая, что точно сбился с дороги. Со слов Егорыча, он должен был давно выйти из леса, но лес, как нарочно, не кончался. Сухие ветки, паутина, растянутая между деревьями, подсказывали, что он забрел в чащу.

— Что делать? Идти дальше, не зная дороги, или заночевать здесь?

Увидев небольшую опушку, Вик вышел на нее, снял пальто, нарвал сухой травы, сделал из нее подушку под голову, закутался в пальто и быстро уснул. Усталость — самый серьезный враг. Если бы у человека не кончались силы, он бы мог вечно ходить по земле. Но жизнь и человек, к сожалению, устроены по-другому. Нужно выбирать время для отдыха, особенно если впереди трудный день.

Крик птицы разбудил юношу, он подхватился и, схватив пистолет, осмотрелся по сторонам. Никого не было, а где-то вдалеке между деревьями Вик заметил просвет. По

всей видимости, именно там заканчивался лес. Он отряхнул пальто, сунул пистолет в карман и пошел в сторону просвета.

Вскоре он вышел из леса. Прав оказался Егорыч, нужно было идти дальше, ведь он не дошел до выхода всего несколько сот метров. Но вчера была ночь, и, возможно, он правильно сделал, что остался на поляне, ведь в худшем случае мог забрести так далеко, что сам бы без помощи не вышел. А учитывая, что ни еды, ни воды у него не было, скитания по лесу могли плохо закончиться.

Остановившись у дороги, юноша увидел вдалеке двухэтажный деревянный дом, около которого стояли кареты. За ним длинной полоской тянулись избы. Вик еще раз посмотрел на себя, отряхнулся и пошел к дому.

Как и обещал извозчик, это оказалась губернская разъездная станция, на которой сходились две главные дороги разных губерний. Проезжающие мимо люди останавливались здесь, ночевали и меняли при надобности лошадей. Но кроме этого, в каждый из городов ходил от нее дилижанс. Тихая, спокойная, с двумя постояльцами станция еще спала, когда в дом зашел юноша и первым делом попросил еды. Сев за деревянный стол на длинную скамейку он стал изучать присутствующих. Позже он определил, кто хозяин этого дома. Мальчик-официант принес ему тарелку супа и хлеб. Вик быстро поел и, подозвав хозяина, спросил:

- Скоро дилижанс в город?
- Не знаю. Ехать некому.
- Я поеду. Мне в город надо.
- Всем надо, но из-за одного не поедем.
- Я за все места заплачу.

Хозяин посмотрел на него, на его старенькое пальто и спросил:

- А денег-то хватит?

Вместо ответа Вик огляделся по сторонам, подозвал хозяина поближе и шепнул ему на ухо:

- Тебя Степаном зовут?
- Да.

— Мне извозчик Егорыч посоветовал к тебе обратиться.

Хозяин резко сделал шаг назад, и его хмурое лицо расцвело улыбкой. Он сразу стал приветливей и предложил еще покушать. Приказал принести курицу и сам подсел рядом.

— Слыхал, Коптяя-то старшего схватили?

— Да ну?— изображая удивление, произнес Вик.— Откуда мне знать, я только что из леса вышел. Тамночевал.

— А слышал, за Барановским лесом городишко есть. Там, говорят, Танцор лютует. Много народу погубил?

— Да, слышал. Там сейчас все дороги оцеплены. Ищеек полно, лучше стороной те края объезжать.

— Да-а, понятно. Ну, в таком виде тебе в город нельзя. Хотя давай я Митьку пошлю. Ты в карету садись и до самого города нигде не выходи. Он тебя куда надо доставит. Там и цирюльник, и портной— все есть. Деньги-то как, имеешь?

Вик качнул головой.

— Ну, тогда я тебе еды соберу в дорогу, а пока подожди здесь. Кушай курицу. Вина принести?

— Неси.

Все тот же мальчуган принес бутылку красного вина и жареную курицу. Вик спокойно поел, достал из кармана рубль, отдал его хозяину, за что тот долго благодарил и кланялся. Вышел на улицу, сел в карету и увидел рядом с собой на сидении корзинку с бутылкой вина, домашней колбасой, яблоками и хлебом.

— Бывай!— крикнул он хозяину и, хлопнув извозчика Митьку по плечу, дал команду ехать.

Эта карета была лучше, чем у Егорыча его кибитка. В ней не трясло, и он, съев яблоко и выпив вина, облокотился на спинку сиденья и сразу уснул.

Громкий крик разбудил его.

— Приехали, сударь! Вы меня здесь подождите, я схожу позову кого надо.

Митька спрыгнул на землю и быстро вбежал в дом. Вик выглянул и увидел городские каменные дома, людей, спокойно гуляющих по тротуару, и двух собак, играющих у во-

рот. Он, прижавшись, спрятался в карете и в этот момент задал себе вопрос:

«А кого я боюсь? Я ничего не совершил. Никого не убил и тем более не украл. Есть у меня купленный пистолет, метка разбойничья — и все. Можно жить спокойно, — но тут же он поймал себя на том, что ему нравится эта лихая жизнь. Появился какой-то новый азарт, тайна, интересные знакомые, которые стараются помочь. — Они думают, что я серьезный преступник и за отказ в помощи с ними могут разобратся другие — мои тайные друзья, с которыми я лихачу на большой дороге. А что, это даже интересно! Буду дальше делать вид, что я опасный преступник. Что мне терять? Нечего».

Из дома вышли двое. Тот, который был за извозчика, — Митька — сел в карету, взял вожжи и стал, погоняя, разворачивать лошадь. Второй открыл ворота и пропустил его во двор. Затем сразу закрыл ворота и ушел. С боковой лестницы вышел старичок. Он посмотрел на юношу и спросил:

— Ну, как добрались?

— Слава Богу.

— Ну что ж, пожалуйста в дом.

Вик пошел за стариком и оказался в длинном, обставленном старой мебелью коридоре.

— Итак, все как всегда? Помыться, портного, цирюльника и, конечно, новый пачпорт? А девок заказывать?

— Девок и вино потом! Я отдохнуть хочу! — Вик уже начал вращать в роль серьезного преступника.

— Хорошо, хорошо! Сразу за все расплатитесь али на вас записать?

— Сразу! — Вик достал из кармана деньги и небрежно бросил их на стол. Старичок спокойно запросил за свои услуги пятнадцать рублей.

— Я вижу, вы человек серьезный. — Старик отошел в сторону, открыл ящик стола, достал ключ и протянул его юноше. — На втором этаже первая дверь справа. Вашу корзину с едой доставить или чего посвежее пожелаете?

— Неси.

— Обед за наш счет. Я угощаю.

«Ага, угощаешь! — подумал Вик. — Да за пятнадцать рублей я мог в столице неделю шиковать. Но здесь другие дела. Я ведь теперь скрываюсь, и услуги для меня незаконны, а значит, дорогого стоят».

Через час Вик лежал в ванной, попивал из бокала вино и вспоминал свою серую жизнь в родном городишке. Он совсем забыл о цели, но неожиданно она напомнила о себе. Он увидел свое отражение в зеркале, и ему показалось, что он превратился в другого человека. Стал старше, серьезней, и ему показалось, что эта лихая жизнь теперь ему безразлична. Он захотел жить, веселиться, пить хорошее вино, забавляться с женщинами и быть уважаемым человеком. Но его мечты так же быстро развеялись, как и пришли.

«А дальше что? Деньги закончатся, я постарею, и в конце концов полиция схватит Танцора. И все — конец приключениям. Придется вернуться в свою нору — нет! Лучше уж я буду жить все последние дни с шиком, а когда придет день, увижу «Танец Дьявола» и отдам за это свою жизнь. Сейчас мне ее стало жалко, но что жалеть? Ведь я даже в свой город вернуться не могу. Я должен погибнуть, как и обещал, на представлении! Я не могу нарушить собственное слово. Пока у меня есть время, буду отдыхать! А дальше будь что будет! А вдруг все же эти сыщики быстро схватят Танцора и все кончится, не успев начаться? Нужно торопиться!»

— Эй, хозяин! — крикнул Вик. — Принеси мне карту и поторопи остальных. Долго засиживаться я не могу!

Старичок быстро исполнил просьбу, и уже через полчаса около юного литератора кружились портные и парикмахеры. К вечеру он выглядел как столичный франт. Вик попросил всех оставить его. Он взял карту и стал изучать путь возможного следования Танцора. Долго гадал, считая расстояния, потом решил наугад ткнуть пальцем в южном направлении и ехать в ближайший город от того места, куда он попадет. Все сошлось: и дорога, и город.

— Как странно! А не получается ли так, что я из волка-преследователя постепенно превращаюсь в кролика, кото-

рый под гипнозом сам идет в пасть к удаву? Что ж, посмотрим, что будет дальше.

За весь этот день странные мысли и чувства несколько раз посещали Вика: то он чувствовал страх, то безразличие, то непонятную жажду смерти. Ему хотелось умереть, и даже эта новая, шикарная и одновременно тайная и интересная жизнь была не в радость. Смятение терзало его. Он не знал, что делать, с чего начинать. Немного подумав, вспомнил, что нужно написать письмо Омо, указать город следования и немного описать приключения, случившиеся с ним. Про то, что он вошел в преступную жизнь, Вик промолчал, но о том, как он лихо пробрался через кордоны и оцепление, заночевал в лесу, — написал, слегка приукрасив детали. Получилось несколько очень захватывающих страниц. Вик позвал хозяина и, попросив у него конверт, запечатал письмо, написал на нем адрес и приказал отнести это письмо на почту. К утру он попросил приготовить карету. Но хозяин настоял, чтобы он задержался до обеда следующего дня, так как новый паспорт мог быть изготовлен только к этому времени. Вик согласился. Он хотел прогуляться по городу, но вспомнил, что в его нынешнем положении делать этого не стоит. Юноша решил закрыться в своей комнате: после ночи в лесу и непривычной тряски в карете он решил пораньше лечь и выспаться.

4

Проснулся Вик рано. Он долго лежал в кровати, вспоминая события последних дней. То, что произошло с ним, не поддавалось объяснению, он попал в непонятное течение, которое понесло его в неизвестность. Пытаясь вспомнить утренний сон, он несколько раз закрывал глаза, но сумел лишь воспроизвести отдельные отрывки видений. Станный человек, точнее, тень преследовала его, и он, стараясь спрятаться, пытался что-то изменить. Сначала ему казалось, что он меняет внешность и становится неузнаваемым, потом он почувствовал силу и чью-то защиту.

Рядом с ним появились другие светлые образы, которые помогали идти по выбранной дороге, но кто это был, женщины или ангелы, он так и не вспомнил. В дверь постучали. Вик крикнул, что сейчас откроет, быстро оделся и подошел к выходу. В комнату медленно, почти на цыпочках вошел хозяин гостиницы.

— Будь потише. Внизу сыщики. Они расспрашивают о Танцоре. Слыхал о нем?

— Да. Сейчас все о нем расспрашивают.

— Я отправил твое письмо и приготовил карету. Вот пачпорт на новое имя. Ты теперь Андре де Шон: мать русская, отец — француз-учитель. Проживаешь в Москве, на Хлебном, в доме вдовы поручика Аренского. Снимаешь квартиру и работаешь в канцелярии устройства дорог. Сейчас едешь в поисках надежных артелей по поставке леса в Москву. Понял?

— Да.

— Собирайся, карета ждет. Можешь договориться с моим кучером. Он сможет сопровождать тебя в любой город. Зовут его Семен, у него нет ни семьи, ни дома. Так что он свободен. Корми его и плати исправно, и он будет помогать и оберегать. Человек наш, надежный. Тебе, наверно, нужен помощник. Ежели кого припугнуть или там еще чего, он на все способный. Смотри сам. Решать тебе.

Хозяин выглянул в коридор и вышел из комнаты. Вик закрыл за ним дверь и решил собирать вещи. Посмотрел на свое старое пальто и понял, что брать его с собой нет смысла. Спрятал в новое пальто пистолет, посмотрел на горсть патронов, положил несколько штук в задний карман брюк, решив, что больше ему не нужно, остальные оставил в старой одежде. Спрятал метку в боковой карман пиджака, пересчитал деньги, внимательно изучил паспорт и, осмотрев комнату, спустился вниз. Хозяин, увидев его, вздрогнул. Но юноша держался смело и немного нагло. Он потребовал побыстрее приготовить завтрак, принести вина и, бросив на скамейку пальто, кашне и новую шляпу, неуклюже сел за стол и стал стучать пальцами по нему в ожидании еды. Один из сыщиков подошел к Вику и поинтересовался,

кто он и куда направляется. Юноша в ответ попросил незнакомца представиться и поинтересовался, с какой целью тот обращается к нему. Неопытный сыщик занервничал, он рассчитывал на то, что его внешность явно указывает на принадлежность к тайной полиции. Любой, увидев сыщика, понимает, кто он, но в этой ситуации агент почувствовал себя неловко. К нему подошел второй сыщик. Он достал из кармана большой лист с огромной печатью, показал его юноше и попросил предъявить документы. Вик спокойно достал новый паспорт и, не обращая внимания на их серьезный тон, стал подгонять хозяина, требуя завтрак. Сыщики посмотрели на только что изготовленный паспорт, отдали его обратно и вернулись к стойке хозяина. Но тот, второй, который был поопытней, обернувшись, все же задал юноше вопрос:

— Вы что-то слышали о Танцоре?

— Конечно.

Сыщики тут же заинтересовались, вернулись и подсели к нему за стол. Хозяин напрягся. Он повернулся боком, чтобы лучше слышать их разговор.

— Слышал, конечно, слышал. А кто сейчас об этом не слышал, наверное, только тот, кто газет не читает или в глуши какой-нибудь живет.

— Что вы знаете об этом? — спросил старший сыщик.

— Только то, что писали газеты. Ездит по городам Танцор, и после его концертов люди умирают. А он исчезает, и никто не может понять, кто он: человек или Дьявол.

— А еще что?

— А больше ничего. Видеть его никто не видел, а кто видел — все умерли. Зачем он это делает — непонятно, кому-то мстит или, может, специально выбирает жертв. Да, вот еще что, — как бы вспомнил Вик. — Билеты на его представление дорогие — простым людям купить трудно. Вот и все.

— Спасибо, сударь, но об этом мы и сами знаем. Вы куда-то едете?

— Да, дела у меня. Москве нужен добротный лес. Предписание генерал-губернатора.

— Понятно. Мы можем вас попросить об одолжении?

— Конечно.

— Если что-то услышите или узнаете о предстоящем представлении, сообщите. — Сыщик написал на бумаге адрес и протянул его юноше. — Отнесите это в любое почтовое отделение, и с нами быстро свяжутся.

— Хорошо, конечно, — улыбаясь, согласился Вик.

Официант принес завтрак. Юноша взял вилку, хлеб и начал есть. Сыщики попрощались и вышли из гостиницы.

— Лихо ты с ними! Молодец, — услышал Вик голос хозяина. — Смелый, не боишься! А если бы они тебя в участок позвали?

— Я бы потребовал официальной бумаги. Не те сейчас времена, чтобы просто так с улицы людей хватать и арестовывать.

— Ну да, понятно, — согласился старик.

Дверь гостиницы открылась, и в холл вошел здоровый мужчина с рыжей бородой.

— Это Семен, — представил его хозяин. — Поедешь с ним! — грубо скомандовал он мужику и показал ему на молодого человека.

Семен молча кивнул головой и, посмотрев на Вика, спросил:

— Куда едем?

Юноша достал из кармана карту, развернул ее и ткнул пальцем в город, который он вчера случайно выбрал.

— Хорошо. Кормить-то будете?

— Садись рядом, ешь! Принесите ему то же самое, что и мне.

Хозяина это удивило, но он тут же вспомнил, что этот парень на самом деле один из них. Для него не существовало, как и для всех лихих людей, разницы в званиях и положениях. Семену тоже понравилось, что его новый хозяин относится к нему как к равному.

— Политический али как? — спросил он Вика.

— Тебе интересно, кто я?

— Ага, — грубо ответил мужик.

— Нет, я не политический. Я догоняю собственную смерть.

— Это как? Порешить, что ли, кого собрались?

— Ешь и не задавай дурацких вопросов, — грозно крикнул на него хозяин гостиницы.

Семен опустил голову и, взяв вилку, стал рыхлить принесенные картошины.

— Да мне-то все равно. Надо порешить кого? Сделаем! Скоко жалование платить мне будете?

— А скоко сам хочешь? — подражая мужику, спросил Вик.

— Треху в месяц, и я ваш! — спокойно ответил мужчина.

— Пятерка, и будешь выполнять особые поручения.

— Да за петеру в месяц я от вас ни на шаг не отойду и всем хребты переломаяю! — усмехаясь, прорычал довольный Семен.

— Ну вот и договорились! — Вик протянул мужику руку. Семен, довольный, пожал ее и принялся за картошку.

В это время дверь гостиницы распахнулась, и в холл ввалились трое пьяных в грязных тулупах.

— Э, старая бестия, водки давай! — крикнул один из них и, достав финку, воткнул ее в деревянный стол.

Хозяин не шевельнулся. Он стоял молча и смотрел то на непрошенных гостей, то на Вика.

— Водки, — крикнул второй.

— Ты бы это, спрятал свой инструмент, — спокойно произнес старик.

— Да я тебя сейчас! — крикнул первый. Он резко сбросил тулуп, выдернул нож и подошел с ним к старику. — Что? Боязно?

Хозяин, ничего не отвечая, смотрел на Вика. Он, видимо, чувствовал, что этот молодой человек просто так эти выходки не оставит. Вик тоже почувствовал этот взгляд и понял, что он должен что-то предпринять. В этот момент в нем появилась неизвестная ему дерзость и смелость. Он увидел, что Семен медленно поднимается из-за стола.

— Не нужно! — попросил его юноша. Резко выхватив из-за пояса наган, Вик подскочил к напавшему на хозяина герою и подставил пистолет к его виску.

Увидев оружие, остальные севшие за стол перестали смеяться, а тот, который держал нож у горла хозяина, медленно опустил его и достал из кармана свою метку. Вик посмотрел на нее и понял, что эта метка совсем не похожа на ту, которую он получил от извозчика в Барановском лесу.

— Городские? — спросил хозяин гостиницы.

Но Вик продолжал держать пистолет у виска быстро протрезвевшего человека. Тот посмотрел на него и с дрожью в голосе произнес:

— Барин, не балуй!

Юноша стоял молча. Его на какое-то мгновение охватил столбняк. Он не мог пошевелиться и что-либо сказать. Через силу, другой рукой, он достал из своего кармана коптевскую метку и сунул ее в нос мужику.

— Видишь! — громко крикнул он.

— Вот это понятно, — усмехнувшись, произнес хозяин. — А ты, мил человек, свою-то спрячь. Она здесь веса не имеет.

— А че я такого сделал? — удивленно спросил испуганный мужик. — Откуда ж знать-то?

— Что сделал? Я сижу, ем спокойно и никому не мешаю. А ты что, туз особенный? Устроил дебош! Чем тебя хозяин обидел?

— Да ничем, — испуганно ответил мужик.

— Тогда забирай дружков, и чтоб больше сюда ни ногой! Перестреляю, как псов шелудивых, — грубо крикнул Вик. В этот момент он сам испугался собственных слов, и ему показалось, что это вовсе не он кричал, а кто-то другой. Незвестная лихая личность забралась в его тело, а он как бы остался в стороне. При этом Вик ничего не мог сделать с тем, кто залез в него. Этот человек был дерзок и смел. Он управлял им. Его глаза горели, губы сжались, и все увидели злой, волчий оскал.

«Неужели это я? — подумал сам про себя Вик. — Что я делаю?» — удивлялся он, но остановиться не смог. А тот неизвестный, появившийся в нем, продолжал свое действие. Он убрал пистолет, взял за шиворот мужика и сильно отшвырнул его от стойки хозяина, так что тот, запутавшись

в лавках, упал через них навзничь и разбил голову. Вик резко посмотрел на двух оставшихся мужиков, которые в страхе сжались, не зная, что делать.

— Забирайте его! И бегом отсюда! Что? Не слышали, что я сказал?— каким-то чужим охрипшим голосом выкрикнул юноша.

Мужики схватили тулупы, подняли за руки товарища и утащили его на улицу. Кто-то из них поймал извозчика, и через минуту наступила тишина. Хозяин и Семен, не зная, что сказать, молча смотрели на Вика, а он, чувствуя, как его душа трясется от страха, сел за стол, пытаясь доесть завтрак, но бросил вилку и каким-то чужим голосом прохрипел: «Поехали».

Семен тут же вскочил из-за стола и побежал к карете, а хозяин собрал в узелок продукты, засунул в него бутылку вина, отдал его юноше и, перекрестив, пожелал удачи. Вик выскочил из гостиницы, закутался в пальто, запрыгнул в карету, задвинул шторы и весь сжался от страха. Карета тронулась. Семен, покрикивая на лошадей, выехал из двора на дорогу и помчался по ней.

Вик почувствовал, как его начало трясти, потом он стал задыхаться, его стало тошнить, но вскоре все эти неприятные чувства ушли. Он пытался понять: что с ним произошло? Почему он так поступил? Откуда в нем все это появилось: и сила, и злость, и дерзость? Из глубин памяти всплыл когда-то написанный им рассказ о преступнике. Он вспомнил, как соперничал герою, как выдумывал его смелые действия и диалоги, и сейчас этот герой оказался в нем. Он управлял его поступками, и что самое странное — сознанием и даже голосом.

«Неужели такое бывает в жизни? — думал Вик. — Мы кого-то выдумываем, создаем в своем воображении, а потом начинаем сами подражать вымышленному герою. Люди, особенно молодые, стараются быть похожими на своих кумиров. А если кумира рядом нет? Если нет сильного, достойного человека, на кого можно равняться, — что тогда? Тогда люди начинают создавать этого человека в своих мыслях и мечтаниях. Он становится их силой и их исти-

ной. Все его поступки верны и вызывают уважение. Даже если этот вымышленный герой совершает что-то недостойное — у этих людей все имеет свои оправдания. Он — Робин Гуд или гладиатор — смел и ловок, и у него есть щит, за который прячутся эти слабые люди. Они делают это, не понимая, что это всего лишь вымысел. На самом деле все мы трусливые и нерешительные. Каждый хочет обойти неприятности и старается избежать лишних проблем, но они, как нарочно, догоняют и бьют нас. Очень сильно бьют! У кого-то все это не выходит за границы их фантазий, а у меня вылезло! Да еще как! Ну какой я преступник, лихой человек? Мне бы самому спрятаться от собственных страхов, и куда я сейчас еду? Выдумал, что я герой? И ведь остановиться не могу. А если правда окажется, что Танзор в том городе, куда я спешу, и я успею на его представление? Что? Пойду или нет? Смогу? А может, испугаюсь? — Вик закрыл глаза и тяжело вздохнул. — Все мы любим устраивать себе встряски, а потом сами себя успокаиваем. Я устал жить в тиши своего городка, а тут такое — риск — смерть! Омо хоть сумел признаться, а я спрятал то же самое, что вылезло из него. А может, во мне и вправду нет страха? Да, я сейчас трясусь, ноги окаменели, но ведь мне не страшно! Странно — это скорее похоже на нервную истерику. А если бы тот, в гостинице, дернулся? Я бы прострелил ему голову, без сомнения. Неужели смог бы? Еще как смог! А раз смог, нужно взять себя в руки, быть уверенней! Если я догоняю собственную смерть, почему я должен чего-то бояться? Вот сейчас выйду из кареты и отдышусь. Нет, Семен увидит, что я переживаю. Но почему я как-то странно спрятался здесь, в этой карете, ничего не сказав ему? Нужно выплеснуть эту злость, которая сейчас меня пожирает изнутри! А на кого я зол? На себя? Нет. Я злой, потому что слишком долго был спокоен. Нужно было драться, а не варить внутри себя протухшую кашу злости. Вот Омо — он все выносит наружу. Не опасается никого. Может смело сказать в лицо все, что думает, но при этом он боится смерти, а я нет! Как мне хочется испытать такое чувство — быть нормальным! Тогда зачем я сломя голову мчусь, пытаюсь увидеть лицо смерти?»

В этот момент из всех заблуждений и юношеских вымыслов он задал сам себе единственные правильные вопросы: «Кто появился во мне и зачем он ведет меня этой дорогой?» Вик почувствовал это еще дома, в Лопатинске, сразу после первых новостей о Танцоре, но разобраться и понять, кто появился в нем, он не мог. Юноша отвлекался на ненужные домыслы и всегда уходил от истины, оставляя этот вопрос открытым. Вот и в этот раз сомнения и творческие фантазии пересилили, и Вик вернулся к старым отвлеченным мыслям, пытаясь понять чужие ощущения людей и их отношение к смерти. Пока он не мог осознать того, что именно он — Избранный, и тот путь, по которому он идет, — путь Воина, пришедшего в этот мир для борьбы со злом.

«Интересно, солдаты, которые идут на войну, боятся смерти? Конечно, боятся, и они не скрывают этого. Но они честно идут в бой, зная, что погибнут! Я сейчас бегу за Пантомимом, хочу, чтобы он убил меня? Нет, меня влечет увидеть тот его страшный танец! Я хочу заглянуть в его глаза! Кто он? Человек или действительно Дьявол? Пока я чувствую, что он не человек, но все эти люди, сыщики, трактирщики, они говорят о нем как о существующем преступнике, который расправляется с богатыми. А может, это просто больной человек, обладающий сильным гипнозом? Его сознание помутилось, он запугал всех, а сам не знает, что он делает. Так почему же я иду за ним? Неужели мне нужен обезумевший танцор? Я не хочу увидеть танец больного или пустой взгляд сумасшедшего! Нет, все это не так! Я верю и чувствую, что за ним стоит совсем другая — Высшая сила! Возможно, я хочу просто доказать, чего стою. И я докажу это! Докажу всем: Омо, его друзьям, ведь наверняка он проболтался, или нет — я докажу это в первую очередь себе. Если я смогу, то выживу, если нет — погибну! Но я смогу также погибнуть, если найду его и приду на его представление не готовый к этой встрече. Что-то здесь не так. Наверное, стоит его сначала найти, узнать, кто он, и потом сделать то, ради чего я все это затеял. Если он Дьявол, я пойду на его представление, увижу его танец и посмотрю в глаза смерти. А если он больной человек,

я, наверное, расправлюсь с ним или помогу схватить его. Нужно много сил, с ним, мне кажется, не получится легко справиться. Ведь по всему ясно, что он не один. Кто-то делает афиши, кто-то продает билеты и устраивает представления. Возможно, вокруг него много слуг? А может, это тайная организация? Но нет. Почему же после смерти люди странно разлагаются и начинается мор, от которого нет ни лекарств, ни спасения? Нет, он точно не человек! Если он Дьявол, значит, все его слуги демоны, с которыми мне очень хочется сразиться. Я чувствую силу и поэтому не боюсь его. Я уверен, что сумею победить это зло! Во мне проснулись уверенность и смелость. Возможно, что во мне поселился добрый ангел, которому предстоит сразиться со всей этой дьявольской бандой. И мне предстоит великая битва. Чего стоят все эти лихие люди и разбойники, запутавшиеся в своих жизнях? За ними, кроме их атамана, никого нет! А за мной? Неужели за мной стоит Бог? Он вложил в мои руки оружие — особую силу, которую я теперь чувствую, и я должен очистить землю от черных демонов и зла! Я понял, великое сражение произойдет, скорее всего, на представлении, когда он выйдет и увидит, кто сидит против него в зале. Дьявол поймет, что это не падшая душа, а сильный человек, верящий в Бога и справедливость. Значит, так и должно быть! Но это всего лишь мои догадки, что будет на самом деле, я не знаю. Жаль, если все кончится его арестом и мне придется вернуться домой. Конечно, меня поймут и оценят мой смелый порыв, но сам-то я останусь пустым. Та божественная сила, которую я в себе чувствую, уйдет, и останется лишь пустое тело, способное записывать бредовые фантазии. Не хочу загадывать, но я верю, что иду по следу нелюдя и он играет со мной. Устраивает все эти встречи с преступными личностями, проверяет меня — достоин ли я с ним сразиться? Да, я верю в это и буду стараться не идти по его протоптанной дороге, а стану прокладывать свой путь, завершением которого будет победа над злом! А чем я займусь после этого, мне подскажет Господь, направит, но для этого я должен до конца оставаться избранным и пройти достойно выбранный путь.

— Эй, Семен! Останови!— крикнул Вик.

Карета остановилась, Семен молча обернулся и посмотрел на юношу. Вик вышел, расправил руки, потряс ногами, глубоко вздохнул и спросил его:

— Ты есть хочешь? Нам чего-то там старик собрал. А то мы толком позавтракать не смогли.

— Можно,— ответил кучер.

Они залезли в карету. Вик развязал узел, и они слегка перекусили домашними пирогами, запивая их вином. Немного опьянев, Семен улыбнулся и, посмотрев на юношу, произнес:

— Ну ты дерзкий, лихой человек. Этак мог этому дураку пулю всадить.

— Не люблю я, когда мне завтракать мешают,— с улыбкой ответил Вик. Семен поперхнулся, прокашлялся и спросил:

— В город этот надолго? Как он там, Ренск?

— Посмотрим. Может, и ненадолго, как дела пойдут.

— Да ты не бойсь, скажи, может, я чем пособить сумею.

— О Танцореслышал?

— Да,— ответил мужик и перекрестился.

— Я по его следу иду. Не боишься дальше ехать?

— Страшно, конечно, но мне что черт, что Дьявол— все одно.

— Это почему?

— Грешный я. Никому не нужен. Да и ему, наверно, тоже.

— Так чего же ты боишься?

— Да так, по привычке. А если честно, видал я и страшнее вещи. Люди людей живьем жрали, резали друг друга, как звери. Рвали и детей, и женщин, и стариков.

— Где ж это ты такого насмотрелся?

— На каторге. Беглый я. Убежал не от власти, а от людей. Почуял, что сам в зверя превращаюсь, вот и сбежал, чтобы человеком остаться.

Вик посмотрел на него и понял, что в этом огромном безжалостном преступнике живет человек, который, как и он, устал жить в грязи и серости. Он посмотрел на его из-

резанное шрамами лицо и увидел, что ему действительно пришлось повидать многое. Но при этом зверь, живущий в нем, не смог победить его, а человек — сильный и достойный — пока скрывался от людей, но очень хотел выйти из Семена и показать себя всем. Ведь кроме того, как быть преступником, он ничего не умел. Мог побить, напугать, и сейчас он старался жить, как привык. Устроился к Вику кучером, хотел заработать денег и уехать подальше в Сибирь. Жениться и жить спокойно. Он сам рассказал ему об этом. Поведал, как он устал видеть кровь и предательство. Он не верил в лихое братство, потому что хорошо знал этих людей: лживых, трусливых, готовых на предательство. На Вика он смотрел другими глазами: видя его дерзость, считал, что он просто не успел влезть в эту грязь по уши и сломаться. Но его все это ждало впереди, и Семен для себя решил помочь юноше, не дать ему окончательно свалиться в пропасть. В конце рассказа он попросил быть с ним честным, а за это пообещал верную помощь в его погоне за смертью.

— Нужно будет, мы этого Танцора найдем и кости ему переломаем, чтобы не плясал свои пляски, — сурово произнес Семен.

— Нет, — возразил Вик. — Я должен увидеть этот танец. Если я пойду по другой дороге, поймаю его или встречу среди лихой братии, мне этого будет мало. Я обязан выстоять или, точнее, победить его.

Семен посмотрел в лицо юноше. Посмотрел на его белые руки и еще раз удивился. «Откуда в нем столько силы?» — подумал он и вслух добавил:

— Что ж, помогу я тебе! Мы найдем этого нелюдя! Обещаю! Не таких выискивал. Я по следу одного хитрого банкира год ходил. Нашел и порешил его в гостинице. Люди попросили. И вот что я тебе скажу: хорошее это дело — гнать кого-то. Пока я за ним шел, чувствовал, что живу верно, а как поставил крест на его жизни — неделю пил, не зная, что делать дальше. Верное это дело. Я согласен, и деньги мне твои теперь не нужны!

— Да нет, чего уж. Я заплачу. Деньги всем нужны, сам говоришь, уехать хочешь, жениться.

— Ну, тебе видней. Дашь так дашь, а нет, и за то спасибо, что с собой взял! Устал я в гостинице прозябать. Ну что, поехали дальше в этот Ренск.

— Поехали,— согласился Вик и, одобрительно похлопав Семена по плечу, залез в карету.

А тот, забравшись на сиденье кучера, заорал как дикий:

— Теперь и у меня интерес! Как я хочу отблагодарить Рогатого за то, какую он мне жизнь устроил!

— Ты думаешь, что это не простой танцор?

— Дьявол это! Знаю точно! — с явной ненавистью крикнул Семен. Он взял вожжи и, ударив ими лошадей, громко закричал: — Ну, давай, милые! Поехали!

Семен тут же изменился. Он запел песню, его грубая душа требовала захватывающих сердце приключений, дерзких действий. Он не мог просто так сидеть в городе и гонять мелкую шпану. Он мечтал о деле! И не боялся схватиться с самим Дьяволом. Наверное, Семен тоже хотел проверить себя, а может, он просто желал отомстить за ту человеческую боль, которую ему пришлось пережить. Вик был доволен тем, что нашел такого компаньона. Семен был сильным и уверенным. Возможно, там, в гостинице, если бы он не остановил его, Семен легко раскидал бы этих городских хулиганов в стороны. Наломал бы им бока и при этом вряд ли испытал бы удовлетворение. Ему нужна была достойная схватка, и Вик понял это.

При всем своем весе и огромном росте, более двух метров, Семен выглядел как-то по-доброму. Носил лохматый тулуп и очень по-доброму улыбался. Вик заметил это. Он не сразу разглядел его синие глаза, которые лукаво искрились, а рыжая борода и такие же волосы напоминали доброго домового, который пришел к детям на праздник. Если бы на него надели костюм Деда Мороза, из него получился бы хороший лесной старичок, пляшущий у новогодней елки. Но за этим веселым блеском Вик также разглядел непонятную обиду и тяжесть. После их разговора он решил, что в его взгляде все-таки читалось, кто он. Семен, возможно, по привычке смотрел на всех как на жертв и не мог спрятать этого. Как он ни старался быть добрым, его

все равно боялись, и этот страх передавался всем. Наверное, поэтому он был замкнут и одинок. Но, встретив Вика и узнав, за кем он идет, Семен загорелся. Поначалу он не мог поверить, что этот юноша настолько смел. И даже его выходка в гостинице не удивила его. Но когда он узнал, что предстоит встретиться с тем, кто виновен во всех человеческих бедах, и за ним идет смелый, пусть и юный человек, он для себя решил во всем помогать ему и быть верным товарищем.

Семен в своих затертых сапогах носил два ножа, а сзади за поясом небольшой топорик. Ему предлагали оружие, пистолеты, но он отказался, возможно, потому что доверял лишь тем предметам, к которым привык и мастерски владел ими.

Подъехав к городу, он предложил Вику выбрать самую дорогую гостиницу. Юноша не удивился. Оказалось, что у Семена своих денег было достаточно. Вик согласился и попросил Семена немного изменить внешность: купить костюм и сбрить бороду. Тот поначалу отказался, но позже согласился, решив, что в таком виде к нему будут лучше относиться.

Поселив Вика в гостинице, он взял карету и, ничего не объяснив, куда-то уехал. Юноша спустился в ресторан и стал внимательно изучать присутствующих. Одна интересная дама в строгом коричневом платье обратила на него внимание. Она несколько раз пристально посмотрела в его сторону, и Вик понял, что понравился ей. Он стал наблюдать за этой женщиной: ее огромные глаза, светлые волосы и детская улыбка сразу запали ему в душу. Вику показалось, что это строгое платье совсем не идет ей. Он увидел ее маску, за которой она прятала привлекательную внешность. Не выдержав, он подозвал официанта и попросил посадить его к ней за столик. Подойдя к незнакомке, он вежливо представился:

— Андре де Шон.

Причем выговорил он это с трудом. Ему хотелось просто назваться Виком и объяснить, почему его так зовут. Рассказать про литературное объединение и то, как они

сами придумывали себе такие веселые имена. Неожиданно для себя Вик почувствовал непонятную близость к этой даме. Она с улыбкой назвала свое имя — Ирен — и подала ему руку.

Двое мужчин из-за соседнего столика поднялись, но она жестом показала, чтобы им не мешали.

— Проездом?— спросила женщина.

— Это так заметно?

— Конечно. В этом городе мало кто носит костюмы, пошитые в столице.

— Аувасточный взгляд, — усмехаясь, ответил Вик, а сам подумал, как она ошибается, ведь этот столичный костюм сшили за одну ночь бывшие каторжники. Он сразу определил это, когда заметил у портного татуировки на пальцах.

— Надолго приехали?

— Пока не знаю. А это ваша охрана или, может, слуги?— спросил он, показывая взглядом на тех, кто сидел за соседним столиком и наблюдал за ними.

— Нет, это по работе. Не обращайтесь внимания. Они мне порядком надоели. Спасибо вам, что вы решились и сели за мой стол.

— Вы прекрасно выглядите.

— Я? Это в моем-то возрасте?

— Ну, я как-то на возраст и не обратил внимания. Скорее на взгляд и улыбку. А теперь еще ваш мягкий голос. Не желаете шампанского, Ирен?

— Желаю, и очень много.

— Прекрасно! Официант, шампанского, самого дорогого, ящик!

— Дерзкий юноша, ответьте, откуда вы взялись и на что рассчитываете?

— Этот вечер так скучен, я так долго тряся в карете, а тут вы! Вот и все! Я ни на что не рассчитываю и ни к чему вас не обязываю, просто давайте сделаем этот вечер веселым, попробуем довериться друг другу.

— Как вы сразу! Но мне приятно, что хоть кто-то обратил на меня внимание. Вон там, посмотрите, симпатичные девушки за столиком сидят. Разве они вас не интересуют?

— Нет. Мне придется весь вечер им что-то врать, шутить, и все равно они ничего не поймут. Все мои действия для них будут означать только одно — постель. Они заранее согласны и ждут жертву, которая будет скакать перед их вчерашней свежестью.

— Как вы их. А я что, лучше?

— Конечно. Мы можем с вами поговорить о чем-то живом, настоящем. Я вообще-то немного пишу.

— Да вы что? А я сразу поняла, что вы человек творческий. Ваш взгляд очень живой, ищущий. Это не каждому дано. Итак, о чем будем говорить?

— Давайте поговорим об осени. Об этой холодной даме, которая пришла на смену лету.

— И что же в этом веселого?

— Мы! Два потерявшихся человека.

Подошел официант и, открыв принесенное шампанское, разлил его по бокалам.

— Юноша, я же старше вас. Вы хотите растрепать мою душу. А потом уйдете к себе и будете вспоминать, как позабавились с наивной дамой, имя которой — осень. Да, мое лето кончилось! Когда-то я блистала и таких, как вы, близко не подпускала.

— Послушайте, если вам неприятна моя компания, я уйду.

— Да нет уж, сидите. Все равно делать нечего, хоть с вами поговорю.

Вик предложил выпить за осень. Женщина улыбнулась и, подняв свой бокал, немного отпила из него. Они продолжали друг друга язвить, пока им это не надоело. Постепенно разговор стал теплым и спокойным. Вик рассказывал, о чем он писал, об их литературном объединении и о том, что он устал жить среди скучных людей. Потом заиграла музыка, и они закружились в танце. Вик несколько раз ловил себя на мысли: зачем он все это делает? Чего он хочет от этой женщины? В какой-то момент ему даже захотелось уйти, придумав вескую причину, но что-то общее удерживало его. Ирен, слушая веселого юношу, улыбалась и тоже шутила. Она забыла о том, что намного старше его.

Ей вспомнилась молодость, а потом она перестала чувствовать ту возрастную грань, которая мешала ей. Юноша так увлек ее, он показался ей особым, не по годам развитым, умным и очень сильным. В конце вечера они уже разговаривали с легкостью и вспоминали разные события из жизни. Ей не казалось, она уже чувствовала влечение к нему, а он, забыв о стеснении, просто жаждал увести ее в свой номер. В какие-то моменты Ирен просыпалась от этого головокружительного сна, пыталась хоть как-то вразумить его, но Вик отказывался слушать и понимать ее. Он горел страстью, и эта страсть передавалась ей. Забыв о своих охранниках, она пошла к нему в номер, где они продолжили пить шампанское и лакомиться разными закусками. Вик сорил деньгами, и ей это нравилось. Она в какой-то момент подумала, что этот юноша устал от молодых и глупых и захотел чего-то особенного, но позже Ирен отказалась от этой мысли, увидев, каким огнем загорелись его глаза.

Сам же Вик больше не задавал себе вопросов, почему и зачем это происходит. Он давно не испытывал женской ласки. Ее приятный голос и нежный взгляд, размешанные в шампанском, опьянили и околдовали его. Он бросился к ней в объятия, и она, не желая сдерживать себя, приняла этого дерзкого и уверенного в своем поступке юношу.

Ирен, сильно увлеченная своей ответственной работой, совсем забыла, что такое личная жизнь, и Вик, не стесняясь, открылся ей полностью. Видя и чувствуя его откровенность, Ирен перестала сдерживать себя, забыла о мешающей ей разнице в возрасте, утонула вместе с ним в нежных и продолжительных поцелуях. Сказать, что эта ночь между ними была бурной, было бы неверно. Скорее она была нежной и продолжительной. Что-то огромное родилось между ними. Ирен боялась этого и не хотела впускать рвущиеся в нее чувства. Она знала, как впоследствии тяжело бороться с ними. Уставшая от предательств женщина опасалась всего нового и неожиданного в личной жизни и, не желая менять привычный уклад существования, решила, что это всего лишь мимолетный роман, который быстро пройдет. Но сейчас, этой ночью, она

наслаждалась каждой секундой, забыв об осторожности. Ирен не верила своим правильно выстроенным умом в то, что происходит с ней. А Вик, конечно же, пьяный, увлекся, но в этом полете вдруг случилось что-то такое, что отрезвило его. Он не просто почувствовал близость и тепло, он вдруг понял, что эта женщина и есть тот самый идеал, который он искал. Юноша несколько раз вставал, жадно пил шампанское и возвращался в ее объятия, не в силах остановить себя.

Утром все началось с головной боли и истерического смеха Ирен. Она понимала, что это все, и была благодарна юному нахалу. А он, мучаясь с похмелья, никак не мог связать свои предложения и объяснить, что все это не просто так. Он пытался что-то сказать, но Ирен была безжалостна, она не давала вставить ему ни слова. Быстро одевшись, она с достоинством ушла.

Разбитый Вик лежал на кровати и никак не мог собрать себя — разорванного на части. Его ноги онемели от усталости, в душе, казалось, продолжали плясать черти, а в голове гудел своими трубами огромный завод.

В дверь постучали. Вик, понимая, что не сможет встать, укрылся одеялом и через силу крикнул: «Открыто! Входите!» В комнату ввалился веселый купец. Он скинул с себя богатую шубу, шапку, поставил на стол принесенную бутылку шампанского, повернулся к юноше и произнес:

— А ты, Андре, герой! Какую бабу завалил! Но это что?! Вам всю ночь под дверью Курносый свечку держал! Да, ты меня все больше удивляешь!

— Какой курносый? Кто вы и что вам надо? — мучаясь, спросил Вик.

— Ах, кто я? А что, разве не узнаешь? Посмотри лучше!

— Нет. Оставьте меня в покое!

— Ну, Андре, не знаю, как тебя по батюшке, значит, не признал. Это хорошо!

Купец подошел к кровати и сел на ее край. Он открыл шампанское, налил его в бокал, протянул Вику и произнес: «Подлечись».

Вик приоткрыл глаза, пытаясь понять, кто тревожит его в такую рань, но не смог этого сделать. Вокруг все плыло, он взял бокал, выдохнул и залпом выпил его. Через минуту он почувствовал тепло в своих венах. Затем в голове что-то зашевелилось, проснулось, и он, глубоко вдохнув, почувствовал облегчение. Юноша посмотрел на незнакомца и протянул ему назад бокал.

— Что, еще?

— Давай.

Мужчина налил второй бокал, который Вик также выпил залпом. Он откинулся на подушку, закрыл глаза и почувствовал, как к нему возвращаются силы.

— Вы кто? — спросил он купца.

— Я, — усмехаясь, ответил незнакомец.

Вик открыл глаза и внимательно посмотрел в его лицо. Увидев знакомые шрамы, он потряс головой и, не веря своим глазам, спросил:

— Семен, ты, что ли?

— Да я, я! Как тебе?

— Замечательно! Я просто не узнал тебя.

— Да ты сейчас никого не узнаешь. Эка молодец, делов наворотил! А Курносый-то, Курносый! Всю ночь под дверью топтался.

— Кто такой этот Курносый?

— Курносый — агент тайной полиции. Он отдан этой бабе вместе со своим прихвостнем. Я его помню. Он одного чиновника арестовывал — мы тогда тайно на того человека работали, наломали дров как следует. Он его схватил. Ух, лютый шпик! От него тяжело бегать!

— Не понял, а к Ирен он зачем приставлен?

— Твоя Ирен — врач! Она, как и мы, ищет Танцора, идет по его следу. Говорят, что после его плясок мор начинается. У нее бамага есть, все боятся. Вчера знаешь, как она в полицейском участке разгоняй устраивала? А сегодня все полиция тебе благодарны. Она закрылась в своем номере и спать улеглась. Никого не пускает и никого не трогает.

Услышав эти слова, Вик подпрыгнул на постели как ошпаренный.

— Она— та самая, врач? Я про нее слышал. Она... но как это может быть?

— Это нужно у тебя спросить. Курносый меня в гостинице заметил, шасть ко мне, а я к твоему номеру. Говорю, вместе с господином Андре работаю, и к тебе вошел. А он, гад, стоит, зубами скрипит, глазами шаркает, а сделать ничего не может. Это ж ему эта баба потом его усы намыленные отвертит и по лысине его рябой надает. Во как мы с тобой! Никто нам теперь не страшен! Ну, смог! Я видал баб с утра, но чтоб так задом крутили! Это что ж такое ты с ней тут всю ночь делал, что сам встать неможешь?

— Семен, отстань. Налей лучше шампанского.

— Э, не, давай-ка вставай, умывайся, чайку горячего, а хош кофею закажу?

— Давай. Кофею мне! А то подохну!

Через полчаса Вик все же поднялся. Кое-как умылся, оделся и сел в кресло отдохнуть. Пока Семен бегал за кофе, он допил из бутылки шампанское и задремал. Но неугомонный новоявленный купец разбудил его и заставил выпить чашку горячего кофе и поесть принесенную яичницу. Вик постепенно возвращался к жизни. Он открыл окно и решил подышать свежим воздухом. По улице спокойно проехали две кареты. Люди в черных пальто не торопясь прохаживались вдоль домов. Он посмотрел на небо, на серые облака, глубоко вздохнул и решил выйти прогуляться. Голова еще шумела, но слабость в ногах почти прошла.

— Семен, пойдем на улицу.

— Пошли.

Они вышли из гостиницы и медленно, как и все остальные, стали прогуливаться по улице. Кто-то, проходя мимо, здоровался, снимая шляпу. Эти люди были незнакомы Вику, но он заметил, как они ухмыляются, и понимал их знаки приветствия.

Через полчаса они зашли в ювелирную лавку. Точнее, Семен затащил его. Он стал что-то выбирать и купил часы себе и юному другу, а к ним приличный перстень. Купец долго любовался им, потом протянул его юноше со словами: «Надень-ка на палец. Так надо». Вик не стал спорить,

он надел подарок на безымянный палец, чем доставил удовольствие своему новому другу.

— О, другое дело! А то чего-то не хватало.

— Лично мне все равно.

— Не, надо! Носи на здоровье! Ну что, пойдём обедать?

Ты как себя чувствуешь, ожил?

— Не совсем. Мутит меня. Что-то много я вчера шампанского выпил.

— Ничего, бывает. Зато что утворил-то!

— Надо же! Она врач! И она тоже идет по его следу. Возможно, она знает больше нас, нужно расспросить ее.

— Попробуй, да только я тоже кое-что узнал.

— Что?

— В двадцати верстах отсюда уже три дня оцеплен город. Мы немного опоздали. Он снова ушел. Тут один рыжий рассказал, по какой дороге его карета поехала, но нам пока за ним нельзя.

— Почему?

— Он не такой дурак, чтобы так заметно уходить. Это наверняка другая, похожая карета. Сам-то он небось в старой бричке и по другой дороге смылся. Все так уходят. А этот и подавно следы запутает. К вечеру извозчики с перекладных станций приедут, поговорю с ними. Я знаю, как на пятки наступать. Не бойсь, он от нас не уйдет.

Они подошли к трактиру и решили пообедать. Закавав обед, Вик долго смотрел на еду, пока Семен не заказал ему стопку водки. После этого Вика замутило, он убежал в уборную. Вернулся бледный и, выпив еще водки, все же справился с обедом. Горячая еда и стопка водки вернули его к жизни. Он почувствовал, как на смену слабости наступает дрема.

— Пошли в номер, я отоспаться хочу.

— Ну пошли.

Не успели они выйти из трактира, как около них остановилась карета. Одетый в дорогое длинное пальто с шелковыми лацканами господин пригласил их сесть к нему. Вик посмотрел на Семена, а тот кивнул головой, показывая, что все в порядке.

Они сели в карету, и незнакомец по кличке Ворон быстро изложил, что хотел. Оказывается, в этот город зачем-то конвоировали известного разбойника — старшего Коптя. Сейчас он находится в местной тюрьме. Его усиленно охраняют и никого к нему не пускают.

Слухи в этом городе распространялись быстрее, чем ветер. Лихая почта донесла до местных, кто такие Семен и Вик, а узнав о его вчерашнем романе в гостинице, они не решились прийти к ним и встретить как подобает братьям по лихим делам. Но, оценив все правильно, по-своему они поняли, что Вик специально ищет подход к этой даме. И цель его плана — Коптяй. Ворон объяснил, где и как с ними связаться, он решил, что Вик обязательно добьется встречи с узником и поможет ему. Со своей стороны Ворон пообещал помощь и поддержку. Коптяй должен был как-то передать, куда его повезут дальше, но возможности узнать это ни у кого не было. Его охраняли солдаты, и даже местные подкупленные полицаи не имели к разбойнику доступа. Вик, в общем-то, плохо понял, что от него требуется, но Семен понял все хорошо. Он сказал Ворону, что сообщит ему, если им что-то понадобится. Затем они покинули карету Ворона, которая довезла их до гостиницы, и вошли в свой номер. Вик разделся и лег спать. Он сразу уснул, а Семен спустился в ресторан и, заказав водки, решил гулять. На всякий случай он предупредил хозяина, что ему может понадобится другой номер, тот, в котором он уже ночевал, а их двухместный номер, наверно, будет занят. Хозяин все понял. Официанты и местные девочки тут же стали кружиться вокруг богатого купца. Они уже получили указание от местных и поняли, что это очень серьезные люди, за которыми стоит негласная власть.

Семен напился быстро. Он стал прижимать к себе смеющихся девчонок, а затем попросил накрыть стол в его номере и увел их туда. В ресторане стало спокойно. Многие посетители мирно беседовали. Кто-то куда-то ехал, кто-то просто был голоден, а некоторые спустились в ресторан развеять скуку. Чем еще заняться осенним вечером? То же самое сделала Ирен. Вторую половину дня

она вместе с курносым сыщиком, которого звали Сорokin, провела в участке. Полного имени Курносого не знали даже его сослуживцы. Возможно, и эта фамилия была не настоящей. Ирен слушала допросы свидетелей, испуганных крестьян и полусумасшедших бабок. Позже приехали работники театра. Они также ничего нового не рассказали. Все было просто: пришел, выступил и уехал, а во время представления четверо его слуг никого не пускали в зал. Ирен, оставив пустые допросы, ушла в номер гостиницы. Погибших людей уже сожгли и захоронили. Ирен расстроилась, что не смогла взять образцы для исследований. Ей было очень интересно узнать: что происходит с телами? Почему они так быстро разлагаются? И что за неизвестный вирус распространяется по воздуху и смертельно заражает людей? Конечно, у нее были образцы кожи, волос и даже воздуха из других пострадавших городов, но в них она ничего не обнаружила. В каждом городе повторялось одно и то же, образцы человеческих тканей были обыкновенными, ничем не отличались, и никаких инфекций она в них не находила. Каждый раз Ирен надеялась, что в новом городе она за что-то зацепится, но все ее попытки были тщетны.

В этот день Ирен уже без интереса слушала свидетелей и вспоминала прошедшую ночь. Она боролась с этими воспоминаниями, хотела стереть их, но у нее ничего не получалось. Образ Вика, его слова, внешность стояли у нее в голове. Она продолжала слышать его ночное шептание, глупые детские выходки, но при этом Ирен чувствовала слабость перед непонятной силой, которую она видела в нем. Женщина, не говоря ничего, подчинялась этому юноше, и ей было это приятно. Он видела в нем что-то особенное: не просто сильного и крепкого мужчину, а очень надежного человека, которому можно было поверить. Ей хотелось выбросить и растоптать эти мысли, но воспоминания о Вике были сильнее, и та ночь, которую она провела с ним, сломала ее дерзкий нрав. Ирен захотелось быть женщиной, она почувствовала, что может ею быть и она не умерла в ней. Ее очнувшаяся душа заставляла поступать необдуманно,

так, как поступают те, кто ничего не видит и любыми способами желает добиться своего.

В гостинице она долго ходила по комнате, потом спустилась в ресторан в надежде встретить того, кто выбил ее из обычной колеи. Ресторан был пуст, она с явным выражением грусти села за тот же столик и заказала чаю. Неотступные от нее сыщики сели за соседний стол. Сорокин, видя страдания Ирен, подсел к ней и негромко произнес:

— Он в своем номере. Отсыпается. Хотите, я его приведу?

— Нет, не надо. Я поужинаю и тоже пойду спать. Завтра в дорогу. Вы все приготовили, все собрали?

— Не волнуйтесь. Все в порядке. Все сложили и приготовили к переезду. Этот Танцор скоро вновь себя проявит. Вот только мы идем за ним медленно. Отстаем на шаг, а нужно опережать его. У меня есть план. Завтра в дороге я вам его расскажу.

— Хорошо, все равно завтра делать нечего, буду слушать вас.

Тут Ирен поняла, что завтра она уедет из этого городка и, возможно, больше никогда не увидится с Андре. Ей стало больно. Она, мучаясь, справлялась с внутренней болью, но с каждым разом ей становилось все тяжелее и тяжелее делать это. Если в участке она смогла собраться, то теперь, в уютном ресторане, за тем же столиком, где они вчера познакомились, Ирен совсем потеряла себя. Сорокин тяжело вздохнул, отвернулся, встал из-за стола и пересел за свой стол. Он понимал ее, этот человек был уже в возрасте, лысоват, рыжий, со смешным курносым носом. Всю свою жизнь он ловил преступников и ездил по стране. С женой ничего не получилось, и детей у него не было. Он носил однобортный повседневный костюм, который изрядно потерялся. Ему было все равно, что на нем надето, он особо не следил за внешностью и не покупал дорогих вещей, потому что в любой момент мог оказаться на задержании, в какой-нибудь грязной квартире, или, еще хуже, мог лежать в засаде на земле или в грязном рву. Тайно Сорокин испытывал чувства к Ирен, и он всем своим существом

ненавидел появившегося конкурента. Сыщик хотел посадить его, но у него против Вика ничего не было. Извозчик, бывший каторжник, которого он нанял, был ни при чем, а о том, что Вик был литератором, он узнал сразу. Его описание внешности Сорокин получил на следующий день из Лопатовска, родного города Вика. Омо попался отцу с деньгами, и тот заставил его признаться во всем. Когда отец Омо узнал о решении Вика поехать за Пантомимом, он сначала не поверил в это: «Неужели этот юноша уехал в другой город, чтобы увидеть танец Дьявола и заплатить за это жизнью?» Но потом отец согласился с сыном и обещал после каждого письма Вика выдавать ему по сотне, чтобы тот высылал их другу. Сам он в тот же день сообщил об этом решении юноши своему другу губернатору, и тот, вызвав агентов, сообщил четкое описание Вика, которое тут же разослали по всем участкам и смотровым станциям. В этом предписании строго указывалось не трогать юношу и не оказывать помощи. Наблюдать и не вмешиваться в его действия. Вик об этом не знал, он думал, что все происходит тайно, но полиция наблюдала за ним и закрывала глаза на его выходки. Скорее всего, отец Омо сам увлекся этим делом, и ему было интересно, о чем напишет литератор Вик и как близко он подберется к собственной смерти. Ради такого азартного дела отец Омо постарался и все устроил.

Сорокин сидел за своим столиком, понимая, что Ирен и Вик скоро вновь встретятся. Он хотел сообщить ей, кто он, и разрушить ее иллюзии к этому юноше, но одновременно с этим он боялся, что общий интерес к Танцору может еще больше объединить их. Он всеми фибрами ненавидел Вика, и при этом он не мог вмешиваться. В тайной полиции им уже были недовольны за некоторые ошибки, а если бы он нарушил столь высокое предписание, то потерял бы и работу, и возможность каждый день видеть Ирен.

А она заказала ужин. Молча принялась за еду, затем посмотрела на молодого официанта и попросила принести водки. Тот быстро сбежал, принес ей графин. Ирен, никого не стесняясь, выпила рюмку, закусила и ушла к себе.

Ночью, в начале первого, она постучала в номер Вика. Сорокин кусал кулаки, прячась за поворотом коридора. Он прогнал своего помощника, сказав, что будет охранять ее один.

Вся эта охрана была придумана потому, что Ирен в первом городе, где выступил Танцор, удалось спасти несколько человек. Как ей это удалось, никто не знал. Другие столичные врачи были бессильны, а она спасла, да не кого-нибудь, а известного графа, друга царской семьи. После этого Ирен получила задание выяснить причину столь загадочных смертей. Спасенный граф дошел до самого верха и доказал, что кроме нее этого никто не сделает. После этого Ирен стала особо охраняемой фигурой с высокими полномочиями и высоким жалованием. Но сейчас, в этот вечер, ее мучило другое. Она решила, что перед отъездом обязательно проведает Андре.

Вик открыл дверь и, увидев ее, опустил глаза. Женщина сквозь полумрак заметила, как он покраснел. Она, ничего не говоря, подошла к нему и прижала к своей груди. Юноша хотел разрыдаться. Из него вырывались чувства, которые он не мог сдерживать. Вик обнял Ирен, поцеловал и пригласил в комнату. Закрывая дверь, он выглянул, решив проверить, нет ли сыщиков. Опытный Сорокин стоял за дальней стеной прохода и был незаметен ему, но он слышал каждый шаг юноши, каждое его движение и звук. Вик закрыл дверь и подошел к Ирен. Она села в кресло и, улыбаясь, посмотрев на него, произнесла:

— Я завтра уезжаю.

— Я тоже.

— Возможно, мы больше не увидимся, и я решила провести эту ночь с тем, кто так бурно клялся вчера влюбви.

— Я, — Вик запнулся. — Я хотел... Я не уверен...

— Молчи и ничего не говори. Ты хочешь этого, или мне уйти?

— Нет, нет, — нервно ответил юноша. — Конечно, хочу, и все вчерашние слова...

Ирен встала и, нежно прикрыв ему рот рукой, не позволила договорить.

- Что будем пить? — спросила она.
- Шампанское?
- Нет, у меня от него полдня голова болела. Давай закажем водки и хорошей закуски.
- Хорошо.

Вик достал из кармана деньги и, выйдя из комнаты, спустился в ресторан. В дверях он столкнулся с официантом, который тут же ответил: «Все готово!» Вик понял, что официант — один из тех, кому так нужно, чтобы он сумел увидеться с Коптяем. А путем для этого была Ирен. Вик спокойно качнул головой и произнес: «Неси в комнату».

Через пять минут официант вкатил в его номер тележку, на которой сидел жареный фазан, лежали фрукты, икра и торчали особые цветные свечи и цветы. Внизу, на второй полке, стояли разные вина, водка и все то же противное шампанское. Вик тихо на ушко спросил официанта: «Сколько?» Тот показал жестом, разведя руки, что ничего платить не надо. Вик подмигнул ему, и он, радостный, понимая, что дело движется, расплылся в улыбке.

Ирен, увидев столь богатое угощение, сочла, что Вик действительно немного запал на нее и, желая отблагодарить за приятный вечер, так раскошелился.

Выпив водку, закусив икрой, они больше молчали и немного странно улыбались друг другу. Охмелев, разговорились. Ирен рассказала ему о больнице, где она работала, о том, как спасла графа, а Вик стал выдумывать. Он тут же придумал сюжет об узнике, который знал тайну золота. Ирен улыбалась, конечно же, она читала «Графа Монте-Кристо» и делала вид, что не знакома с известным на весь мир сюжетом. Зачем он это делал, она не понимала, а Вик всеми способами хотел показать ей, что еще вчера он был беден, но открыто об этом сказать стеснялся.

Все произошло как-то незаметно, что-то сказав веселое, она протянула руки, и Вик, встав со своего кресла, приблизился и поцеловал ее. А дальше они слились в продолжительном поцелуе и очнулись в той самой постели, которую вчера почти перевернули. Отдыхая, они сидели в креслах друг напротив друга. Выпивая и кушая, смеялись сами

над собой. А затем вновь нежные слова заканчивались поцелуями и постелью. Ирен приходилось все время делать первый шаг к действию. Вик хоть и опьянел по новой, но былая решительность в нем еще не проснулась. Ирен до конца не понимала, что с ней. Она странным образом продолжала чувствовать силу этого несчастного юноши и рвалась к нему. Ей казалось, что он спрятал в своем молодом и хрупком теле какого-то здорового мужика. И как только она закрывала глаза и чувствовала его тело, этот богатырь выходил из него и расправлялся с ее слабым телом.

Ночь пролетела быстро. Ирен проснулась первой, но уходить не стала. Она оделась и, сев рядом на постель, стала ласково гладить его по волосам. Вик открыл глаза, прижал ее к себе и как-то до боли нежно произнес: «Спасибо». Затем он встал, умылся и быстро оделся. Как ни странно, в это утро голова у него не болела, а в теле чувствовался прилив сил. Она ждала его в кресле. Они договорились утром вместе позавтракать. И там, внизу, в ресторане, он попросил ее устроить ему встречу с Коптяем. Вик объяснил, что этот образ нужен ему для книги и она может очень сильно помочь ему. Плавая в своих фантазиях, Ирен согласилась, и сразу после завтрака они поехали в местную тюрьму, которая находилась там же, где и полицейский участок.

Ее карета была уже собрана и стояла готовой у дверей полиции. Сорокин крутился рядом. Вик впервые увидел тяжелые глаза этого человека, но он не понял тогда причину его злости. Ирен, спокойно распоряжаясь, провела Вика к казематам и приказала солдатам проводить этого юношу к известному преступнику Коптяю. Солдаты, охранявшие его, хотели возразить, но, увидев суровый взгляд Ирен, промолчали. Через несколько минут Вик вошел в сырую темную камеру, а охранник, пытаясь напугать его, специально закрыл за ним дверь.

На железных нарах лежал бородатый старик. Он поднялся, посмотрел на юношу и тихо спросил:

— Тебе чего?

Юноша трясущейся рукой достал из кармана метку и показал ее старику.

— Второго меня повезут по Киреевской дороге. Знаешь, кому сказать?

— Конечно,— ответил Вик и кивнул головой.

— Все, иди, а то кто догадается, — прошептал старик и громко заорал: — Это что вы за ребенка ко мне подсадили! Что? Где начальство?

Солдат быстро открыл дверь, схватил за руку Вика и с силой вытащил его из камеры.

— Испугался?

— Да нет. Я ничего не понял. Дед какой-то старый. И чего его все боятся?

— Ой, лютый душегуб, — произнес солдат и покачал головой. — Иди, там тебя заждались.

Вик прошел по холодному каменному коридору и, встретив Ирен, вышел на улицу.

— Старый дряхлый дед. И чего его все боятся?

— Да уж, этот дедок целой армией управляет. Везде его люди. Ну все, пошли прощаться, меня уже ждут.

Вик проводил даму до кареты, поцеловал ей руку, поцеловал и, закрыв дверь, крикнул:

— Я найду тебя!

Сорокин, сидевший на месте кучера, ударил лошадь, и карета сорвалась с места. Он обернулся и с явной ненавистью посмотрел на юношу.

«Что? Этот сыщик что-то знает? — подумал Вик и тут же понял: — Ревнует. Ну ничего, мы еще встретимся».

Он вернулся в гостиницу и, разыскав Семена, сказал ему о том, что утром посетил старого Коптя. Семен, услышав это, с перепугу заметался по комнате, выгнал из ванной двух полупьяных девок и, быстро одевшись, убежал, ничего не объяснив. Вик вернулся в свой номер, сел в кресло и задумался над тем, что происходило вокруг него. Ему надо было решить, что делать и куда ехать дальше. Он посмотрел на кровать и вспомнил Ирен, ее глаза, улыбку, голос, немного расслабился, но тут же опомнился и решил написать очередное письмо Омо. Именно за этим занятием его застал прибежавший Семен. За ним вошел вчерашний незнакомец по имени Ворон и, вежливо поклонившись,

сел в кресло, ожидая рассказа. Юноша посмотрел на него и спокойно произнес:

— Он сказал, что второго его повезут по Киреевской дороге.

Незнакомец тут же встал, откланялся и ушел. Семен, переводя дыхание, жадно смотрел на спокойного юношу. Он никак не мог отойти от вчерашнего, а услышав нужные новости, явно нервничал. Вик дописал письмо и попросил Семена сходить на почту и отправить его. Юноша собирался в дорогу. Он предупредил Семена, чтобы тот не задерживался и приготовил карету.

Сначала Вик хотел преследовать Ирен, но вернувшийся Семен отговорил его. Он объяснил, что они поехали в последний пострадавший от Танцора город проводить допросы. После того как все трупы были вывезены и сожжены, опасность заражения миновала. Оцепление с города сняли, дороги открыли, и Сорокин вместе с Ирен решили посетить его в надежде узнать новые факты. Их же это не интересовало. Они решили опередить события и выбрали небольшой городок Посадов. Он находился немного в стороне от главной южной дороги, и Семен убедил Вика, что оттуда они быстрее выйдут на верный след. Как правило, в таких городках отсиживались преступники. Дороги к ним были плохие, и мало кто решался ехать туда без нужды. Но при этом город процветал. В нем было два больших рынка, которые снабжались ближайшими деревнями. Там же находился небольшой завод и фабрика по производству стекла. Рабочие поселки были, как и в больших городах, переполнены, и, естественно, выделялась особо богатая прослойка населения. В этом городе находился небольшой театрик, построенный по собственному желанию одного из фабрикантов, и народ, как ни странно, стремился к искусству. К ним приезжали слабые кочующие коллективы, которые иногда устраивали представления. Если эти представления нравились, они повторялись по нескольку раз. Вик, услышав об этом городе, сразу вспомнил свой родной город, очень похожий на него. Он решил, что Танцор может появиться именно там. Город был почти глухим. Люди

выезжали из него редко, тем более осенью, когда все и так разбитые дороги стали практически непроходимыми. Заплатив по счетам, преследователи поехали в Посадов.

Дорога, как и предполагал Семен, оказалась трудной: ухабины, лужи, грязь, но они, хоть и с задержками, все же выехали к городу. Остановившись в небольшом трактире, сняли две большие комнаты друг напротив друга. Семен первым делом пообщался с хозяином и ушел в город разведать обстановку. Хоть и был этот город вдалеке от проезжих дорог, но в нем уже знали о несчастье, случившемся в соседнем городе. В этот день они всего лишь переночевали и, сменив лошадей, без остановки поехали дальше. Семен узнал от местных извозчиков о более-менее сносных выездах из этого города. Утром их карета помчалась дальше. Вик предполагал, что из-за неудобства и медлительности почтовой службы он долго будет ждать ответа от Омо, и, выбрав большой город Поленск, попросил его отправить деньги туда, а для себя решил, что к тому времени, как они будут проезжать его, деньги уже придут. Пока у него было достаточно средств, хотя за последние дни он тратил много. Кроме этого, как оказалось, Семен тоже владел капиталом, и на крайний случай Вик мог рассчитывать на него, хотя, конечно же, он помнил, что должен платить другу жалование и кормить. Выехав на главную дорогу, они поехали на юг, и лето постепенно стало возвращаться. Если в центральной полосе уже наступали холода и люди оделись теплее, то в этих местах лето еще задержалось.

Проехав три дорожных станции, на четвертой они плотно поели и определили новый маршрут. Семен, как и раньше, выискивал на карте отдаленный городок. Он каким-то непонятным воровским чутьем вычислял подобные места. По его мнению, Танзор выбирал именно такие города, и последний, куда поехала Ирен, был как близнец похож на все остальные. Вик согласился с ним, он не знал, как нужно преследовать, и даже однажды испугался того, что доедет до моря, вернется назад и никого не найдет. Но появился Семен, человек, умеющий искать и преследовать. Конечно,

он был груб и малообразован, но жизненного опыта, особенно в этом деле, у него было предостаточно.

После очередной дорожной станции и хорошего ужина Вик немного задремал в карете. Увидев в своей дреме Ирен, он не хотел просыпаться и продолжал додумывать свои видения. Ему было хорошо и спокойно с ней, он забывал о своей цели и все время думал, как неожиданно появиться около нее. Ему хотелось признаться во всем. И рассказать о цели своего пути, но он решил не делать этого. Как можно так огорчать человека, который испытывает к тебе чувства? Он понял: если он расскажет ей о своей цели, она попытается остановить его, не даст ему погибнуть. Будет мешать, и это осложнит выполнение поставленной цели. Вик боялся, что он потеряет решительность и смелость, родившиеся в нем. Боялся, что станет слабым и не сможет в полной мере противостоять злу, против которого он встал. А Ирен тем временем была вне себя. Приехав в город, она обнаружила такой бардак в делах, что не могла спокойно реагировать на это.

Все предписания и предупреждения, разосланные полицией по городам, лежали на столе начальника полиции нетронутыми. Сам он заболел, а его заместитель вторую неделю не мог выйти из запоя. Люди, как обычно, ничего не знали, а те, кто о чем-то слышал, считали, что страшные вещи происходят где-то далеко и не могут докатиться до их захолустья. Но Танзор настиг этот город. Более ста человек погибли, выживших не было, и Ирен, опрашивая свидетелей, поняла, что ей также стоит действовать с опережением. Она вызвала Сорокина, напомнила ему о его утреннем предложении, и они весь вечер высчитывали город, в который им нужно ехать.

5

Они мчались по одной и той же дороге с разницей в сутки. Вик и Семен застали еще один новый город в панике. В нем только что произошло то, чего все опасались. Не

останавливаясь, они вновь умчались вперед, вновь выбрав похожий город. Вик понял, что Семен правильно угадывает маршрут Танцора. Он мыслил так же. А основой этих рассуждений был страх перед людьми и полицией. В этом Танцор и Семен были схожи — они привыкли прятаться, и эта привычка выдавала одного перед другим. В какой-то момент им показалось, что где-то на горизонте они заметили ту самую карету с шестью гнедыми лошадьми, но карета, как видение, растворилась в черном распаханном поле. Проехав его и выехав к городу, преследователи решили заночевать в нем. То же самое сделала Ирен. Она не стала копаться в фактах и собирать ненужные доказательства. Сорокин убедил ее, что терять время нельзя, и она согласилась с ним. Не задерживаясь, они поехали дальше и провели всю ночь в дороге. Лишь утром, заехав в неизвестный город, они решили сменить лошадей, поесть и продолжить преследование. В то утро Ирен показалось, что она увидела в одной из отъезжающих карет Андре, но карета быстро умчалась, и она не смогла выяснить, кто именно был в ней. Женщина приказала Сорокину и его людям не задерживаться, и уже через час они выехали на ту же дорогу. Теперь их разделяла всего какая-то пара часов. Задержись на дороге одни, их вскоре бы догнали другие. Но этого не происходило. Все они преследовали тень Танцора, который все время уходил в неизвестность.

День пролетел быстро. Вечером Семен сменил лошадей, а Вик, укутавшись в свое новое однобортное прямое пальто, спал в карете. Он несколько раз просыпался, спрашивая Семена, где они, но тот, ничего не объясняя, отвечал одним словом: «Едем». В наступившую ночь Семен взял еды и, свернув с основной, южной дороги, поехал через лес. С первыми лучами солнца лес кончился, и на горизонте появился большой город.

Прибыв в него, Семен тут же разыскал гостиницу, снял номера и отправился на улицу слушать, о чем говорят люди. Вик в это время, узнав, где находится театр, отправился к нему. Каково было его удивление, когда он увидел знакомую афишу Танцора. На ней, как и прежде, было на-

писано о танце Дьявола и стояло сегодняшнее число. Глаза Вика загорелись, он побежал к кассам, но все двери в театр были закрыты. Юноша обошел здание со всех сторон, но войти в него не сумел. Он решил, что еще слишком рано и этот город, наверное, спит. Он почувствовал прилив сил. Ему показалось, что в этом городе стоит тишина, которая случается на поле боя перед великим сражением. Он не мог сосредоточиться. Пытался понять, что происходит вокруг него, и много раз спрашивал себя, готов ли он сегодня умереть. Ответа на свой вопрос он так и не получил. Что-то все время отвлекало его. Кто-то появлялся, что-то гремело, и все эти незначительные помехи врываются в него и отвлекали от ответа на поставленный им вопрос. Юноша смотрел на утреннее небо и видел, как в него прорываются лучи солнца. Серости, той, к которой он привык, не было. Этот город казался другим. На улицах появились дворники. Они о чем-то перекинулись и долго смеялись. Из подъезда выбежала девушка в легком бархатном плаще с бежевым шарфом. Она наспех застегивалась и часто поправляла свой модный тюрбан. Вик посмотрел на нее и вспомнил Ирен.

«Наверное, это все? — подумал он. — Теперь я ее больше не увижу. А может, уехать из этого города дальше и там где-нибудь, в другом городке, настичь Танцора? Ведь я еще не готов. Написал всего два письма Омо. И тут так все сразу!»

В этот момент юноша поймал себя на собственной трусости. Ему стало стыдно и неприятно.

— Нет. Пришло время. И Омо, и все эти письма — не главное. Вот он, шанс, и если я сейчас отступлю, я — проиграю. Дальше все это будет обман. Я стану врать и умышленно избегать встречи с ним. Я догонял его и догнал. Теперь шаг за мной. И он точно уверен, что я приду. Возможно, он знает о каждом, кто придет на его представление, и одно место в этом зале предназначено для меня. Но почему меня все смущает? Этот город, все так красиво просыпается. Девушки с улыбкой покидают любовников, и совсем не заметно, что они умерли и живут как серые пятна Лопатинска. Нет. Этот город не готов к смерти — он живой.

Вик вернулся в гостиницу и, увидев Семена, рассказал ему о вечернем представлении.

— Ничего не будет,— уверенно ответил Семен.— Весь театр и все его работники арестованы и дожидаются приезда столичных сыщиков.

— Как это арестованы? Что, и он тоже?

— Не знаю, но, мне кажется, его так просто не взять. Схватили каких-нибудь слуг, помощников, а он сам наверняка ушел. Хотя, может быть, он здесь, где-то притаился. Что делать будем?

— Давай разберемся. Найдем кого-нибудь из наших и все узнаем.

— Ну что ж, тоже дело.

— Мне кажется, он здесь. Он не бросит своих преданных слуг и сделает все, чтобы вытащить их из полиции.

— Может быть, — согласился Семен.— А может, он кого-то оставил для этого, и этот человек выведет нас на него. Все, решено, остаемся и начинаем трясти весь этот городишко.

Вик поднялся в свой номер. Все рухнуло, он почти решил, но в самый последний момент все изменилось — представления не будет. Непонятная пустота появилась в нем. Он снял с себя пальто, бросил его на кровать, уселся в резное кресло и, закрыв глаза, попытался что-то взвесить, обдумать, но мысли перемешались. Он сидел пустой и не знал, с чего начать, что делать дальше. Непонятная обида обволокла его и превратила в неподвижную массу.

— Так, Семен, конечно, все узнает, но что это даст? Где Танцор нанесет следующий удар? А вдруг он совсем исчезнет? Ведь по всем городам разосланы секретные телеграммы. Все предупреждены. В каком из них он теперь может появиться? — мучил себя Вик.

Он понимал, что для любого представления нужны люди и сцена. Причем люди должны быть образованными. Вряд ли рабочие с заводов пойдут смотреть на него. Они скорее отправятся в цирк или в оперетту. Так, значит, нужно искать город, в котором есть сцена, зажиточные люди

и...— Он замолчал. Неожиданная мысль осенила его. Она, как молния, ворвалась в его сознание. — Не работает телеграф и почта! Никто не знает о том, что происходит в ставерстах от них. Как те нищие в Лопатинске. Они не знали, что происходит в центре города, и спокойно грызли семечки. По крайней мере, Танцору нужна глухая неделя, и он успеет вывесить афишу, продать билеты и выступить. Да отчего же неделя? Три, а может, и два дня!

Но как узнать такой город?

Не став дожидаться Семена, Вик отправился в почтовое отделение. Поймав на улице извозчика, он быстро прибыл к нему. Вошел в здание и обнаружил дремавшего за стойкой старика.

— Здравствуйте, — громко произнес Вик.

Старик открыл один глаз и, не отвечая, положил на стойку несколько телеграфных бланков.

— Вы можете мне помочь?

— Да вы не кричите! Я все слышу. Что вас интересует?

— Мне должны переслать деньги. Я еду на юг. Не подскажете, какой тихий городок можно указать в телеграмме?

— Тихий?— удивился старик. — Ну вот Белый Дол или Рогодищев, они прямо на южной дороге.

— А если в сторону отклониться? — с ухмылкой спросил Вик.

— В сторону? Погулять, что ли?

— Да, немного развеяться.

Старик полистал бумаги, посмотрел карту и назвал город Серебряный.

— А что это за город такой, я о нем и не слышал?

— Это новый городок, только боюсь, ваши деньги туда не дойдут, а если и дойдут, то не скоро.

— Почему?

— Почта там плохая. Еще хуже, чем здесь. В этом городе хоть кто-то пишет, а там одни рабочие. День работают, ночь пьют.

— И что же, там нет интеллигентных людей?

— Конечно, есть, и инженера, и всякие купцы, даже театр есть, куда они ходят. Город этот молодой, недавно по-

явился. Нашли там, на берегах Черсуйки, это река такая, серебро, и сразу давай народ свозить дома строить. А потом на другом берегу еще какой-то дорогой металл нашли, так еще больше народу понаехало: и богатые, и бедные, все там стараются кусок пожирнее оторвать. Полиция вся из своих. Сыщики туда ни ногой, боятся. А почта — ну кому там нужна почта. Люди приехали денег заработать. Все время кто-то из них в родные деревни и города ездит, родне деньги сами отвозят. Не доверяют они почте. А уж писем-то и подавно не пишут.

— А далеко он отсюда?

— Около деревни Волотино. Она на карте есть, а его нет, не ищите. С южной дороги у Белой Церкви сверните влево и от нее верст сорок. Там всего одна дорога, не заблудитесь.

Вик вернулся в гостиницу и, разыскав Семена, рассказал ему о новом городе. Тот отмахнулся рукой.

— Не, это не тот город. Ежели там все так поставлено, кто ему даст столько народу погубить? Там свои лихие люди власть держат и городской, и все на своих местах. А если этот Танцор туда заедет, то наверняка представление ставить не будет. Мне так кажется, он другие души собирает.

— Какие?

— Да такие, как у тебя. Вот я бы никогда не пошел бы на мужика в трико смотреть. Нужен он мне, пусть себе кривляется. А вы в этом чего-то видите, восхищаетесь. Тьфу! Не понимаю.

— Ладно, ты не горячись. Лучше расскажи, что ты об этом думаешь.

— Да в Поленск надо ехать. Город большой, за всем не уследишь. Ежели он маленький театрик найдет и афишу только около него повесит... Городовые, может, и не заметят. Что там будет? У них своих делов по горло!

— Пожалуй, ты прав. Когда поедем? Здесь-то нам больше делать нечего.

— Нечего. Конечно, нечего! Взяли двоих из театра да тех, кто афиши клеил, но они ничего не знают. Им заранее

заплатили, и все. А в театре предупредили, что все артисты перед спектаклем приедут. Когда городовые пришли, они только местных и арестовали, а те ничего рассказать не могут. Из его слуг никого не схватили. Он осторожный, зачем ему своих людей подставлять. Завтра в Поленск поедет. Там искать будем: и город там побольше, и народ другой. Чую я, он там. А в таких рабочих городах его нет, местная братия быстро его упокоит. Им плевать, кто он!

Немного расстроившись, Вик решил пойти пообедать. Он вошел в зал ресторана, сел за столик и, взяв меню, начал изучать его. Заказал чай, суп с грибами и решил успокоиться. До завтрашнего дня никаких событий не намечалось, и Вик решил отдохнуть и выспаться. Он вспомнил об Ирен, о ее усердии и подумал:

«Такое событие привлечет ее сюда. Городские власти вмешались, и все сорвалось. Она должна появиться здесь, ведь кто-то арестован и прошли слухи о том, что к ним спешат столичные сыщики. Скорее всего, это она».

Вик посмотрел на присутствующих в зале и, увидев улыбки на их лицах, еще раз подумал: «Нет, этот город жив». Вспомнив это, он вернулся в утро и, увидев себя со стороны, не смог есть принесенный суп. Он вспомнил, как струсил, увидев афишу. Задумался о том, что теперь его жизнь ему нужна, а продолжающаяся погоня гораздо интересней, чем минутное представление и смерть. Он вспомнил, как поймал себя на том, что испытал радость оттого, что все сорвалось. Вик почувствовал, как он оттянул, выпросил еще один глоток жизни, и ему стало стыдно. Как он мог отступить и обрадоваться этому? Он был обязан расстроиться и постараться сделать все, чтобы это представление состоялось. Сильный человек, решивший совершить такой поступок, не должен прятаться, убегать от него. Он вновь задавал себе один и тот же вопрос: если завтра он увидит афишу, сможет ли он так же смело, как когда-то в Лопатинске, решиться пойти на это представление? Сможет ли он без капли сомнения заплатить за это жизнью? Или теперь ему нужна его жизнь? Ирен? Это она внесла свежую струю волнений, которая все изменила. Теперь он

сомневается, переживает, а ведь еще неделю назад безоговорочно был готов к действию — к смерти.

В ресторан вошел Семен.

— Да не грусти ты, — начал он, с ходу сев к нему за стол. — Встретимся мы еще с ним. А ежели ты так умереть торопишься, давай вон за угол зайдем, я тебе помогу.

— Нет, Я знаю, что ты помочь сможешь. Но мне нужно другое. Я хочу увидеть «Танец Дьявола!»— последние слова Вик сказал так громко, что все в ресторане посмотрели на него.

— Тише, тише ты! Увидишь! Давай покушаем спокойно. Забудь на время об этом.

Семен заказал тот же суп с грибами и двести граммов водки. Когда официант принес заказ, дверь в ресторане с шумом распахнулась, и в него целой толпой ввалились люди. Среди них была Ирен, она громко разговаривала и давала всем указания. Ее строгий костюм из ярко-красной ворсистой шерстяной ткани с двубортным жакетом, с алым бархатным воротником и манжетами осветил весь зал: казалось, само солнце ворвалось в полумрак ресторана. В руках она держала муфту из лисьего меха и нервно теребила ее. Небольшая шляпа с бантом прятала аккуратно собранные пышные волосы, а глаза, живые, яркие глаза бегали по залу и людям: она успевала заметить всех. Всех, но не того, кто сидел к ней лицом и наблюдал за ее движениями. За ее плечом появилось недовольное лицо Сорокина. Он-то сразу увидел кого надо и, стараясь оттеснить, стал разворачивать Ирен. Он хотел, чтобы она смотрела в другую сторону, но в этот момент она обратилась к нему с вопросом и увидела пристальный взгляд Вика. Женщина замолчала, и все присутствующие тоже. Она попросила их подождать, резко бросила на стул муфту и подошла к столику Вика. Юноша встал, вежливо поклонился, стараясь не отрывать взгляд от нее. А она так же на ходу, не сбавляя темпа, спросила:

— Ну, что скажете?

— Я очень рад вас видеть, — вежливо ответил Вик.

— Кто рад? Господин Андре де Шон или Виктор Сатарский? Кто, ответьте мне?

— Я.

Ирен посмотрела на Семена и как бы взглядом показала, что он должен оставить их одних. Но Семен был так увлечен этой перепалкой, что не обратил внимания на ее жесты.

— Сударь, ну вы что?

— Вы мене? — испуганно спросил Семен.

— Тебе, тебе. Погуляйте во дворе немного. Скоро ваш господин освободится!

— Да, конечно, ухожу, — пробурчал Семен и, улыбаясь, посмотрел на Вика.

Юноша предложил стул даме, она села, он обошел стол и сел напротив.

— Не желаете ли супа с грибочками? Знаете ли, неплохой.

— Правду и только правду! Требую! — грозно произнесла Ирен.

— Как вы злы. Мне это нравится. Но хотите ли вы эту правду узнать? А может, оставим так, как есть?

— Нет! Только правду!

— Ну, как знаете. Только не удивляйтесь.

Сорокин, довольный, топтался у другой стены ресторана. Он видел, как Ирен ругает Вика, и понимал, что скоро этот юнец запутается в своем вранье и станет неинтересен столь замечательной даме. Он даже пригрозил кулаком Семену, пытаясь как-то припугнуть его, но тот был спокоен и за себя, и за Вика.

— Итак, вы хотите правду?— еще раз спросил Вик.

— Да.

— Только не сочтите это глупостью или бредом — все, что я сейчас скажу, самая настоящая правда! Я, как и вы, иду по следу Танцора, но вы пытаетесь его остановить, а я всего лишь хочу увидеть его «Танец Дьявола».

Ирен задумалась. Она посмотрела в глаза юноше и увидела в нем того самого воина, в которого уже несколько дней подряд была безумно влюблена. Помолчав минуту, она опомнилась и спросила:

— Но вы же можете погибнуть? Или вы как-то пытаетесь уйти с середины представления, или что? Что вы

этим хотите сказать? — не понимая, спросила Ирен. Эти слова выбили ее из привычного состояния, и она никак не могла опомниться.

— Я хочу заплатить своей жизнью за увиденное и никуда убегать не собираюсь. Вы обо мне все знаете. Еще бы, ваши помощники стараются, времени даром не теряют, но вы не знаете главного. Как только я вычислю, где очередное представление, я в любом случае буду там. И если весь зал погибнет, значит, погибну и я, потому что буду в этом зале. Никто не в силах остановить меня и уж тем более отговорить. Если вы будете пытаться мне что-то объяснять и доказывать, не трудитесь напрасно — это решение принято не сегодня, оно обдумано и не обсуждается. А сейчас извините, мне пора идти.

Ирен, приоткрыв рот, сидела полностью потерянная. Она готова была услышать, что ее юный любовник — вор, преступник, альфонс или кто другой. Она могла смириться с этим. Женщина понимала, что та показанная Сорокиным бумага отдает липой. Ну какой он агент и почему его нельзя трогать? Все это было немного смешно, но теперь она растерялась и не знала, как вести себя дальше. Каждое ее слово прозвучало бы глупо, а все ее мысли были смешны ей самой. Как она ошибалась. Почему она думала, что он плохой, какой-то преступник или мошенник? Ведь она чувствовала душой, что не может полюбить плохого. Ее душа кричала: посмотри, кто рядом. Нет, она отнекивалась, сомневалась и готова была принять что угодно, но такое... Ирен заранее разработала план его прощения, поэтапно она снова бы приблизила его к себе, а теперь все рухнуло. Словно кто-то невидимый разрубил топором их красивую и нежную связь. Женщина прикрыла лицо рукой и заплакала.

Увидев это, к ней подошел Сорокин.

— Ирен, вам помочь?

— Вы добились своего, сударь! Но и вашей я не стану. Сегодня же собрать все материалы по всем работникам театра! Времени нет. К десяти вечера я жду доклад. Если вы и в этот раз не справитесь, мне придется просить генерал-губернатора назначить новых помощников.

— Нет, я все понял. Все сделаю-с.

Ирен встала из-за стола и, забыв муфту, вышла из зала. Остановившись в холле гостиницы, она долго стояла и смотрела на заезжающих людей, затем, опустив голову, вышла на улицу.

— Не может быть, — говорила она себе. — Ну как же так? Неужели он сможет? — И сама себе отвечала: — Он — сможет! За это я его и полюбила! За уверенность. Я путала это чувство с наглостью, мне казалось, что он просто дерзкий, ничего не понимающий в жизни юноша, но он — он разбил меня, размазал! Как глупо выглядела я, когда требовала от него правды, ждала, что он начнет вилять хвостом, как маленький замерзший щенок. Я же сама чувствовала, что этого не будет! Тогда зачем? Господи, как мне его спасти? Я не могу без него. А вдруг он уже уехал в следующий город, и я увижу его погибшим, а живым больше никогда? Что ему тут делать? Представление сорвалось! Нет, я найду его!

Она вернулась в гостиницу и побежала по лестнице на второй этаж. Она не знала, в каком номере Вик, и стала открывать все двери подряд. В третьей она увидела его, спокойно сидящего в кресле. Пыл немного сошел, она, ничего не говоря, сделала несколько шажков в комнату. Вик, увидев ее, встал и тоже сделал шаг вперед. Ирен, не в силах сдержать внутреннее пламя, кинулась к нему и, заплакав, стала часто целовать в губы, щеки, лоб, нос. Она не останавливалась, и при этом из ее огромных красивых глаз ручьем лились слезы. Единственное, что она произнесла: «Прости».

Вик обнял ее, медленно усадил в кресло, а сам присел рядом на маленький стульчик.

— Ну что ты? Успокойся!

— Я тебя не отдам! — буквально прокричала Ирен.

— Я же просил тебя! Не нужно этого. Если будешь продолжать, я уйду!

— Но как же? Как?

— Ничего не говори! Хочешь остаться, оставайся, но ни слова о том, что должно произойти! Я уже однажды был рад мелкой слабости того, что представление сорвалось,

второго раза не будет. Все решено, и никаких слов просто не должно быть!

— Но как же, подожди? Если я буду рядом с тобой, то представления не будет! Его схватят те, кто меня охраняет и окружает. А если ты останешься один, то я, возможно, больше тебя не увижу. Ты меня оставишь из-за своей цели? Ответь честно!

— Да! Я не рассчитывал на предсмертные романы, и тем сильнее я верю в Танцора, чем ближе подбираюсь к нему. Он изменяет мою жизнь и создает такие трудности, что теперь цена моей жизни возрастает с каждой секундой. Он ждет, что я окажусь слабым и не сумею выстоять этого противостояния, но он не знает меня. Я пойду до конца! Извини, Ирен! Выкинь меня из своего сердца! Как можно любить человека, который преследует собственную смерть?

— Еще как можно! Ты даже не представляешь, насколько ты сильнее всех, и, если ты откажешься, ты все равно будешь интересен мне! Все. Я поняла, что мне надо делать, — строгим голосом произнесла Ирен. За последние несколько минут она буквально на глазах переродилась и превратилась из заплаканной девчонки в строгую даму. — Ты будешь у себя здесь?

— Да, — ответил Вик.

— Когда уезжаешь?

— Завтра.

— Надеюсь, ты мне подаришь сегодняшнюю ночь? — отвернувшись, произнесла она. Ирен старалась изо всех сил, но силы кончались, и она чувствовала, что сейчас упадет перед этим человеком в ноги. Ее гордость и воспитание пытались предать ее. Она хотела забыть о них, но что-то другое останавливало.

— Я за тобой приду в ресторан. Давай закажем столик и обо всем поговорим, только оставим одну тему вне нашего вечера. Согласна?

— Да. Я в шесть часов буду ждать тебя в ресторане.

Ирен открыла дверь комнаты и столкнулась с Сорокиным.

— Оставьте вы меня когда-нибудь в покое?— крикнула она на него.

Сорокин попятился назад и, прижавшись к стене, пропустил Ирен. Она гордо прошла мимо, спустилась вниз, взяла ключ от своей комнаты и, войдя в нее, закрылась.

Старый сыщик Сорокин минуту стоял молча, прижавшись к стене. Он смотрел сквозь открытую дверь на Вика и не мог поверить, что этот хлипкий юноша способен на такое. Он, как старый и опытный шпион, конечно же, все услышал, и то, что он узнал, шокировало его. Этот совсем юный молодой человек удивил его. Он уже не видел в нем мальчика, ухаживающего за дамами. Этот парень вызывал одновременно и уважение, и злость. Сорокин понимал, что теперь он не сможет стоять рядом с ним и бороться за любовь. Он чувствовал и видел свою слабость. «Где и когда я уступил?— спрашивал он себя. — Почему допустил их встречу?» И где-то в глубине своей душонки хотел помочь Танцору устроить его представление, чтобы тот уничтожил этого сильного человека.

Вик подошел к двери, посмотрел на Сорокина и, ничего не говоря, закрыл ее. Старый сыщик спустился в ресторан и заказал водки.

Вскоре появился Семен. Он все это время был в зале ресторана и пытался договориться с кухаркой, чтобы та проведала его ночью. Уверенный и спокойный, он зашел к Вику.

— Что? Рассказал ей?

— Да.

— Ну, она, конечно, не поверила?

— Нет, поверила. И сильно расстроилась.

— Расстроилась? Эка ты ее зацепил. Ну, во-первых, это неизвестно когда мы еще поймаем этого Танцора. Время у вас есть.

— Нет, Семен, времени нет. Ты прав, нужно ехать в Поленск. Утром уезжаем, и знай, я от него бегать не буду. Я преследую его, а не он меня.

— Да знаю, знаю, успокойся. В Поленск так в Поленск. Это еще неизвестно, кому ты больше дорог, ей али мне. Я,

может, с тобой только жить начал. Да будь этот Танцор хоть сам Дьявол, так просто я ему тебя не отдам. Еще подерусь.

— Семен, неужели ты так любишь меня?— спросил Вик и подошел к ссутулившемуся мужчине.

— Ага,— выдавил тот.

Вик увидел его лицо и понял, что Семен за эти дни действительно сильно привязался к нему.

— Я это... — начал он, — всегда сына хотел. Чтобы он был как ты. А тут на тебе, идет за смертью и хочет себя погубить. Да ради чего же?

— А ты сам не отвернешься от меня, если я струшу?

— Не, не отвернусь, хотя сам знаю, что ты не струсишь.

— Ну вот, Семен, давай проживем эти дни честно, смело и красиво. Сейчас пойдем в ресторан, а утром уедем и разыщем этого Танцора. Мне нужно увидеть его представление! Эта погоня и это ожидание отбирают много сил. Я сам боюсь, что не выдержу!

— Еще как выдержишь, я тебе не дам сдать. Эка удумал!

— Ну вот, а говоришь, простишь.

Семен прижал к себе юношу, похлопал его по плечу и сразу отвернулся, чтобы он не заметил его лица.

— Пойду в ресторан. Я там кое с кем познакомился. Ты как, пойдешь со мной?

— Я позжеспущусь.

— Знай, главное, — уже в дверях обернувшись, произнес Семен, — нам бы встретиться, а там посмотрим, кто кого.

Вик закрыл за ним дверь и, вернувшись в комнату, сел в кресло.

«Ну вот, — подумал он. — Все в меня верят, и все почему-то уверены, что я смогу победить. А кого я смогу победить? Себя? Если себя, значит, я точно пойду на представление и после него умру, как все остальные. А может, они верят, что именно я смогу выжить? Ведь Ирен кого-то спасла. Как она это сделала? Интересно, но расспрашивать ее я об этом не стану, а то подумает, что я все же испугался. Почувствует слабость во мне и станет отговаривать. Нужно как-то по-другому узнать об этом. Мне в последние дни кажется, что

на том последнем представлении что-то произойдет. Что? Что может произойти? Танцор убьет всех близких мне людей, или мы все вместе покончим с ним? Неизвестно? Как-то Семен проговорился, что он уверен в том, что этот Танцор — самый настоящий Дьявол. А если это так, значит, всю эту игру, или состязание, не знаю, как назвать, именно он и устраивает? Создает трудности, сводит людей. А где же Бог? Почему он на все это смотрит сквозь пальцы, или вообще не видит, что творится вокруг? Сколько верующих людей ни за что погибли. Они жили спокойно, были счастливы, и пусть они копошились в своей серой жизни, но им это нравилось. Почему же они погибли? Ради чего или кого эти жертвы? Нужно во всем разобраться, прежде чем засовывать голову в петлю. Что происходит с людьми, и почему Он — этот Танцор — решил, что имеет право лишать людей жизни. Если он Дьявол и забирает их за грехи, так пусть покажет это. И непонятно, почему, за что отвернулся Бог. Как же он мог забыть о тех, кто всю свою сознательную жизнь верил в него. Да, были среди них грешные, но они каялись, искали спасения. А тут такое наказание, которое очень похоже на месть. А еще это похоже на то, что Дьявол пытается запугать всех. Все должны жить в страхе, но вот выискался я — который не боится его и готов умереть. Возможно, об этом узнают все и перестанут бояться. Тогда и ему будет невозможно воевать с бесстрашными. Он уйдет и будет искать другие пути к человеческим душам. Все это догадки, как разобраться в том, что на самом деле происходит?»

Вик посмотрел на часы и понял, что пора спускаться в зал ресторана. Он вспомнил об Ирен и решил провести этот вечер не в зале, а, как раньше, в его номере. Вик вызвал наверх официанта и на двадцать пять рублей заказал столько всего, что бедный официант в растерянности половину не записал и с заискивающим видом стал переспрашивать заказанные блюда. Вик посмотрел на него и ответил:

— Накрой хороший стол. Не обижу.

Официант убежал, а он спустился в зал.

Семен сидел за столиком и продолжал уговаривать кухарку. Она оказалась девушкой молодой и совсем неспор-

ченной. Ей не нужно было много денег или шампанского, ее удивило другое — то, что в этой дорогой гостинице впервые на нее кто-то обратил внимание. Вик качнул ему головой и, сев за свободный столик, стал ждать Ирен. В пять минут седьмого она вошла в зал. На ее новый наряд обратил внимание весь зал: казалось, она не вошла, а медленно влетела и поплыла. Ее длинное платье ярко-красно-коричневого цвета с бархатным воротником, манжетами и драпированным поясом украшала золотая пряжка. А рукава были обтянуты до локтей тесно облегающими подрывниками. Вставка из шелка переливалась разными оттенками: от розовато-лилового до золотисто-коричневого. На ее голове была не менее примечательная шляпа из тафты, также золотисто-коричневого цвета, на которой виднелся бархатный розовый бант со страусиными перьями. Весь зал оказался в восторге от ее блеска, лишь только Вик сразу заметил ее заплаканные глаза. Лицо Ирен было уставшим и измученным, но никто в зале даже и не заподозрил, насколько ей тяжело.

Вик встал, подошел к ней и на мгновение потерялся. Его новый однобортный костюм с шелковыми черными вставками был слегка помят, и он почувствовал стеснение за свой внешний вид. Он на мгновение замолчал: ему стало как-то неудобно сразу приглашать в номер столь очаровательную даму. Но она, как всегда, взяла инициативу в свои руки.

— Я вижу, ты ничего не заказал?

Вик молчал.

— А, я поняла. Стол накрыт в номере. Ты не хочешь, чтобы за нами наблюдали и подслушивали.

— Да, — собравшись с силами, ответил юноша.

— Ну хорошо, пошли. — Она взяла его под руку, и они медленно вышли из зала.

Семен сидел с вилкой, на которой остывал кусок мяса. Молодая кухарка смотрела то на него, то на красивую пару. А когда они вышли, спросила:

— Ты их знаешь?

— Конечно, это мой друг. А даму зовут Ирен. Очень строгая особа.

— Эх, какое красивое у нее платье, — вздохнув, произнесла девушка.

Семен бросил вилку и салфетку на стол, встал из-за него, взял девушку за руку и резко произнес:

— Пошли! Я куплю тебе в десять раз лучше!

— Зачем?— удивилась кухарка. Она тут же опомнилась и стала отказываться и вырываться. Семен спокойно посмотрел на нее и, как настоящий джентльмен, произнес:

— Без всякого там! Я просто хочу подарить тебе платье. И это не значит, что ты должна за это со мной спать.

Девушка посмотрела ему в глаза, улыбнулась и попросила подождать. Она просто отошла к хозяину отпроситься, а тот все видел и, конечно, разрешил ей ненадолго уйти. Вернувшись к Семену, она, уже одетая в пальто, взяла его под руку и важно пошла с ним в дорогой магазин.

6

Ирен и Вик поднялись в номер. Вежливый официант открыл им дверь и проводил к столу. Он открыл шампанское и, разлив его по бокалам, поставил бутылку в ведерко со льдом. Отошел в сторону и, накрутив граммофон, опустил иглу на пластинку. Она заскрипела, и из этого шума вырвалась мягкая мелодия. Звучание разлилось по комнате и заполнило ее. Вик и Ирен сидели и смотрели в глаза друг другу. Они молчали. Их глаза разговаривали о том, что нельзя было произносить.

— Зачем ты хочешь это сделать?

— Я не могу отступить, — отвечали глаза Вика.

— Я погибну без тебя! Отступись, я никогда не укорю тебя в этом. Останься со мной!

— Нет,— отвечал хладнокровный взгляд юноши.

Официант посмотрел на них и решил уйти. Он хлопнул дверью, и этот стук разорвал их молчаливый разговор. Вик обернулся, встал из-за стола и, мягко ступая, подошел к двери и закрыл ее на ключ. Посмотрел на Ирен и вернулся к столу.

— Ответь мне, только честно. Когда ты поняла, что любишь меня?—спросил юноша.

— В тот день, когда ты напоил меня и увел в свою комнату. Я была уставшей и легко попала в твои сети. В этот вечер во мне проснулось что-то, о чем я давно забыла. Я не верила, сопротивлялась, но чувства оказались сильнее. Теперь я вся перед тобой, и моя душа открыта, и ты волен поступать как хочешь. Ты желаешь услышать честный ответ — я скажу. В моем возрасте подобное редко случается — появляется любовь, какие-то чувства. Но если они рождаются — эти чувства самые крепкие и тяжелые. Ни одна уважающая себя дама не позволит себе подобного — переступить через невидимую черту возраста и войти в море любви, потому что слишком быстро наступает падение и осознание того, что твоя жизнь закончена и этот последний всплеск — лишь крик о помощи. Лучше держаться на расстоянии и никого не впускать в свою душу, тем более тех, кто моложе тебя. Но я не придавала этому значения, отвлеклась и, не отдавая себе отчета, перешагнула туда, где мне уже нет места. Теперь мучаю сама себя и пытаюсь соврать собственной душе. На что-то надеюсь, ищу лживые оправдания и пытаюсь как-то слукавить, чтобы продлить это состояние и облегчить собственные муки. Ответь, а ты ко мне испытываешь чувства? Я же почти на десять лет старше.

Ирен ждала, что этот мальчишка сейчас скажет что-нибудь необдуманное и эта тонкая нить их внутренней близости оборвется. Она поймет, что стара для него, услышит свой приговор и через день-другой остынет и переболеет этим юным героем. Но Вик молчал. Он действовал своим молчанием ей на нервы и не давал ни малейшего шанса усомниться в нем, за что-либо зацепиться или обидеться. Он лишь посмотрел ей в глаза, и этот взгляд, как раскаленный нож, пронзил ее измученное сердце. Она хотела закричать: «Ну скажи хоть слово!» Но Вик молчал. Тяжело смотрел своими карими глазами и молчал.

Что-то нужно было делать, чтобы сломать это напряжение. Ирен поняла: дальше так не должно продолжаться.

Она подняла бокал, взяла вилочку, постучала ею по хрустальному графину и, через силу улыбаясь, предложила:

— Давай выпьем?

— Давай,— согласился Вик и, посмотрев на бокал, разорвал свой пронзительный и невыносимый взгляд, вынув нож из ее сердца.

Они выпили, и Ирен, стараясь не смотреть на него, стала рассматривать закуски, думая, с чего бы начать.

— Хочу гуся. А ты?

— А я, пожалуй, с рыбы начну. Что-то последнее время все на ногах, в дороге, толком поест некогда. А рыба — это фосфор. От нее думается лучше.

— Фосфор— это правильно. Я тоже в дороге, сам знаешь, и все время голодная. Ты специально столько всего заказал?

— Нет, не специально. Хотел фрукты и вино, но потом доверился официанту. А тот правильно решил: люди с дороги, голодные. Зачем придерживаться этикета, когда есть очень хочется.

— Да,— улыбнулась Ирен,— и он оказался прав.

Вик взял вилку, нож и, взяв ими кусок осетрины, положил его к себе в тарелку. Отрезав кусочек, он положил его в рот и стал медленно жевать. А Ирен заправила розовую салфетку и, пытаясь отвлечься, стала расправляться с отломанным крылом. Она старалась не смотреть на него, а Вик, наоборот, не отрывал от нее взгляда. Ему нравилось все; и то, как она говорила, и то, как она ела. Он поднял бокал и не смог предложить ей выпить. Вик неожиданно для себя увидел, как красива Ирен. Юноша тут же потерял способность говорить и одновременно с этим забыл все слова. Ирен, продолжая чувствовать его взгляд, все же решилась. Она отложила крыло, вытерла руку салфеткой, взяла бокал, подняла его и, качнув головой, спросила:

— Ну что же ты? Тост за тобой.

Вик посмотрел на свой бокал, увидел, как медленно поднимаются маленькие пузырьки, и с трудом выдавил из себя:

— Затебя!

Ирен посмотрела на него и промолчала. Легкий звон хрустала слился со звучащей из граммофона мелодией. Ирен немного отпила, поставила бокал на стол и, не посмотрев на юношу, решила продолжить есть. А Вик, выпив до дна, осмелел и стал говорить:

— У меня есть друг Семен. Он сказал очень хорошие слова, которые я хочу сказать тебе: «Нам бы встретить его, а там посмотрим, кто кого!»

«Неужели этот юноша собирается победить его — Танцора? — с удивлением подумала женщина. — Еще минуту назад мне было жаль его, потому что он, такой дерзкий, решил заплатить своей жизнью за то, чтобы один раз увидеть танец Дьявола, а тут, оказывается, другое. Он снова поразил меня! И я, как девчонка, чувствую неудержимое желание. Он собирается победить его, и, если этого не случится, он погибнет! Но теперь-то это выглядит по-другому. Он — против Танцора! Кто из них сильнее?! Кто выстоит?! Возможно, этот всемогущий Танцор даже и не заметит того сражения, которое ему объявил Вик, а может, ему действительно придется противостоять этому юноше. Столько рядом сильных и уверенных личностей, но никто даже мысли подобной не допустил, а он смог. Стоп, — остановила себя Ирен. — А может, этот юноша просто болен. Я же врач, я должна разобраться».

Она внимательно, забыв о чувствах, посмотрела на него, на то, как он держит вилку, как ест, пристально заглянула в его глаза и поняла, что он абсолютно здоров. Ирен вновь увидела того невидимого воина, которого чувствовала раньше, и теперь ей было все равно, что случится. Восставшая духом дама решила, что в этом противостоянии она будет рядом с ним и, что бы там ни случилось, отдаст свою жизнь и силы за того, кто действительно этого достоин. Ей захотелось закричать от радости, что это не просто жертва, а самое настоящее противостояние, в котором она — олицетворение любви и силы. Она — та самая женщина, которая поможет любимому свершить свое великое дело. Она поняла это, и ей еще больше захотелось обнять Вика и сдаться этому сильному человеку, но она лишь слегка улыбнулась

и предложила выпить чего-нибудь покрепче. Ирен с улыбкой напомнила о том шампанском, от которого у них долго болели головы. Эти слова немного расслабили обстановку. Но она, даже улыбаясь, продолжала прятать в себе ту страшную боль, которая не ушла, а лишь притаилась: Ирен понимала, чем это может закончиться. Да, теперь все иначе, он — не просто жертва, Вик — воин, в которого никто не верит и считают книжным персонажем, а он на самом деле такой — настоящий! И он — этот человек — может просто погибнуть, ведь против него стоит не кто иной, как сам Дьявол. И если он погибнет, на его место встанет другой воин, о котором когда-нибудь прочитают в книгах, но она уже никогда не встретит того человека. В Ирен проснулась ее женская сила, и она действительно решила пожертвовать собой и отдать ему все, что только можно: силы, знания, чтобы помочь в этом великом противостоянии добра и зла.

Вик разлил в рюмки сливовой наливки, она отличалась особой крепостью, и предложил выпить за любовь. Ирен выпила до дна, и он тоже. Закусив, они решили повторить, а после третьей стопки Танцор, смерть отошли куда-то в сторону, они в очередной раз поняли, как сильно любят друг друга. Страсть, которая не угасала и лишь изредка таилась, пряталась в их сильных душах, запылала с новой силой. Ирен встала из-за стола, а Вик, быстро вскочив, перевернул пластинку и подошел к ней. Он обнял ее и закружил в нежном танце. Сначала им помешало кресло, а потом кровать, в которой они остались до утра, провалившись в мир, где нет злости, ненависти, нет страдания и боли. В этом мире есть только легкость, нежность и любовь, и эти три царя лишь изредка по-настоящему пускают в свое царство тех, кто этого действительно достоин.

Вик открыл глаза. Игла на граммофоне продолжала монотонно поскрипывать. Пластинка давно кончилась. Он повернулся, поцеловал Ирен, которая, как ребенок, сладко спала. Тихо встал, снял скрипящую иглу и выключил граммофон. Сел в кресло и стал со стороны наблюдать за ней. Ирен спала, ее сладкий сон был так прекрасен, и юноша не решался нарушить его. Он посмотрел на стол и улыбнулся:

все, что вчера приготовил официант, осталось почти нетронутым. В тарелках лишь лежали недоеденное ею крыло гуся и взятый им кусок осетрины, с которым он так и не справился. Вик подошел к столу, налил бокал воды, выпил его и отправился умываться. Затем он оделся и решил спуститься вниз, разыскать Семена.

Открыв дверь, Вик увидел сыщика, но не Сорокина, а его помощника.

— Задержитесь на пару часов, — тихо прошептал тот. — Пока не уезжайте.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего. Я вас не видел и ничего не говорил, но убедительно прошу выполнить мою просьбу.

Вик одобрительно качнул головой, и уставший от бессонной ночи сыщик ушел. А Вик спустился вниз, узнал, где комната Семена, и пошел к нему.

Семен не стеснялся, он снял шикарный номер и все же смог уговорить кухарку Глашу. Вик тихонько постучал. Испуганная девушка открыла дверь, а увидев его, тут же убежала. Юноша спросил разрешения и вошел. Семен лежал на кровати и улыбался во весь рот. Его изрубленное шрамами лицо светилось. Увидев его, Вик тоже улыбнулся. На кресле висело новое шикарное шелковое платье с розовыми рюшками и кружевными вставками из шелка. К нему Семен купил еще и пальто, а к ним добавил шляпу с бантом и страусиными перьями.

Девушка выглянула из-за двери и тут же спряталась.

— Я выйду ненадолго, а вы оденьтесь, — громко произнес Вик.

Через десять минут он снова вошел в комнату и застал всех одетыми.

— У меня все очень серьезно, — начал Семен. — Ты не думай там себе. Я на ней женюсь. Вот закончим с делами, приеду и женюсь, и город этот мне нравится, и люди здесь хорошие и спокойные.

— У нас есть несколько часов, можешь не торопиться, — успокоил его Вик. — Да, утром ко мне шпик подходил, тоже просил задержаться. Ты не знаешь, в чем дело?

— Нет, а какой шпик? Курносый?

— Нет, второй.

— Того я вообще не знаю, кто он такой, Бог его ведаёт. Он все время молчит, а с Курносым он недавно работает. Ну, раз просит, давай задержимся.

— Хорошо. Я буду у себя в номере, — сказал Вик и, уже закрывая за собой дверь, подмигнул Семену.

Юноша вернулся в свою комнату, у дверей которой уже дежурил Сорокин.

— А вы разве не там? — с ехидцей спросил сыщик.

Вик посмотрел на него, но ничего отвечать не стал. Он вошел в комнату и увидел, как проснувшаяся Ирен потягивается, выставляя вверх руки. Он сел на кровать и, тихонько наклонившись, поцеловал ее.

— Я думаю, к обеду мы уедем в Поленск.

— Ничего подобного. Мы поедем вместе, и даже не спорь. Я не стану тебе мешать и не остановлю представление.

— А как ты сможешь это сделать?

— Не знаю, но я уверена, что в Поленске ничего особенного не случится. Весь город в курсе событий. Люди напуганы, они вообще в театр не ходят, ни на Танцора, ни на кого другого. Так что туда мы можем ехать вместе, а там уже решим.

— Ну хорошо, — согласился Вик, — но если я неожиданно исчезну, будь готова к этому и ничего плохого не думай, что это из-за тебя.

— Да уж не буду. Я знаю, к сожалению, ради кого, — с грустью произнесла женщина.

Вик встал с кровати, а Ирен немного поленилась под теплым одеялом и тоже поднялась. Вик снова вышел из комнаты, чтобы оставить ее одну одеваться. Он, не обращая внимания на Сорокина, прошел мимо него и спустился в зал ресторана. Подозвал официанта, рассчитался и попросил приготовить завтрак на двоих.

Через полчаса он и Ирен сидели за столиком в ресторане и планировали наступивший день.

Неожиданно для юноши Ирен рассказала ему ту небольшую информацию, что она знала о Танцоре, и то, что она нечаянно обнаружила.

— Сначала я думала, что некий сумасшедший использует нервный газ на представлении. Но при тщательном анализе всего, что у меня было, всех образцов, никаких следов этого газа я не нашла. Думала, что это какой-то новый военный образец, но и это не подтвердилось. В тот первый случай, когда люди в страшных судорогах были доставлены в больницу, никто не знал, что с ними делать. Они задыхались и буквально на глазах умирали один за другим. Врачи бегали, что-то пробовали, а я ничего подходящего не нашла, как усыпить больных эфиром. Несколько человек потом проснулись, не умерли, но другие, даже те, кто успел уснуть, не проснулись. Целую неделю я исследовала тела и ничего не нашла, но вот какое открытие я для себя сделала. Из тех, кто уснул от эфира, некоторые ведь выжили. Почему это случилось, медицинского, научного объяснения нет, но есть одно совпадение: все выжившие с утра, а это было воскресенье, сходили в церковь на причастие. Я сначала усомнилась в этом, но потом расспрашивала родственников погибших, и все сошлось. Выжили те, кто утром причащался. Они уснули и отключились от шокового состояния. Тогда, в первый раз, Танцор был не так силен, как на последующих представлениях. В свой первый раз он не смог убить всех в зале, некоторые продолжали кричать и мучаться и умерли уже в больнице. После этого он стал сильнее, и с каждым представлением его сила растет и количество жертв увеличивается. Теперь все погибают в зале. Он не оставлял им возможности на спасение. Позже я направила исследования в другую сторону: думала, что это воздействие сильного гипноза, ввод человека в крайне нервное состояние, в котором все его органы работают с перегрузкой, так сказать, на грани. Этот Танцор бросает очередной заряд эмоций, и люди просто не выдерживают. Но и от этой версии я отказалась. Среди погибших оказались военные. По рассказам их сослуживцев, они видели такое... и для того, чтобы их вывести в крайнюю точку нервного напряжения, нужно было бы что-то особенное. Получилось бы примерно так: этот гипноз на одних действовал, а другие сидели бы рядом и спокойно наблюдали

за соседями. Получается, что все люди входили бы в это состояние, и военные, и врачи, и даже те, кто сам владел гипнозом и знал, что это, а этого быть не может. Если ты знаешь, как воздействовать на человека, то себя-то хоть как-то сумеешь защитить. А тут все, без исключения. Так что, получается, ни одной объяснимой версии нет. Единственное — это совпадение с причастием. Я усыпила графа секунд на двадцать позже, чем фабриканта Ялова. Граф выжил — фабрикант нет. И все остальные точно так же.

«Вот и ответ на мой первый вопрос, — подумал Вик. — Значит, это не сумасшедший, а именно тот, за кем я иду, — Дьявол! Те, кто отвернулись от Веры или просто забыли сходить в церковь, погибли, а те, кто причастились, получили шанс из рук ангела, и этим ангелом оказалась Ирен. Господь подсказывает мне, что не нужно отвлекаться на человеческие версии — это великое противостояние, в котором много веков борются добро и зло. Сейчас это сражение спустилось на землю и происходит между нами: мной и Пантомимом. Неужели я должен отстоять весь род человеческий? Неужели действительно Господь вручил мне эту силу, чтобы в очередной раз наказать и изгнать зло?! Так почему же я боюсь, что умру, как остальные, увидев его танец? Нет! Прав Семен! Сто раз прав! Встретимся — посмотрим, кто кого», — со злостью подумал Вик.

Ирен в это время своим мягким голосом рассказывала обо всем, что она знала, и совсем не боялась, что ее за это накажут. Сорокин ходил у соседнего стола, топал ногами, пытаясь обратить на себя внимание и отвлечь ее от столь секретной информации. Но Ирен не обращала на него внимания, она ничего не скрывала от Вика, понимая, что ему это нужно больше, чем всем остальным.

Вскоре в зале появился Семен с прелестной дамой. Это была та самая кухарка, только теперь она выглядела по-другому. Продавцы постарались и преобразили ее, и Семен не пожалел на это денег. Он подошел к их столику, вежливо извинился, что удивило Вика, и попросил его отойти с ним в сторону.

— Чего от тебя этот новый сыщик хочет?

— Он ничего не объяснил мне, только предупредил, что он ничего не говорит, и просил задержаться.

— Ладно,— посмотрев на Сорокина, произнес Семен.— Подождем.

После завтрака Вик и Ирен поднялись в свои комнаты. Ирен собрала вещи и пришла с ними к Вику в номер. Она долго раскладывала принесенные кучей платья по саквояжам. А он наблюдал за ней, но при этом думал о своем. Юноша решил, что нужно найти хорошего священника, который отмолит грехи и благословит его на предстоящее сражение. Но где найти такого?

«В церквях многие давно спились и ведут службы как попало, как в этом грязном мире разыскать действительно чистого человека, которому можно было бы с открытым сердцем раскаяться во всех грехах и довериться в столь невероятном деле? Конечно, не стоит пренебрегать церковью, и не все священники такие уж плохие. Но здесь случай особый. Мне нужно такое благословение! Мне нужен человек, который действительно поверит во все это и, взяв на себя высокую ответственность, благословит на победу над Дьяволом и всем злом, творящимся на земле. Нет, все зло, конечно, мне не победить, — остановив вырвавшуюся мысль, подумал Вик,— а вот благословение на бой с Пантомимом мне действительно нужно».

В дверь постучали. Вик встал и, проходя мимо Ирен, пошутил:

— Наверное, твои сыщики?

В дверях стоял Семен. Он попросил Вика выйти в коридор, отвел его в сторону от сыщиков и объяснил, что к ним должны прийти от Коптя. Нужно проводить ненадолго Ирен, чтобы она увела отсюда своих шпииков.

— Хорошо,— согласился Вик.— Я что-нибудь придумаю.

Через минуту он попросил Ирен оставить его одного минут на пятнадцать-двадцать. Он объяснил, что придут люди и расскажут о Танцоре. Это их знакомые, но они боятся, не желают встречаться нос к носу с сыщиками тайной полиции. Ирен все поняла и, сделав вид, что что-то забыла, ушла

в свой номер. Вслед за ней ушел Сорокин и его помощник, а через минуту вместе с Семеном в комнату вошел Ворон.

Вик встал, по-приятельски поздоровался с ним за руки и предложил присесть в кресло.

— Нет, я ненадолго, — сухо ответил Ворон. Он поставил на стол небольшой саквояж и строгим голосом произнес:

— Здесь десять тысяч червонцев золотом. Это вознаграждение было объявлено заранее. Старик благодарен тебе.

— Что, он на свободе? — с радостью поинтересовался Вик.

Ворон нахмурил брови и молча кивнул головой в знак одобрения.

— Нет, какие деньги, вы что? — начал было юноша, стесняясь брать такую сумму за помощь в освобождении опасного преступника. Ворон снова нахмурил брови, и Вик понял, что спорить с ним бесполезно. Это указание самого Коптяя, а его он не выполнить не может. Юноша подошел к нему, еще раз пожал руку и попросил передать привет старому и уважаемому человеку. Ворон улыбнулся и, прощаявшись, ушел.

Семен и Вик остались в комнате. На столе стоял саквояж с огромным состоянием. Вик посмотрел на Семена и впервые увидел в его глазах взгляд преступника.

— Хочешь, забирай себе.

— А завтра меня Ворон и его дружки кончат. А мне теперь жить надо, у меня теперь женщина есть, — со злобой ответил Семен.

— Давай поделим!

— Я же слуга, ты что, забыл? Никто не поверит.

— Слушай! А что ты со своей кухаркой решил?

— Вернусь и обязательно женюсь!

— Вот и хорошо. Тебе этот город нравится?

— Да.

— Прекрасно! Бери ее и пошли в банк, — уверенно, так, чтобы Семен его послушал, произнес юноша.

— Хорошо, — согласился Семен и отправился вниз за Глашей, которая сидела в фойе и ожидала его.

Он привел девушку и еще раз представил ей своего друга Вика. Девушка, улыбнувшись, поздоровалась и села за стол.

— Так, Глаша. Ты готова ждать Семена?

— Да,— ответила девушка.

— А тебя не смущает то, что он намного старше тебя?

Девушка посмотрела на Вика и ответила вопросом:

— А вас не смущает встречаться с дамой, которая тоже старше вас?

— У какая, с гонором! — усмехнувшись, произнес юноша.— Значит, так. Я сейчас пойду в банк и положу на твое имя деньги. Ты должна на эти деньги купить дом и спокойно дожидаться в нем приезда Семена. Согласна?

У Глаши загорелись глаза. Сначала платье, а теперь еще и дом, в придачу к которому она получала хорошего мужчину, который понравился ей своей смелостью и шрамами.

— Я распоряжусь в банке, чтобы тебе с этих денег ежемесячно выплачивали содержание, а после того как вы с Семеном обвенчааетесь, вся сумма будет принадлежать вам полностью. Согласна?!

Это слово прозвучало как утренний колокол. Глаша забыла все слова и несколько раз кивнула головой в знак согласия и лишь потом, когда уже все отвернулись, выдавила:

— Да-а!

Вик улыбнулся, а Семен подошел к ней и нежно поцеловал. Юноша, заметив этот поцелуй, удивился: откуда в этом грубом и безжалостном человеке может быть столько нежности?

— Там, за углом, есть хороший банк — «Банк Еремеева». Я когда-то один из его филиалов...— и в этот момент Семен замолчал, понимая, что говорит не то. Глаша тут же переспросила:

— Что ты с этим банком?

— Мой знакомый купец его строил, — заикаясь, ответил Семен.— Стены у него крепкие.

— А, ну тогда, конечно, пошли в него, а то на площади есть еще один, тоже «Банк» называется.

Вик посмотрел на Семена, но тот тут же отвернулся, чтобы он не увидел его смешную гримасу. Они вышли на улицу, зашли в известный банк, и Вик положил в него деньги. Половину он отдал Семену, записав на Глафиру Ивановну Попову, а вторую половину положил на свой счет. Он решил, что тех денег, которые у него остались, будет достаточно, тем более что филиалы этого банка были практически во всех губернских городах и снять деньги со счета особого труда не составляло. Да и к тому же Вик рассчитывал в Поленске получить от Омо перевод.

Оставив Глашу и Семена, он вернулся в гостиницу и застал уже готовую к дороге Ирен. Юноша быстро собрал свои вещи в дорогу, и они вышли на улицу.

Семен попрощался с Глашей, снял ей номер на месяц, пока она не купит дом, и подогнал карету к гостинице. То, что в нее вместе с Виком села Ирен, Семена не удивило. Он все понимал и последние часы ходил довольный и молчаливый. Лишь там, в банке, Вик заметил, как у этого сурового человека появилась всего одна слеза.

Семен хлестко ударил лошадей, и карета помчалась в город Поленск, а за ней с места тронулись еще две кареты. Одна со специальным медицинским оборудованием, а вторая с сыщиками тайной полиции.

7

Дорога оказалась веселой. Вик купил ящик вина, от шампанского и водки они отказались, а вот вино, тем более красное, им пришлось по вкусу. К нему он взял в магазине конфет, печенья и булочек. Всю дорогу они часто останавливались, выпивали и смеялись. Иногда в карете было тихо. Семен не оборачивался, он знал, что это наступила тишина от страстного и продолжительного поцелуя. Когда время поцелуя заканчивалось, Семен с шуткой спрашивал:

— Ну что, рты освободили? Тогда давай выпьем!

Все смеялись и пили сладкое красное вино. В одну из остановок они пригласили сыщиков и предложили им вы-

пить вместе с ними. Служители закона согласились и, немного опьянев, предложили устроить гонки между каретами. Семен, не жалея, погнал лошадь, он просто не мог проиграть эту гонку Курносому. Закончилось все тем, что на одной из кочек его карета сильно подпрыгнула, и счастливые пассажиры чуть не вылетели из нее. После этого кареты поехали медленней, и Семен, придерживая поводья, повернулся к влюбленным и долго рассказывал им смешные истории о том, как никудышные преступники попадали в смешные ситуации с монахами, с жадными торговцами, но самой забавной оказалась история о крестьянине, который вообще не понимал, что его каждый день грабят.

Дорога продолжала петлять, а они — наслаждаться теплым осенним днем и своим счастьем. Однако Вик на какие-то мгновения уходил в себя, думая только одно: где найти священника, которому он сможет доверить свою тайну? Ирен, конечно же, прятала за своей улыбкой страх. Она верила в приметы и понимала, что такое веселье бывает перед бедой. Постепенно их радостное настроение ушло, они вернулись к серьезной теме Танцора, а веселые истории сменились разговором о вере.

— Верить ли ты в Бога?— спросил Вик Ирен. Этот вопрос он задал не случайно. В последние годы в обществе, особенно среди студентов и ученых, стали появляться революционные идеи, в которых места для истинной веры не было. Он хотел узнать у нее самой отношение к этому. Его не интересовало, сколько раз в месяц или неделю она ходит в церковь, ему хотелось узнать у нее как у ученого: — Есть ли Бог и можно ли в него верить?

Ирен долго молчала, затем, посмотрев на Вика, произнесла:

— Да! Я верю. И не просто в какую-то высшую силу, а именно в Бога. Конечно, мне, человеку науки, можно было бы дать и другой ответ, но я ответила так, потому что считаю — тебе нужен честный ответ. Наверное, я могу точнее ответить. В Бога верит моя душа, а я со своими научными знаниями не могу убедить ее в обратном. То, что со мной происходит, — это не просто стечение обстоятельств. Это некий за-

мыслей, возможно, это судьба, в которую я тоже верю. И мы, мне кажется, осознали свое предназначение. Ты — воин. Я — твоя любовь! По крайней мере, я надеюсь на это, — при этом Ирен посмотрела в глаза Вика. — Есть враг — зло — Танцор, с которым тебе предстоит сразиться. Бог в очередной раз проверяет людей на крепость их веры, и он надеется, что за последние годы все мы не стали слабее. Мы избранные, и я понимаю это. Многих вещей, происходящих между нами, я не могу объяснить, но уверена, что в реальной обывденной жизни всего этого не существует. А если и происходит что-то необъяснимое, то люди стараются забыть и не думать об этом. Они думают, что этим спасают себя.

Семен остановил карету. Слез с сиденья, подошел к Ирен, взял ее за руку и поцеловал.

— Сначала у меня был только он, а теперь вас двое! — откуда-то из души и совсем не грубо произнес он. — Я все время буду рядом!

— Вот видишь, даже Семен, отъявленный преступник. Да, да, не удивляйся, я про тебя все знаю. Даже он, сейчас — человек с большой дороги. Он готов стоять до конца за род человеческий. Ты сам-то понимаешь, что вокруг тебя происходит? — повернувшись к Вика, взволнованно спросила Ирен.

— Надеюсь, после твоих слов мне не нужно отвечать о моем отношении к Богу? А то, что происходит со мной, сложено из поступков, которые доказали, кто я. Показали Ему, потом мне, а теперь и вам. И мне не хочется об этом говорить громко. Я знаю, кто я и зачем ищу Танцора. Скоро все разрешится. И тогда станет ясно, проиграл я или выиграл. Если Дьявол придет на землю в виде человека, а мне кажется, это уже случилось, вся эта земля обольется кровью. Он не убьет все человечество, многих оставит и будет наслаждаться их страданиями. Дьявол укрепит свою власть и будет править миром. Россия — это душа всего человечества. А первый удар всегда наносится в душу. Если она ранена, то и тело бессильно. Я знаю, что во мне появилась особая сила, которую вы тоже чувствуете, но что на самом деле в моих руках, я не знаю. Уверен, что будет

все: и смерть, и представление, и великое сражение добра и зла. Кто выживет, не знаю, как это произойдет — тоже, но то, что нам всем нельзя отступать, понятно без слов. Все вместе — мы одно целое, за действиями которого наблюдает Всевышний. Что ждет людей в наступающем новом веке — неизвестно. Сейчас Он смотрит на нас, и от этого зависит жизнь последующих за нами поколений. Я это говорю не потому, что хочу разделить свои трудности с вами, а для того, чтобы вы смогли понять: один человек — это просто пустое тело. Около него должны быть как минимум три составляющих для того, чтобы его душа была полноценна перед Богом и готова к великому сражению. А если это воин, вставший против зла, — эти условия обязательны. Во всех известных мне книгах всегда было именно так. Первое — любовь — это ты, Ирен. Второе — дружба — это Семен. И третье — вера! А это место пока рядом со мной пустует. Нельзя сложить единую силу и вступить в противостояние, если чего-то одного не хватает.

— Но как же, — возразила Ирен. — Я искренне верю, ты, я знаю, тоже, нас объединяет вера.

— Нет, вера должна олицетворяться в этом случае такой же сильной личностью, как каждый из нас. Мы должны найти священника, который поймет нас и станет одним из нас. И еще нужно запомнить главное: сейчас мы едины, пусть и не до конца собраны. Любое предательство, ошибка, просчет со стороны каждого будут давать Дьяволу преимущество и отбирать у нас часть силы. Я должен безоговорочно верить вам и скорее найти священника! Помнишь, ты рассказала о людях, которые выжили? Они перед представлением причастились, Бог помог им и ты. Эти люди были знаком, подсказкой для нас.

Семен снова остановил карету.

— Так, давай выпьем. Вино какое хорошее, — предложил он и стал разливать его по бокалам. — Я скажу за себя: вот моя жизнь — бери ее, — и он протянул руку юноше.

— Спасибо, друг, — ответил Вик и пожал ему руку. В этот момент на их рукопожатие сверху Ирен положила свою руку:

— А вот и моя жизнь — она тоже принадлежит тебе!

— Спасибо вам! Сейчас вы дали мне столько силы, что я готов уже к чему-то великому. Но нет, сейчас еще рано. Последние дни мы только гуляем и веселимся. Нам хорошо, хотя мы понимаем, что догоняем что-то страшное. Нужно всерьез обратиться к вере, очиститься! Найти хорошего священника. Господи, пошли нам этого человека, — громко крикнул Вик, посмотрев в небо.

— Да, это точно, грехов за нами много, а особенно за мной, — произнес Семен. И хотя он ехал на месте извозчика, но все его слова были слышны. Ни ветер, ни шум колес не могли помешать этому разговору, и лишь только два усталых сыщика совсем не знали, что сейчас в нескольких метрах от них рождался единый союз, который шел навстречу великому сражению с Дьяволом.

— Вон посмотрите, какая белая церковь на холме стоит, — неожиданно крикнул Семен и показал рукой вперед. — Давай заедем?

— Сворачивай, — крикнул ему Вик. Он высунулся из кареты, приподнялся и стал издалека смотреть на церковь.

Солнечные лучи, выглянув из-за серого облака, осветили ее купола, и все увидели необычное золотое свечение. Лучи переливались и отсвечивались в разные стороны: к лесу, к небольшой деревне и к дороге, по которой они ехали: казалось, этот мощный солнечный поток специально освещал и указывал им дорогу.

— Посмотри! Ты это видишь? — спросила Ирен.

— Да, вижу! Еще как вижу. По-моему, это знак! Там нас ждут! — воскликнул Вик.

— И мне так кажется, — согласилась Ирен.

Семен ударил лошадей, и они быстрее помчались к церкви. Следовавшие за ними кареты также свернули, совсем не понимая, куда они едут. Сыщики спали, и когда они остановились, Ирен подошла к ним и попросила извозчика не будить уставших тайных агентов.

Втроем они вошли в церковь и одновременно перекрестились. В этот день церковь была пуста, лишь у некоторых икон горели лампадки. Ирен подошла за церковный

прилавок к старушке и купила у нее свечей. Вик и Семен также взяли свечи и стали ставить по одной к каждой иконе. В этом действии было что-то символическое, каждый ставил по свече на пустые подсвечники, а вместе получалось, что у каждой иконы горело по три свечи. В полумраке церкви стало светлее. Ирен подошла к иконе Богородицы, перекрестилась и стала тихонько читать молитву. Вик и Семен встали рядом. Они внимательно слушали ее, затем Вик подошел к распятию Иисуса Христа и, поставив свечу, прочитал «Отче наш». Семен ставил свечи молча. Он никогда раньше не приходил в церковь, считая себя страшным грешником, но сейчас его сердце билось в ритме еще двух сердец, и он, почувствовав это биение, стал ближе к людям и Богу. Поставив последние свечи, они еще раз посмотрели в лики святых, помянули всех погибших, и Вик неожиданно вслух попросил у Бога благословения. Ирен почувствовала, как мелкие мурашки пробежали у нее по спине, их сменил холодный пот. А Вик показался ей в этот момент огромным и сильным воином. Он произносил слова, от которых сжималось сердце. Юноша честно каялся в том, что уходил от трудностей, искал легкие пути и иногда трусил. Он просил прощения за все, и даже за тот грех, который совершил с невенчанной женщиной. Семен, услышав это, пошел и купил еще свечей и поставил к каждой иконе еще по одной. Никто не понял, зачем он это сделал. Теперь у каждой иконы получилось по четыре свечи. Все осмотрелись, и каждому показалось, что кого-то не хватает. Причем свечи стояли так же символически, не как на похоронах — четыре одинаковых, а совсем по-другому: одну большую окружали три меньшего размера: казалось, что ее свет поддерживают три остальные. Семен неумело перекрестился, он почувствовал, как в его душе, впервые за всю лихую жизнь, появилась непонятная ему правда. Он хотел простого человеческого счастья и был благодарен Богу за то, что он послал ему Вика, Ирен и Глашу. Он знал, что предстоит страшное дело, и просил какими-то своими словами помощи и защиты. Семен проснувшейся душой вымаливал прощения за все загубленные им души и все человеческие грехи.

Ирен стояла и молчала, она тоже хотела сказать по-простому, но не знала, как это вынуть из души. Женщина хорошо знала молитвы, но сейчас ей хотелось просто сказать, вынуть из себя что-то такое, что точно услышит Бог и все святые. Ирен закрыла глаза и произнесла лишь: «Прости меня!»

Они еще несколько минут стояли и смотрели на одну и ту же икону: Иисуса Христа, держащего книгу заповедей. Затем перекрестились и собрались выходить, как вдруг их остановил священник, которого они раньше не замечали. Когда он появился в церкви, никто не знал. Мужчина поприветствовал прихожан, и его слова сразу ворвались в их сердца каким-то неизвестным светлым чувством. Его лицо с небольшой бородкой показалось таким близким и знакомым, что Ирен, Вик и Семен по очереди тут же представились и решили узнать у него, как бы им совершить причастие.

Сорокапятилетний отец Владимир был настоятелем этой церкви. Он вошел в зал и впервые за много лет службы увидел искренние лица. Стараясь не мешать, он отошел в сторону и стал наблюдать за ними. В их присутствии он почувствовал в себе рождение благодати и, доверяя своему сердцу, решил заговорить с этими людьми. Он смотрел на Вика и никак не мог определить его возраст. Передним был модно одетый юноша, глаза которого говорили о том, что он совсем не мальчишка. Такое смятение его посетило впервые. С Ирен и Семеном было проще. Об Ирен он понял сразу, что она безумно влюблена, а Семен — уставший от лихих дел преступник, но вот юноша — кто он? И зачем пришел в его маленькую обитель?

Неожиданное появление священника немного смутило присутствующих, но та легкость, которую он принес вместе с собой, смыла с душ чувство стеснения.

— Итак, вы хотите причаститься?

— Да, — не задумываясь, ответил Вик.

— А вы проездом?

— Мимо едем, в Поленск, — вмешался Семен.

— Для нормального причастия нужно как минимум три дня поститься, посещать утренние и вечерние службы и на третий день вкусить кровь Христа нашего.

Вик опустил голову и на какое-то время задумался: он понимал, что нельзя терять время — нужно догонять Танцора. Поездка в Поленск и так отбрасывала их назад, но идти дальше по следу без благословения он не хотел и не мог. Вик посмотрел на Ирен, Семена и, обернувшись к священнику, спросил:

— Здесь где-нибудь можно остановиться и переночевать?

— Конечно,— ответил отец Владимир.— Вы можете расположиться в соседнем доме. Там вас примут и дадут все необходимое.

Вик хотел еще что-то спросить у этого человека, но не смог. Он видел свет, исходящий от него, и чувствовал силу слов, но признаться так сразу в том, что он идет на встречу с самим Дьяволом, было нелегко.

Отец Владимир показал дорогу к дому, где их расселили, и предупредил, что вечерняя служба начинается в шесть.

К этому времени во второй карете проснулись сыщики и, узнав о посещении церкви, тоже зашли в нее и поставили свечи. Ирен предупредила их, что они остаются здесь на несколько дней, и все возражения, которые Сорокин с ходу стал говорить, она отвергла.

Сложив в комнатах рубленого дома саквояжи, Вик и Ирен решили прогуляться и посмотреть на окрестности. Выйдя к небольшому полю, у которого росла березовая роща, Вик спросил ее:

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, мы поступаем правильно. Мы забыли о собственных душах, и нужно набраться сил, терпения и вспомнить о Боге. Раскаяться Ему в своих грехах и делах. Причаститься здесь мы, конечно, сможем, но уверен ли ты, что этот отец Владимир сможет дать тебе нужное благословение? Сможет ли он понять тебя и взять на себя столь большую ответственность перед таким делом?

— Не знаю, не уверен. По крайней мере, нужно обязательно причаститься, а дальше посмотрим. Я хотел спросить его об этом, но не смог, почувствовал, что еще рано. Да, я вижу, что он светлый человек и действительно слу-

жит Господу. Многие знаки нам показали на то, что это он. Но я почему-то не уверен: к примеру, последнего священника, которого я встречал, видел пьяным. Он нес какую-то чушь и пытался доказать, что он особенный, может многое, а пьет оттого, что не в силах носить взятые у людей грехи. Этому же человеку — отцу Владимиру— ничего доказывать не надо, и так видно, но здесь есть другое.

— Что?— спросила Ирен.

— У каждого есть свои человеческие недостатки: даже священник может лукавить, быть трусом или тайно делать что-то грешное. С виду об этом не скажешь: вроде бы человек как человек, но в своей тайне он грешен, и тяжело грешен. Зачем мне чужая грязь, когда и своей достаточно. Об отце Владимире этого не скажешь, не похож он на засаленного святошу, но в душу я ему заглянуть не могу, а как тогда довериться?

— Доверься своему сердцу, — посоветовала Ирен.— Сегодня на шестичасовой службе, я думаю, ты поймешь это.

Они еще долго гуляли вдоль березовой рощи, затем ушли к молодому ельнику и уже оттуда вернулись к церкви по деревенской дороге мимо небольших домов и заваленных хламом сараев. Устав от прогулки, они вошли в дом, где им уже в разных комнатах приготовили постели.

В шесть часов началась вечерняя служба. Несколько деревенских старушек пели. Их звонкие голоса как-то не-

обычно сливались под сводами небольшой церкви. Вик слышал множество разных церковных хоров, но такого эффекта звучания никогда не замечал. Он не мог поверить, что это поют пожилые женщины. Их голоса проникали в душу своей чистотой. У икон горели свечи, освещая святые лики. Прихожан было немного: кроме Вика, Семена и

Ирен в церковь пришел Сорокин, а его помощник остался на улице у карет. Затем вошли две женщины с девочкой лет десяти и один старик с длинной седой бородой и резной палкой. Отец Владимир начал службу. Он читал, пел святые строки. Иногда его голос сливался с пением хора, а иногда он единственный звучал, заполняя церковь до самых сводов. Его голос потихоньку стал пробирать-

ся в души путников. Ирен изредка подпевала хору, как и пожилые люди, а Вик пристально смотрел на икону Спасителя и слушал святого отца. В его теле что-то начало отходить, оттаивать. Тот лед, который образовался и защищал его от всего мира, начал таять. Что именно с ним происходило, он не знал, но в его сердце появились чувства. Ему стало жаль людей, детей, весь мир. Он вспомнил свой Лопатинск, который в этот раз показался ему совсем другим городом: тихим, цветущим, заросшим красивыми зелеными деревьями. Вик увидел в своих воспоминаниях кусты черемухи возле дома, вспомнил мать, тетку, и чувство тоски по родному дому подошло так близко, что он в очередной раз спросил себя: «Зачем я все это делаю?» И тут же сам себе ответил: «Чтобы защитить этот мир и людей от зла». Все то, что в нем родилось, зеркалом отразило все его действия, поступки: то, как он, желая доказать свою индивидуальность, решил пожертвовать жизнью, но дальше, шаг за шагом, он понял, осознал, чем именно жертвует. Чего стоит его жизнь и как она может быть бесценна.

— Ирен, — тихо произнес он. — А если я выживу, что будет дальше? Что нас с тобою ждет?

Этот вопрос оказался очень жестоким в тот самый момент, когда она начала испытывать блаженство очищения и освобождения от тяжести душевных мук. Вик словно якорем вернул ее на грешную землю. Ирен понимала, какая грань существует между ними — возраст. Естественно, она понимала, что Вик встретит в своей жизни симпатичную девушку, которая отодвинет ее в сторону. Ирен так не хотела думать об этом, но он спросил, и нужно было как-то отвечать. Сказать: «Не знаю», — означало ничего не ответить, а соврать здесь и сейчас было невозможно.

— Наверное, мы останемся хорошими друзьями, — тихо прошептала она. А в слово «друзьями» она вложила свое, известное только ей значение.

Вик покачал головой, наверное, его удовлетворил этот ответ, и он, сосредоточившись, стал дальше слушать отца Владимира. Вскоре служба закончилась, и настоятель отошел в сторону, чтобы выслушать тех, кто пришел к нему на

исповедь. Он внимательно всю службу наблюдал за Виком и не мог понять, что именно происходит с этим парнем. Священник, как и остальные, почувствовал в нем силу, но не мог разобрать ее исток. Что за собой несла она, добро или зло? Ему стало до боли интересно, кто же он — человек, который так спрятан в себе.

Прихожане по очереди подходили к нему, и каждый, вспоминая грехи, что-то говорил. Настоятель накрывал голову прихожан епитрахилью, клал руку и, крестя грешных, отпускал им грехи, допуская к утреннему причастию. Подошла очередь Семена. Он долго мялся, но затем резко подошел к священнику и встал перед ним на колени. Отец Владимир спокойно выслушал его, а Семен, почувствовав, как в нем открылись невидимые двери, начал вспоминать все новые и новые грехи. Вскоре он рассказал такое, что отец Владимир закачал головой, а потом еще сильнее удивился услышанному. Вику стало интересно, что же скажет ему священник. Он не желал знать о грехах Семена, и так все было ясно, а вот слова отца Владимира были для него важны. Настоятель, выслушав лихого человека, положил ему епитрахиль на голову и стал произносить молитву. Вик не увидел в этом ничего особенного, но последние слова священника как будто специально долетели до него: «Раз ты смог прийти сюда и рассказать об этом — ты на правильном пути! Бог поможет тебе, и он прощает все твои грехи! Иди с Богом и не грехи больше, соблюдай законы Божьи и помогай ближним!» Семен встал с колен, поклонился ему, перекрестился и отошел в сторону. Вик вновь увидел его довольное и счастливое лицо. В эти минуты на нем не было отпечатка смерти, и вся его решительность и злость куда-то ушли. В этот день Вик второй раз увидел Семена таким и, почувствовав доброе притяжение отца Владимира, шагнул к нему, но тот поднял руку и попросил его жестом уступить женщине. К отцу Владимиру подошла Ирен. Она встала на колени, и, быстро произнося грехи, шепотом затараторила. Священник остановил ее и сказал, что он никуда не торопится, и Ирен, тяжело вздохнув, стала спокойно шептать ему о себе. На перечисление

всех ее грехов ушло больше времени, чем у Семена, Вик смотрел спокойно на это и понимал ее. Ирен хотела вспомнить все и ничего не упустить. Отец Владимир дослушал ее, перекрестил, положил епитрахиль и руку на ее голову и отпустил ей все грехи. Женщина встала, и Вик увидел еще одно счастливое и свободное лицо. Он посмотрел на священника и хотел уже сделать шаг, но кто-то невидимый встал между ними. Вик не мог сдвинуться с места, он рвался, пытался, но ничего не получалось. Между ним и священником выросла невидимая стена, которую он никак не мог разрушить. Отец Владимир встал, и Вик увидел, как он сам идет к нему. Юноша чувствовал, как рушатся все препятствия перед ним. И последней исчезла та невидимая стена, которая мешала ему. Настоятель взял его за руку и предложил отойти в сторону. Вик подчинился. Встав на колени, он склонил голову и попытался что-то сказать, но вдруг все его грехи куда-то исчезли. Он не мог вспомнить ни одного греха из своей жизни.

— Что, никак?— спросил отец Владимир.

— Я не могу вспомнить свои грехи. Я знаю, что их много, но не могу. Они как будто стерлись из памяти, — подняв голову, произнес юноша.

— Ничего, успокойся, — мягким голосом сказал священник. — Расскажи о другом. Что тебя сейчас волнует?

Вик посмотрел ему в глаза и, увидев в них свет, произнес:

— Танцор!

— Тихо, тихо, народ испугаешь, — попросил священник.

— А вы о нем слышали?

— Конечно.

— Я иду за ним. Сначала, это выглядело как фарс, мне опостылела собственная жизнь, и я желал риска, за который готов был заплатить собственной смертью. Я заключил договор с другом, что увижу его представление, после которого все умирают. И я не боялся смерти тогда!

— А сейчас?

— А сейчас я не могу в себе разобраться. Я чувствую неудержимую силу и хочу сразиться с ним. Я чувствую за

собой силу правды Бога, но одновременно с этим понимаю, что еще не готов к этому. Моя спутница Ирен случайно обнаружила, что у получивших причастие накануне появился шанс выжить. Возможно, это причастие придаст мне силы! Помогите мне! Я каюсь во всей своей жизни, все, что я делал до сих пор, — один сплошной грех! Прошу Господа простить меня!

Отец Владимир положил епитрахиль на его голову со словами отпущения грехов. Вик встал, поцеловал крест, Святое Писание, и, когда священник перекрестил его, Вик поцеловал руку святому отцу.

— Я помогу тебе, — произнес отец Владимир. — Но ты должен отказаться от всего. От нее, от мира, попоститься, поголодать.

— Конечно, — ответил Вик.

— Пойдем со мной. Рядом с моей кельей есть комната, я поселю тебя на эти дни там. А друзьям твоим я все объясню.

— Не надо, они и так все поняли!

Отец Владимир взял его за руку и повел за собой. Ирен сделала шаг вперед, но тут же остановилась.

— Мы будем ждать тебя в доме, — громко сказала она им вслед.

Вик пошел за священником. Он вышел из церкви и зашел в небольшое здание с узким темным коридором. Настоятель открыл третью дверь слева, зажег свечу, поставил ее и обратился к юноше:

— Ложись спать. Завтра рано утром я разбуду тебя и расскажу, что нужно делать. А сейчас отдыхай и постарайся ни о чем не думать.

Отец Владимир закрыл за ним дверь и вернулся в церковь.

— Сударыня, — обратился он к Ирен. — Вы сами-то понимаете, что вас ждет?

— Мне по долгу службы положено, — ответила она. — У меня важное предписание. Я имею право использовать каждого в своей работе. Мне приказали разобраться, найти научное объяснение всем этим смертям. У меня

не было другого выхода, но неужели вы во все это так сразу поверили?

— Да, поверил и все понял. Не нужно говорить лишнего и искать научные объяснения. Все вокруг понимают, кто идет по стране. Люди боятся говорить об этом вслух, им страшно. Они отказываются верить, но в своих душах точно знают, что происходит. А вы, если бы захотели, могли и отказаться. Здесь кроется что-то другое?

— Да, я тоже отказывалась верить, хотя и понимала, чувствовала, что это Дьявол,— ответила Ирен, когда они вышли из церкви. — Я честно пыталась найти научные объяснения, но каждый раз убеждалась лишь в том, что мое предчувствие было верным. И теперь, встретив Вика, я поняла, что ему назначено остановить его, и я хочу помочь этому юноше.

— Вы точно уверены в этом?

— В чем?

— В том, что этот юноша избран Богом.

— Да.

— А как же ваши чувства?

— Я борюсь с ними, но постоянно проигрываю.

— Это плохо. Нужно быть сильнее наших желаний. После того как я подготовлю его, не вздумайте все испортить! Понимаете, о чем я?

— Да.

— Вот и хорошо. Забудьте об интимной близости, или вы погубите и его, и себя. Но его в первую очередь. Сатана силен, он будет вас искушать, терзать, но знайте, если вы выстоите, вы узнаете милость Божью. Как это будет, не знаю, но это обязательно случится. Поверьте мне. Скажите всем вашим спутникам, чтобы все эти дни его никто не тревожил и не искал. Не мешайте нам. Все поняли?— немного сурово спросил священник.

— Да, конечно, я все объясню Семену.

— И не говорите лишнего. Будьте внимательней. Советую и вам провести эти дни в чтении молитв и очищении души. Если вы окажетесь рядом с ним, вам это будет нужно. Учтите, сатана знает все лазейки вашей души. Пе-

ред ним вы не сможете слукавить. Он все равно настигнет. Нужно быть готовым, чтобы суметь отразить его удар.

— Конечно. Но я ничего не взяла с собой, только молитвенник.

— Я принесу вам нужные книги. А сейчас идите и отдыхайте.

Ирен поблагодарила отца Владимира, вернулась в церковь, подошла к Семену, стоявшему у иконы Богородицы, взяла его за руку, и они вышли из церкви.

— Вика несколько дней не будет с нами, — обратилась к нему Ирен.

— Как это? — удивился Семен.

— Его станет лично готовить отец Владимир. Он просил не мешать им. Кажется, нам повезло! Это хороший священник. Он забрал его к себе в келью, чтобы помочь. Он все понял. Сколько времени на это уйдет, он не знает, но просил все эти дни Вика не беспокоить и не искать. А нам советовал читать молитвы и тоже готовиться.

— Хорошо, — согласился Семен. В этот вечер он был добрым. Столько хорошего за один день с ним еще никогда не случалось. Он пошел в приготовленную ему комнату и сразу лег спать, а Ирен долго гуляла одна, о чем-то думала, но вскоре тоже вошла в дом и, выпив молока, легла спать.

8

С первыми лучами солнца отец Владимир пришел к Вику и разбудил его. Юноша открыл глаза и почувствовал в теле легкость, быстро встал с кровати. Вчера вечером в темноте он не разглядел освещенную одной свечой комнату, в которую его привел настоятель. Но сегодня он увидел, что лучшего места для очищения не найти. Светлые, чисто побеленные стены, маленькое окошко и несколько икон. Из мебели — стол, стул и кровать. Отец Владимир принес несколько книг и, положив их на стол, сказал, что Вик обязательно должен их прочитать. Он ушел, дав возможность юноше одеться, через несколько минут пришел обратно.

— И так, — начал святой отец, — расскажи мне по порядку, с чего все началось. Ты уверен, что идешь по следу того, кто виновен во всех человеческих бедах?

— Да. Уверен, — он произнес это спокойно, и настоятель заметил это. Его слова были настолько уверенными, что не вызывали никакого сомнения.

— И считаешь, что сумеешь выстоять?

— Это мой крест, который я несу. Не знаю, выстою я или нет, но я должен встретиться с ним и сразиться! Еще несколько дней назад я сам сомневался в этом, надеялся, что за маской Танцора скрывается всего лишь человек, но теперь все, что со мной произошло, все, что я увидел и понял, доказало, что это действительно Дьявол.

Моя спутница Ирен пыталась объяснить все странные явления, все, что происходило в театре во время представления, и то, что случалось с телами после смерти. Ничего, за что можно было бы зацепиться с научной точки зрения, не было.

— А что с телами? Неужели они быстро разлагаются и разносят заразу?

— Именно так. И лекарств от этой инфекции нет. В каждом городе тела сразу сжигают и тем самым как-то спасаются. А те города, что пострадали первыми, изолированы, оцеплены. Мне кажется, что люди в них вымерли полностью.

— Неужели это начало новой чумы, которая охватит страну? Неужели предсказания сбываются?

— Какие предсказания?

— Было одним человеком предсказано, что придет сатана в облики человека. Люди станут умирать, и никто не сможет их спасти, лишь вера в Бога. А что полиция?

— Народ в городах оповещен, и в случае его появления принимаются быстрые меры. Тайная полиция, жандармы, городовые — все в курсе дел. Вот вчера мы выехали из города, в котором Танцор успел лишь повесить афиши. Всех работников театра арестовали, и представление сорвалось. Он ушел, и никто не знает, где он теперь появится.

— Понятно. Ты идешь по его следу? Ты веришь тем людям, своим друзьям, которые помогают тебе?

— Да,— ответил Вик.

— Это, конечно, хорошо, но придется забыть об Ирен. Сам понимаешь.

— Да, понимаю.

— Прочти книги, подготовься к таинству исповеди. И постарайся все эти дни ничего не совершать грешного. Учти, грехи бывают не только в делах, но и в мыслях. Со своими друзьями ты сможешь видаться на вечерних и утренних службах. Постарайся и с ними зря не тратить слова. Пустословие тоже грех, который отбирает силы. Тебе нужно собраться и беречь каждую каплю себя, каждый твой шаг теперь под наблюдением Всевышнего и, конечно же, того, против кого ты встал. Я слышал об этом Танцоре, но не мог поверить, что все так серьезно. Думал то, о чем ты мне рассказывал: больной человек или гипнотизер, а может, еще кто, но именно человек, а тут видишь, как все серьезно? Хотя, если честно, — предчувствия были, — задумчиво произнес настоятель и, перекрестив юношу, пошел к выходу.

— Святой отец, это еще не все, что я хотел, — остановил его в дверях Вик. — Я хочу, чтобы вы благословили меня на это сражение. Вы понимаете, о каком сражении и благословении я прошу?

— Да, понимаю, но...— Священник промолчал. — Мне бы увидеть хоть один зал или одного из погибших, — попросил священник. — Но в любом случае я постараюсь тебе помочь.

Отец Владимир ушел. Вик закрыл за ним дверь и стал смотреть принесенные ему книги. Первой он взял в руки «Пояснения к таинствам Исповеди и Святого Причастия». Он открыл первую страницу и прочитал:

«Таинство исповеди-покаяния есть великая милость Божия к слабому и склонному к падению человечеству, оно есть доступное всем средство, ведущее к спасению души, постоянно впадающей в прегрешения».

Вик сел на стул и задумался. Он и раньше читал эти строки, но тогда он не понимал, насколько они чисты и понятны. Вот путь для каждого — покаяние. И не надо ниче-

го изобретать, достаточно жить по законам Божиим. Эти слова, прочитанные им, были в этот раз понятны ему совсем по-другому, не как раньше. Он вспомнил слова отца Владимира и решил не грешить, ни в поступках, ни тем более в мыслях. Он захотел есть, но вспомнил, что взял обязательство эти несколько дней поститься. Организм должен очиститься и от спиртного, и от жирной пищи. Вик посмотрел остальные книги. Отец Владимир принес ему «Основы православной веры» и Новый Завет. Юноша лег на кровать, взял в руки одну из них, остальные отложил и в этот момент вспомнил о Семене и Ирен.

— Семен, конечно, все поймет, но вот она... Если эта женщина действительно видела все это и так тонко чувствовала душой... Она, конечно же, поступит правильно. О нашем романе можно постараться забыть, или, точнее, вообще не вспоминать о нем. А о нашем деле, которое объединило нас? А в чем оно общее? — спросил себя Вик. — Она хочет остановить его, поймать, но это же невозможно. Неужели Ирен не понимает, что ловит Тень? Я же хочу победить его. Не просто увидеть его танец, а действительно выстоять и остаться в живых. Это и будет победа! Все, нужно очищать сознание чтением религиозной литературы, — сказал сам себе Вик, открыл книгу и начал внимательно читать ее. Примерно через час к нему вошел отец Владимир и пригласил на утреннюю службу.

— Ты не забывай! Теперь дважды в день нужно ходить на утренние и вечерние служения.

— Да, я понял, — ответил Вик и, положив книгу, встал и вышел из комнаты. Через минуту они вошли в церковь. Отец Владимир оставил его, а сам ушел готовиться. Вик встал у иконы Богородицы в ожидании начала службы.

Ирен и Семен проспали и на утреннюю службу не пошли, но на вечерней присутствовали. Им, как и Вику, отец Владимир принес книги для прочтения. Семен начал их читать, а Ирен, загрузив, больше думала о Вике. Она не ожидала, что все вот так быстро оборвется. Хотя и понимала, что связь с невенчанной женщиной — грех, но она все равно на что-то надеялась, и эти грешные мысли отталки-

вали ее от самой себя. Она боролась с ними, но образ Вика всплывал в сознании и перекрывал все понимание. Дьявол искушал ее, и она понимала это и боролась с ним как могла. Но в самых потаенных уголках, в которых Ирен надеялась все же спрятаться от него, она мечтала сблизиться с этим сильным человеком.

— Зачем я согласилась заехать в эту церковь? — укоряла она себя. — В Поленске у нас было бы еще несколько дней. — Но тут же ее истинное сознание просыпалось и говорило: Вик мог встретиться с Пантомимом в любой момент, и он, не готовый к схватке, просто бы погиб у нее на глазах, и потом она, врач, ученый, всю жизнь ходила бы в церковь, и вымаливала этот грех, и просила прощения у Бога и всего мира людей. А его, как и всех остальных, скрутили бы судороги, и она бы видела это и ничем не могла помочь: ни усыпить эфиром, ни придумать что-то новое. Значит, все так и должно быть! А о чувствах нужно действительно забыть и постараться не тревожить ни его, ни себя.

Ирен стала много гулять. В одной из комнат оборудовала лабораторию. Сорокин и его помощник, ничего не понимая, как и прежде, охраняли ее. Она, конечно же, изменилась. С сыщиками она, как и прежде, была строга, но никогда уже не повышала голос.

Семен, прочитав книги, стал часто захаживать в церковь. Однажды он отпросился у священника на ночь. Съездил к Глафире и привез ее в церковь. Отец Владимир долго беседовал с девушкой, а потом пообещал обвенчать их. Семен попросил отсрочку из-за неотложных дел. Отец Владимир понял его и поддержал. Через день Глафира вернулась в свой город. Она купила дом и сейчас была занята его обстановкой. Родственников у нее не было, и она пригласила к себе жить, чтобы не было одиноко, лишь старую подругу, повариху Машу, с которой раньше снимала углы. Ирен продолжала от службы до службы сидеть в лаборатории, Семен все время что-то чинил: то телегу, то помогал в церкви. А Вик появлялся лишь во время утренних и вечерних служб. Все это время он соблюдал сухой пост, без

воды и еды, и немного сдал. Ирен поддерживала его, она понимала, что так надо.

На третий день после вечернего покаяния утром Вик совершил таинство Исповеди и Святого Причастия. Он вкусил кровь Христа и в этот же день после обеда получил великое благословение от отца Владимира. Он был готов, и он чувствовал в себе неудержимое желание встретиться с Пантомимом.

В этот же вечер Сорокин получил сообщение: в одном небольшом театре близ Поленска произошло выступление Танцора. В этом городе сразу все подобные заведения были закрыты, а дороги оцеплены. Узнав об этом, Ирен, Вик, Семен и сыщики тайной полиции сорвались с места и помчались туда. С ними поехал отец Владимир. Он хотел своими глазами увидеть тех, кто пострадал. Священник взял особые книги, нашел специальные молитвы, чтобы помочь душам тех, кто погиб, и тем, кто остался жить в этом городе.

Проезжая через посты и оцепление, карета Сорокина ехала первой. Он всем показывал документы и объяснял, что остальные кареты следуют за ним. К обеду того же дня они прибыли в этот город и, не теряя времени, отправились в пострадавший театр. Ирен раздала всем повязки и строго наказала не снимать их до того момента, пока они не покинут оцепленную территорию. Повязки эти она обработала специальным раствором, как она сама объяснила, наполовину научным — наполовину нет. Что она подразумевала под словом «нет», никто не понял, но Вик узнал от нее, что в этот состав входили травы, настоянные на святой воде.

Картина была ужасной. По указанию Ирен в зале ничего не трогали. Театр оцепили, зашпаковали двери и ближе, чем на сто метров, никого не подпускали.

Ирен, надев повязку, решила первой войти в зал. Ей, как врачу, видеть страшные трупы людей было привычным делом, но ее остановил отец Владимир. Взяв крест и святую воду, он вошел первым. Окропляя погибших, он шел по залу. Семен не выдержал и убежал, а Вик шел молча. Он спокойно смотрел на искореженные тела, понимая, какой силой обладает Танцор. Ирен склонилась к одному из погибших,

но Вик поймал ее за руку и сказал, что ничего исследовать не надо. Он посмотрел на священника и спросил его:

— Что вы теперь думаете?

— Я, как и раньше, думаю только о том, как лучше помочь тебе.

Вик повернулся и вышел из зала в холл театра. Там толпились жандармы и городовые. Среди них был Сорокин.

— Вы уже распорядились, чтобы всех сожгли?— спросил Вик его.

Сыщику тайной полиции стало неприятно, что какой-то выскочка вмешивается в его дела, но он ответил:

— Нужно подождать Ирен, что она скажет?

— Никого не ждите! Приступайте немедленно. И так сутки потеряли, разложение уже началось!

Сорокин вспомнил о бумаге, касающейся этого юноши, о своих нарушениях, о недовольном начальстве и, не желая спорить, начал распоряжаться и приказал жандармам приготовить телеги для вывоза. Он также приказал, чтобы на улице они не встретили ни одной души.

— Да и так никого нет! Все в храмах и церквях, — выкрикнул кто-то из присутствующих.

Вик увидел вышедшую Ирен и подошел к ней. Она, все же оставаясь ученым, взяла в пробирки несколько образцов человеческой ткани, слюны, крови и волос.

Вик вывел ее на улицу и попросил больше не заходить туда, а сам вернулся, встал около отца Владимира и смотрел, как специальные люди в серых одеждах выносят трупы. Когда последнее тело погрузили на телегу, священник перекрестил телеги и попросил всех умыться святой водой. Он подошел к Ирен, стоящей рядом с Семеном, и предложил им сделать то же самое. Они молча выполнили его просьбу, затем сели в карету и поехали в ближайшую гостиницу.

9

В этот же день Ирен пошла к градоначальнику послушать разбирательства. Тайная полиция, городовые, жан-

дармы — все стояли у его кабинета с испуганными лицами. После всех предписаний и секретных приказов кто-то должен был ответить за столь халатное отношение к службе. Дверь в кабинет открылась, и все присутствующие вошли и расселись за одним длинным столом, в центре которого сидел сам градоначальник.

Каждый искал причину и оправдания. Но никто не мог толком ответить, пока не выступил с отчетом один из городских. Он рассказал, что этот театр давно пользовался плохой репутацией. Его директор ставил просто отвратительные представления, одни названия которых говорили сами за себя: «На шабаше у ведьм», «Бесовские пляски» и «Прокаженный тенор». Конечно, среди подобных афиш «Танец Дьявола» вписался как нельзя лучше. Директор, получив хорошие деньги, уступил театр прибывшим артистам. Они, ничего не объясняя, продавали билеты подготовленной к такого рода представлениям публике.

— Хорошо, пусть они все законченные мерзавцы! Но они же люди! — кричал градоначальник. — Были же указания, я сам отдавал приказы все проверять!

А как в такой ситуации проверишь? Этого представления никто раньше не видел. Повесили объявление, собрали публику и... Все понимали, что крайних искать бесполезно, к тому же выяснилось, что директор театра, узнав о случившемся, на следующий день повесился. Естественно, все свалили на него и местного жандарма, который должен был следить за порядком. Его даже не выгнали со службы, а лишь на время отстранили. Ну кто мог предполагать, что столичные сплетни, похожие на сказки, дойдут до их городка? Ирен молча слушала присутствующих, а сама думала о том, насколько смело и бесцеремонно поступил Танцор. Он знал, что деньги сделают свое дело, и нанес удар именно в тот момент, когда все уже расслабились и сочли, что городские службы провели достаточную работу и оповестили все города. Но Танцор был, как говорится, в своем репертуаре: появился, убил почти двести человек и так же загадочно исчез. Людей обнаружили только через два часа, когда служащая открыла зал для уборки. Жен-

щину отвезли в больницу с нервным шоком. И после этого спохватились.

Дослушав выступления, Ирен сделала только один вывод — его удара можно ждать где угодно. Танцор не ушел, он лишь выжидает удобный момент. Она вернулась в гостиницу и встретила с Виком. После проведенных дней в церкви Вик сильно изменился. Он стал скрытным, попусту не разговаривал и совсем не улыбался. Ирен надеялась на то, что он хоть на мгновение повеселеет и улыбнется ей, но этого не происходило. Она по-прежнему видела его решительные глаза и страстно хотела утонуть в его объятиях. Конечно, Ирен понимала, что это грех, и старалась спрятать его, но воспоминания всплывали в ее сознании так часто, что она просто забывала, что с ними нужно бороться. Стараясь быть веселой, она разговаривала с юношей и держала ту нужную грань, которую могла держать. Ей так хотелось обнять его, поцеловать, успокоить, расслабить его каменное тело, которое теперь еще больше сжалось. Но Ирен вовремя останавливала себя и все время вспоминала икону Богородицы, у которой ей легче всего было просить прощения.

После театра Вик долго разговаривал со священником. Отец Владимир задал ему необычный вопрос, на который сам Вик давно искал в себе ответ. Он предложил ему съездить на особую службу— отчетку, которая проводилась в одной далекой церкви. Именно там изгоняли бесов. Люди, приезжающие туда, начинали лаять, кричать, угрожать сами себе. Из их душ вырывались голоса, которые изгонял священник. Он единственный получил разрешение на чтение подобных молитв. Вик отправился в эту церковь в тот же день. Он с трудом уговорил Ирен не ехать с ним, убедил, что в эту церковь он должен съездить один. Юноша не хотел, чтобы она увидела то, что, возможно, с ним произойдет. И хотя Вик был уверен в том, что он чист, небольшое сомнение оставалось, и именно оно послужило поводом для того, чтобы оставить преданную и любимую женщину одну в гостинице. Всю дорогу Вик вспоминал свой разговор с отцом Владимиром:

— Ты уверен, что в тебе самом нет бесов?

— А как это проверить?

— Съезди на отчетку, и, если ты спокойно выстоишь, не почувствуешь, что в тебе кто-то прячется, можешь быть уверен, что твоя душа чиста и сила, которая сейчас в тебе живет, — от Бога, а не от Дьявола. Пойми, — объяснял священник, — это очень важно. Ты должен проверить себя!

Вик согласился, он узнал у него, как доехать до этой церкви, и, выяснив, на какой день назначена очередная отчетка, поспешил туда. Он взял с собой Семена, который был готов на все, но где-то в душе он все же чувствовал опасность. Наверное, все люди, приезжающие на что-то подобное, именно так и думают, даже те, в которых нет бесов: «А вдруг они во мне есть, и что тогда? Как дальше жить? Как идти по той дороге, что я выбрал?»

Весь вечер перед отъездом Вик думал об этом, он не знал, как нужно поступить. С одной стороны, он был готов к встрече с Пантомимом, но с другой — сомневался, что та сила, то преимущество, родившееся в нем, от Бога.

— Вдруг это сам Танцор так шутит, ищет и выбирает таким образом себе помощников? Найду его, схвачусь, а он засмеется и покажет мне мое истинное лицо. А все те испытания, которые я прошел, — это подготовка нового рода бесов в человеческом теле.

Но кроме столь мрачных и грешных мыслей у Вика проснулась его чистая душа, которая в очередной раз подсказала: «Если в тебе сидит бес — изгони его. Вот шанс проверить это, и тогда ты уж точно чистый, без изъяна, сможешь встретиться с Пантомимом. Твое сознание и все силы будут закрыты для него. Как только ты узнаешь об этом, станешь сильнее во много раз. Но Дьявол коварен! Он может прийти из пустоты, из вчерашних ошибок и необдуманных действий. Он найдет путь, чтобы превратить сильного человека в грешника. Сломает его и будет бить до тех пор, пока тот не отступит».

Что-то внутреннее подсказало: езжай на отчетку смело — ничего не бойся. Страх — это тоже грех, с которым нужно бороться.

Семен отвез его, но сам в церковь не пошел. Он слышал об этом от других и больше всего боялся встретиться с тем, кто жил у него в душе.

Служба началась, как обычно, в шесть вечера. Все было спокойно. Люди, приехавшие издалека, ставили свечи. Одни читали молитвы у икон, другие просто стояли и ждали. Вышел священник, провел службу и после нее начал читать молитвы. Первой закричала симпатичная девушка, стоящая сразу за Виком. Из нее вырывался дикий голос, который то хрипел, то открыто угрожал ей, затем она упала, но двое мужчин подхватили ее. Вслед за ней из разных концов зала стали доноситься голоса, и Вику показалось, что он действительно стоит среди бесов, которые кричат, но почему-то не трогают его. Он впился взглядом в икону Николая Угодника и про себя стал повторять «Отче наш». В его сознании появились образы тех измученных тел, которые он еще вчера видел в театре. Собирая в кулак силы, Вик держался. Постепенно крики начали спадать. Мужчины силой подтаскивали к кресту бесноватых, и они в страшных мучениях целовали его. После этого им сразу становилось легче. Вик, попав в эту очередь, стал также двигаться к кресту. Оказавшись у него, он спокойно перекрестился, поцеловал икону Христа, крест и отошел в сторону. Каждую секунду он словно каким-то светом сам смотрел в себя. Прислушивался к каждому возникающему внутри чувству. Вик старался заглянуть в душу со всех сторон. Он должен был убедиться, что там точно никого нет. Душа была спокойна и чиста. Сердце билось ровно, и он почувствовал свое нормальное состояние: никаких злых мыслей не возникало. Он вспомнил Лопатинск, и этот родной город был в его воспоминаниях доброй и спокойной родиной, куда так хотелось приехать. Погулять по знакомым местам, встретить друзей, посетить литобъединение и написать об этом какой-нибудь красивый рассказ: как один человек любит весь мир и готов пожертвовать собой ради него. Вик очнулся от воспоминаний и мечтаний и увидел, как сразу за ним трое мужчин тащили здорового купца. Он, испуская пену, слезно просил их не делать этого, но, скло-

нившись и поцеловав крест, успокоился, а через минуту встал и также отошел в сторону.

«Вот в ком сидит бес, и человек не способен с ним справиться. Если встретишь такого в жизни, разве угадаешь, что или кто сидит у него в душе. Возьмет он и убьет кого-нибудь, и сам об этом знать не будет, ведь убьет-то не он, а тот, кто спрятался в нем. И этот неизвестный бес так крепко вжился корнями в его руки, ноги и голову, что его практически невозможно вырвать. Это не больной зуб — это что-то пострашнее. А сам он и не собирается уходить или смиряться».

Вик вышел на улицу, подошел к Семену и, ничего не говоря, сел в карету.

— В Поленск?— спросил Семен.

Вик качнул головой, и тот, ударив вожжами лошадей, развернул карету и поехал в город. К двум часам ночи они приехали в гостиницу. Вик заказал себе постной еды, поел и сразу ушел спать, а Семен долго сидел в небольшом зале гостиницы и о чем-то думал. Что хотел сделать или совершить этот человек, никто не знал, но по его поведению было понятно, что он немного растерян. Семен не знал, как в такой ситуации помочь ставшему близким ему человеку. Единственное, что он мог, — это по своей привычке, используя чутье, постараться в очередной раз вычислить город, в котором Танцор, возможно, устроит очередное представление. Он нашел карту, расстелил ее на столе и до утра просидел в зале, забыв, что на его имя снят номер. И лишь под утро он, усталый и измученный, ушел спать.

До обеда никто из номеров не выходил. Ирен спала одна. Она тоже уснула поздно. Ей никак не спалось. Она понимала, что ее любимый человек рядом, в соседнем номере, и ей очень хотелось забыть обо всем и пойти к нему. Эти муки прогнали сон и лишь к утру отпустили.

Вик проснулся рано и перед тем, как поесть, долго читал молитвы. Он готовил себя к сражению и после отчитки понял: душа человека очень уязвима, и зло может в любую секунду проникнуть в нее, нужно ни на секунду не расслабляться. Помнить и знать, что Танцор рядом, он наблюдает

за ним и ждет удобного момента для нанесения коварного удара. С какой стороны он подступится, Вик не знал, но он был уверен: за каждую ошибку, просчет Танцор будет бить его и отбирать силы. Помня все это, он строго соблюдал все указания: читал молитвы, постился и укреплял свое внутреннее состояние. Несколько раз Вик вспоминал об Ирен, но с этими чувствами он справился быстро. Юноша решил, что, после того как он встретится с ней, он просто не даст повода этой женщине, чтобы она не мучила себя. И ей от такого холодного отношения станет легче. Она постепенно переболеет и успокоится. Но Ирен при всей своей силе не могла справиться с пожирающими ее душу чувствами. Она думала о нем ежесекундно и хотела быть рядом, в каком бы состоянии он ни находился: злой, хмурый, молчаливый, холодный. Ирен согласилась бы на все, лишь бы он не прогонял ее и разрешил просто присутствовать в его сильном мире.

Именно с таким настроением она встретила Вика и за обедом объяснилась с ним. Она рассказала ему о своей судьбе и жизни.

Оставшись в пятнадцать лет сиротой, Ирен жила и воспитывалась у дяди, родного брата отца. И хотя этот человек был очень добрым и хорошо относился к ней, дядя не смог заменить девочке любимую семью. Еще в детстве Ирен решила, что она, как и ее родители, станет врачом. Отец с матерью, перед тем как уехать на Кавказскую войну, на которой они и погибли, оставили ей хорошее наследство, и в двадцать лет Ирен уехала учиться в Германию. Там, на третьем году обучения, она встретила юношу, который также учился на врача. Он был на год старше ее и, закончив обучение, целый год ждал, чтобы вместе с ней вернуться в Россию. Детей у них не было. Пять лет они исследовали сами себя, обращались к известным врачам, но так и не смогли найти причину этого недуга. Постепенно супруги смирились с этим и полностью посвятили себя работе, продолжали дружно жить вместе. Когда Ирен исполнилось тридцать пять, ее муж уехал в Сибирь. Там на заводах Зольцмана свирепствовал тиф. Он оказался пре-

данным долгу врача: находясь в тяжелой стадии заболевания, отдал последние лекарства болеющим детям и, не дождавшись новой партии вакцины, умер. Именно после этого Ирен впервые пришла в церковь и только там смогла обрести нужное ей спокойствие.

После смерти мужа прошло семь лет, и Ирен для себя решила, что уже никогда не выйдет замуж. Но сейчас она, вспоминая его, понимала, что скорее он любил ее, чем она. Их объединяла совместная работа, которой они были искренне преданы, и это общее дело соединило их сердца, но настоящей любви у Ирен не было. После его смерти разные люди делали ей предложения: богатые, занимающие высокие посты и даже коллеги-врачи, но Ирен оставалась одна. Она мечтала влюбиться и верила, что встретит человека, за которым пойдет на край света. Ирен вспоминала родителей, то, как они любили друг друга и всецело отдавались семье и работе. Ей хотелось жить так же, но ее жизнь сложилась иначе, а встретив Вика, Ирен впервые испытала на себе, что такое настоящая любовь. Она не могла контролировать себя и, чувствуя в душе невыносимую боль, совершала необдуманные поступки. Женщина понимала, что Вик ей не пара, и старалась избавиться от этих мук, но ничего поделать с собой не могла. Перед сегодняшним разговором женщина решила, что посвятит свою жизнь этому юноше, и если действительно придется заплатить за эту жизнь, она без сомнения сделает это.

— Я все понимаю и не хочу мешать. Но это не значит, что мы должны избегать друг друга, — обратилась она к нему. — Давай будем рядом. Я постараюсь не нарушать обещание и не буду столь утомительна. У меня накопилась масса вопросов. Прошу тебя, не избегай меня и будь со мной поразговорчивей, а то получается, что я пытаюсь вовлечь тебя в греховную связь, а ты из-за этого избегаешь меня. Я же не против тебя. Нет! Я еще раз повторяю, я хочу помочь! И ни в какую греховную связь вовлекать не стану.

— Хорошо, — ответил Вик. — Будь рядом, если тебе так легче, но учти, я много времени уделяю чтению книг и не могу, как раньше, развлекать тебя.

— Делай все, что считаешь нужным, а я тихонько буду рядом.

— Будь, я не возражаю.

Ирен заметила на его лице легкую улыбку. Она почувствовала, как ее измученная душа оживает. Женщина стала рассказывать ему о том, что слышала от людей.

— Оказывается, перед представлением все словно обезумели. Смеялись, пили, и даже в фойе театра двое подрались. У одной дамы украли сумочку, и она осталась без билета. Сильно расстроилась и не пошла на представление. А когда обо всем узнала, попала в больницу. Двое влюбленных поссорились. А когда погас свет, девушка выскочила из зала. Юноша побежал ее искать, и когда нашел, назад они не вернулись. Представляешь, — с удивлением произнесла Ирен, — их спасла любовь!

— Да, много происходит непонятного. Только все эти случаи на самом деле легко объяснимы. Бог все видит, и тех, кого он смог спасти, он вывел из зала. Сейчас такое время, нужно быть предельно осторожным. Один неверный шаг, один грех — и Бог отвернется от того человека, который сам от него отвернулся.

— Да, конечно, я все понимаю. Буду стараться.

— Стараться мало. Нужно просто жить честно и не поддаваться на происки Дьявола. А он, сама знаешь, постоянно искушает.

Закончив с обедом, они вышли на улицу и снова столкнулись с Сорокиным. Сыщик, увидев, что они снова вместе, побагровел от злости, но Ирен даже и не посмотрела на него. Вик, увидев его лицо, просто отвернулся, он понимал, что в этом человеке кипит злость, которую подпитывает ревность. Они прошли мимо и отправились гулять по городу. А Сорокин все же решил нарушить все предписания и начал копать против юноши. Он надеялся найти у него запрещенную литературу или что-нибудь еще. Для этого он легко проник в его номер и стал перебирать все вещи и книги. Только Ирен стала с ним общаться, о чем-то разговаривать, как опять появился этот юнец. Сыщик был готов сам придумать против него липовое дело и уже в принципе

разработал план доноса, в котором фигурировал бывший каторжник Семен. Но вдруг Сорокину повезло. Он нашел в карманах пальто пистолет и коптяевскую метку. В его голове сразу все стало на свои места. Те недостающие детали появились, и теперь Вика можно было арестовывать за связь с известным преступником. Он положил все на место и, довольный, вышел из номера. Зашел в свою комнату, взял лист бумаги и начал писать донесение. В этот момент к нему пришел один из городских, который хотел узнать, что делать с теми, кого арестовали в театре, — билетерами и администраторами. Сорокин, недолго думая, приказал выяснить, что это за люди, и, если против них ничего нет, отпустить.

— А что именно должно быть против них? — не понимая, что искать, спросил городской.

— Проверить, может, они связаны с преступниками или заговорщиками.

Городовой покачал головой, встал и решил рассказать Сорокину о том, как совсем недавно на Киреевской дороге был освобожден старший Коптяй. Услышав это, Сорокин попросил его рассказать о случившемся поподробней. И городской рассказал, что преступника везли тайно, у него слишком много людей, которые желали его освободить. Но все равно как-то они узнали о дне выезда и маршруте. Они напали на карету с Коптяевым и убили всех жандармов, среди которых был двоюродный брат городского. Услышав это, Сорокин загорелся еще больше. Он прекрасно помнил, что последним преступника посещал именно Вик. После этого сыщик увез Ирен, они расстались. Но зачем этому юноше было нужно увидеть Коптяя? Для чего он сумел убедить Ирен, чтобы она перед отъездом провела его к нему? Все встало на свои места. Сорокин понял, что Вик связан с коптяевской бандой. Его посещение было не чем иным, как встречей для передачи информации, а пистолет и метка четко подтверждали причастность Вика к этому. Сорокин понял, за что можно арестовать юношу, и решил, что за это ему объявят благодарность и простят его нарушения. Он написал служебную записку вышестоя-

ящему начальству, в которой объяснил, что молодой человек — Виктор Сатаров — за день до отправления Коптя сумел обманным путем проникнуть к нему в камеру, после чего на спецотряд, конвоировавший преступника по тайному маршруту, было совершено дерзкое нападение. Все жандармы были убиты, а опасный преступник Коптяев скрылся в неизвестном направлении. Он просил начальство дать разрешение на проведение срочного обыска комнаты Виктора Сатарова, а также на его арест для выяснения обстоятельств. Он также приписал, что этот юноша был единственным, кто посещал преступника и мог узнать у него маршрут передвижения, который, по-видимому, позже сумел передать банде Коптяева.

Вик и Ирен медленно возвращались в гостиницу. Она держала его за руку и ничего не подозревала, а в гостинице их уже ждала засада. Сорокин, чтобы не вызвать гнева Ирен, уехал в театр и поручил провести обыск и задержать Вика своим помощникам и местным сыщикам. Когда Ирен и Вик вошли в гостиницу, двое мужчин подошли к нему и попросили проследовать в снятый им номер. Через десять минут сыщики нашли пистолет и преступную метку. В этом городе было тепло, и Вик не стал одевать пальто. Совсем не думая о последствиях, он оставил его в номере. И когда сыщики нашли пистолет и метку и задали вопрос — «чье?», юноша, зная, что трусость — его враг, не стал отпираться и признался, что все это принадлежит ему. Вик надеялся честно рассказать, как случайно купил пистолет и метку у извозчика. Он хотел объяснить, что не совершал в своей жизни ни одного преступления, но обстоятельства сложились иначе. Вик понял свою вину, он тут же вспомнил, что получил за освобождение Коптя приличную сумму, и в этот момент пожалел, что сознался. Мог бы выиграть время и скрыться, сказав, что видит это пальто впервые. Но теперь отпираться было поздно. Его арестовали и отвезли в местное отделение жандармерии, а оттуда в казематы тайной полиции.

Ирен стояла в холле и ничего не понимала. Она видела, как арестовывают близкого ей человека. Ей казалось, что эти

люди предают весь мир. Они готовы ради того, чтобы выслужиться, пожертвовать всем: жизнями детей, жен и даже собственными жизнями. Эти люди не понимали, что Вик нужен всем, — он единственная защита от того, кто хочет всех их уничтожить. Но жандармам было не до этого. Они делали свое дело, и им было все равно, что произойдет завтра. Сегодня поступил приказ, который они обязаны были выполнить. А слушать влюбленную женщину никто не стал, да и кто из них мог поверить ее словам. Приказов Ирен никто не слушал. Высокий мужчина, командовавший арестом, попросил отойти ее в сторону и на повышенных тонах произнес: «Занимайтесь своими делами, а в наши не лезьте!» Ирен последовала за ним и, предъявив бумагу о ее полномочиях, добилась встречи с начальником тайной канцелярии.

Господин Уханов ходил из стороны в сторону по своему кабинету и не знал, как быть. Он принял Ирен и рассказал ей, что при обыске у Виктора нашли факты, доказывающие его причастность к преступной организации, а именно, что-то вrede бандитского паспорта — метку коптяевской банды и пистолет. Кроме этого он понимал, что в побеге преступника есть и ее вина. Уханов отругал Ирен за то, что она, не зная человека, поверила ему и помогла проникнуть в камеру к известному бандиту, после чего тот бежал. Он рассказал ей, что во время побега погибли четырнадцать жандармов.

Ирен была в ужасе: ей казалось, что все это подлог. Она думала, что это дело рук Сорокина, но доказать этого не могла. Она ушла от Уханова ни с чем и решила встретиться со своим старым поклонником. Сорокин, конечно же, все отрицал. Он стал оправдываться и говорить, что был в театре и занимался другими делами. Сыщик признался, что испытывает к Ирен чувства, но на такое не способен.

— Да,— согласился сыщик. — Я оставил около вас других, потому что не могу смотреть, как вы бегаєте за этим юнцом, но уверяю: ни к коптяевскому делу, ни к аресту Виктора я не имею ни малейшего отношения.

Ирен оставила его, видя, что говорить с ним об этом бесполезно. А Вик, попав в тайную канцелярию на допрос,

испытал всю жестокость этой системы на себе. Два часа его избивали, пытаясь дознаться, кому именно он сообщил о времени маршрута и его направлении. Вик держался. Он понимал, кто на самом деле испытывает его. Сломанные ребра не успевали отходить от боли, а кровь не переставая сочилась из сломанной переносицы. Прибывший Сорокин не постеснялся и тоже отвязался на нем. Он почти час избивал Виктора, пока начальник караула не остановил обезумевшего сыщика. Вика бросили в камеру и принялись за Семена. Его тоже схватили в этот же день в гостинице. Он мирно спал, прочитав важные для себя строки из Нового Завета. Семен нашел в этой книге ответы, которые он чувствовал, но не мог объяснить, вынуть из себя раньше. Когда он прочитал эти главы, многие события его жизни стали объяснимыми и встали на свои места. Когда его арестовали, он понял, что это очередная расплата за его грехи. Одновременно с этим он знал, был полностью уверен, что Дьявол мешает ему и наказывает за то, что он впервые в жизни пошел против него. Старый Семен знал, что такое тайная канцелярия и жандармерия, и понимал, что спорить с ними бесполезно. Раньше бы он, конечно, сдался, желая сохранить здоровье. Получил бы свой срок на каторгу и смирился бы с этим, но теперь ему было что терять. Вик дал ему новую жизнь, дом, Глашу и открыл веру в Бога. Чистую настоящую веру. Его били, а он лишь повторял им, что они слуги сатаны и работают на него. Все, что устроили сыщики, — это лишь способ помешать ему и его другу. Имени друга Семен не называл. Он кричал им в лица, что они лишь пешки в его игре и скоро сами заплатятся за это.

— Я не предаю свою веру, которой у меня никогда не было, а теперь есть, — корчась, кричал Семен. — Он все равно победит! Я верю в это!

Но жандармы, считая его слова бредом, продолжали избивать, требуя выдать тех, с кем встречался Виктор.

— Да хоть убейте, я вам ничего не скажу! Всем вам скоро конец придет, если он вас не спасет. Он — этот человек! Вы должны ноги ему целовать, а вы что делаете? Неужели

не видите, он единственный встал против Дьявола — Танцора вашего.

После этих слов один из жандармов попросил его рассказать, что он знает о Танцоре и о том, кто такой Виктор Сатарский. Семен долго молчал, но потом рассказал ему, потому что увидел в лице этого человека что-то близкое. Жандарм, выслушав его, вышел в коридор и долго смеялся над этим рассказом. Правда, после этого попросил больше не избивать обезумевшего от страшной трагедии старика.

Семен, вытирая кровь, сказал, что не предаст его, а если он человек честный, пусть найдет Ирен и с ней поговорит. Она ведь главная. Он пытается остановить Танцора, она все знает об этом.

После этих слов Семен потерял сознание, его отнесли в соседнюю с Виком камеру и бросили на каменный пол.

Ирен, пытаясь как-то помочь Вику, встречалась с разными людьми. Она понимала, что он, не понимая, что делает, по собственной глупости помог Коптяеву, но сейчас это было не главное.

— Как найти того, кто поверит в то, что этот человек должен быть на свободе! Ведь от него зависит жизнь всех нас! — кричала всем она.

Ирен решила написать письмо графу, которого она спасла. Женщина требовала от него, чтобы тот помог освободить Вика. Она объясняла, что этот человек помогает ей в поимке Танцора. В этот же день Ирен отправила письмо и решила зайти в участок. После долгого разговора с Сорокиным она все же выпросила у него свидание на несколько минут. Когда в кабинет привели Вика, Ирен потеряла сознание. Увидев, как его изуродовали, она рухнула как подкошенная на пол. Вика отвели обратно в камеру, а ее отвезли в гостиницу. Два дня Ирен не могла встать с постели, к ней приходили врачи и давали одно и то же заключение — нервный шок. На второй день к ней приехал отец Владимир и увез к себе. Потеряв ее из вида, сыщики целый день бегали, расспрашивали, искали ее, но как-то быстро забыли о ней и о ее важности. А Ирен под присмотром старушек постепенно приходила в себя. Ее письмо дошло до

графа, но он как-то вяло отреагировал на него. Узнав, что Вик связан с известной бандой, он не пожелал вмешиваться в это дело.

В тайной полиции уже было готово целое дело. Вик молчал, терпел и ничего не говорил этим людям. Он считал, что это самое серьезное испытание, которое он должен пройти.

Через неделю Ирен, взяв себя в руки, поехала к нему. Сорокин был учтив, он встретил ее и долго рассказывал о том, во что она сама ввязалась. И если бы не ее высокие покровители, ее бы тоже арестовали. Но Ирен было все равно, она предложила Сорокину поговорить вне участка. Уставшая и измученная, она ушла в гостиницу.

Вечером к ней пришел Сорокин. После долгого разговора ни о чем она произнесла:

— Если вы сможете ему помочь, я согласна на все!

Эти слова немного смутили сыщика, но он прекрасно все понял.

— Да, — подтвердила Ирен, — я буду с вами, если вы ему поможете!

Сорокин долго ходил по комнате, крутил головой, но смог предложить взамен лишь то, что его больше не будут избивать. Услышав эти слова, Ирен согласилась. Она готова была отдать за этого юношу не только себя — свое тело, но и душу, и жизнь. Довольный Сорокин в тот же день перевел Вика в другую камеру, где была кровать с матрацем. До этого он спал на каменном полу, отчего сильно простудился. Ирен после этого много раз навещала его, приносила лекарства и старалась хоть как-то поддержать.

Дни летели, следствие продолжалось. Танцор отошел в сторону, вскоре люди почему-то забыли о столь страшном происшествии. Наверное, потому, что им было запрещено вспоминать о нем. Рассказывать о случившемся стало страшно и опасно. За ведение таких разговоров городские обещали наказывать. Вместо Ирен назначили другую группу врачей и ученых, которые также под усиленной охраной вели исследования и сотрудничали с новыми сыщиками.

Сорокина после этого сразу повысили. Он получил новую должность и собирался уехать в Москву. Туда должны были конвоировать Вика с Семеном, и туда собиралась ехать Ирен, но события повернулись иначе. В следующее воскресенье в городе Червонске произошло то, чего все опасались. Танцор вновь о себе напомнил. В зале присутствовало более трехсот человек, но кроме этого в зале были высокопоставленные люди. Как это могло случиться, никто не понимал, но оно произошло. Танцор впервые за все выступления сменил афишу и назвал свое выступление «Танец Тени». Никто не увидел в этом названии ничего опасного. Тем более что сцену для представления готовили почти неделю. Приехало много представителей труппы, которые показывали и рассказывали, как все должно быть. Они использовали известные заграничные имена, в общем, создали такую ширму, что никто и заподозрить не мог, что будет на самом деле. Танцор нанес новый, более жестокий удар. Кроме того, те врачи-ученые, которые поехали на место преступления, в течение двух дней умерли. Погибли и сыщики, охранявшие их. Но главное, за последнюю неделю скончались все, кто принимал участие в подготовке этого спектакля и мог дать хоть какие-то показания. Никто не мог понять, что за люди все это организовывали и как это произошло. Вся жандармерия и тайная полиция была поднята на ноги. Дело, которое под контролем держал сам государь, вышло на новый, более важный уровень. И тут все вспомнили об Ирен. Она так и жила в Поленске и продолжала навещать Вика. Довольный Сорокин, конечно же, перестал трогать его. Он получил все, что хотел, и когда в полицейский участок пришел сам генерал-губернатор и поинтересовался Ирен, сыщик засуетился.

Шапки с голов полетели сразу. Сорокин, почувствовав опасность, нашел Ирен и пообещал ей, что, если она оставит в тайне их связь, он поможет закрыть дело и постарается как можно быстрее освободить Вика. Измученная женщина, конечно, согласилась. А когда к ней в номер пришли важные особы и стали уговаривать взять дело в свои руки, она просто отказалась и предупредила их:

— Скоро вы и ваши дети погибнете. Все вы служите не тому, кому надо. Чего вы добились? Ничего! Хотите остановить Танцора, так знайте — вы не сможете, и я не смогу. Есть только один человек, который смог бы это сделать, но вы сами убиваете его. Скоро Танцор вернется в более коварном обличье. Поймите, это не маньяк, использующий газ, и не сильный психолог-гипнотизер. Это— сам Дьявол.

Ее внимательно выслушали и сочли, что она просто бредит. Толку от нее будет мало, и все, что она говорит,— вымысел больной женщины. Ей предложили подлечить свое здоровье и по возможности приступить к делам, как только она сможет сделать это. Естественно, ей пообещали, что постараются помочь, но смешивать дела по Танцору и коптевской банде никто не хотел. Кому нужен был больной литератор Вик, и кто мог поверить, что его силы хватит, чтобы победить самого Танцора?

Паника, охватившая людей, продолжала расти с ужасающей силой. Участились случаи самоубийств и преступлений. Вечером люди боялись выйти из дома. Обеспокоенные власти не знали, что делать.

В кабинет к генерал-губернатору пришел священник. Он два часа ждал аудиенции и, дождавшись, удивил столь высокую особу. Он рассказал, что единственное спасение в вере и всего в одном человеке. Священник попытался убедить его, что Вик единственный, кто может остановить Танцора. И этот человек в своей жизни и мухи не обидел, а находится в тюрьме. Конечно, отец Владимир не отрицал того, что он мог по незнанию ввязаться во что-то преступное, но его значимость и то, против чего он встал, выше всех мирских грехов. Генерал-губернатор пообещал помочь. В этот же день он навестил умирающего юношу и приказал найти лучших врачей для того, чтобы его спасти. Просмотрев составленное Сорокиным дело, он убедился, что вина его доказана и простить за такое невозможно.

— Какие факты могут доказать его значимость? Священник или по уши влюбленная Ирен? Может, сам Танцор?— спрашивал он. Генерал-губернатор приказал перевести Вика в тюремную больницу и разрешил лично Ирен

позаботиться о его здоровье. Но те побои, которые он получил, сильно отразились на нем. Организм был слаб, и все понимали, что жить ему осталось совсем немного. Понимали это все, в том числе и Ирен. Она старалась как могла, но Вик угасал. Лишь его глаза оставались сильными, готовыми к встрече с Дьяволом. Она видела это и понимала, что счет идет на дни и даже на минуты. Тот, кто боялся его, добился своего и уничтожил этого человека чужими руками. Злоба, зависть, алчность служили помощниками Танцору, и ему не надо было встречаться с ним. Зачем, когда вокруг столько преданныхлюдишек.

10

Наступил самый обыкновенный день — воскресенье. Ирен после посещения утренней службы сразу пошла к Вику. В это утро он почувствовал себя лучше и даже встал с кровати. Она смотрела на его неуклюжие шаги и радовалась. Потом уложила его, заставила выпить лекарства, от которых он уснул, и решила, пока он спит, сходить в гостиницу. За последнюю неделю Ирен получила много писем от разных людей, в том числе и высокопоставленных. Все они просили ее остановить Танцора. Взяться за это дело. Со своей стороны все они обещали поддержку и помощь. Ирен пришла в гостиницу и, перебирая вещи, нашла свое платье, в котором когда-то вошла в ресторан и потребовала от дерзкого юноши правды. Наверное, именно тогда все началось по-настоящему. Она поняла, что этот юноша — единственный человек в ее жизни. И теперь она делала все, чтобы он встал на ноги и продолжил свой путь. Ирен понимала, что теперь он гораздо слабее, чем был когда-то, она боялась, что в назначенный день его тело просто не выдержит, но она верила в его силу. И понимала, что, кроме него, Танцора никто остановить не сможет.

Вечером Ирен снова пришла в больницу. Вик проснулся и, улыбаясь, ждал ее. Он снова не хотел пить лекарства, но она уговорила его. Вик поужинал и уже почти уснул,

но дверь в палату резко открылась, и в нее ворвался отец Владимир.

— Ирен, оставь нас!

— Нет, я никуда не уйду!

— Я прошу вас, оставьте нас! Это очень важно!

Ирен встала со стула, который стоял у кровати Вика, и вышла в коридор. В этой больнице, куда Ирен все же смогла перевести Вика, было чище и не было охраны, которая все время мешала. Она доказала тюремным врачам, что Вик не способен на побег. Кроме этого, Ирен поручилась за него и взяла на себя ответственность, что он никуда не исчезнет. Женщина, волнуясь, ходила по коридору и, не выдержав, вернулась в палату со словами:

— Ему нельзя волноваться! Он еще слаб!

Вик стоял у кровати и медленно одевался. Отец Владимир помогал ему.

— Вы куда собрались? Ему же нельзя!

Вик посмотрел на нее, и Ирен все поняла. Тот день, которого она боялась, настал. Женщина на мгновение растерялась, но, взяв себя в руки, стала о чем-то говорить, предупреждать, но ее слова были далеки. Они не доходили ни до сознания Вика, ни до его души. Он, продолжая одеваться, прятал от нее взгляд, а она хотела увидеть его. Где-то внутри появился страх. Он заставлял женщину делать необдуманные поступки. Ошибаться. Но Ирен не сдавалась, она бегала, суетилась, не понимая, почему Вик прячет от нее глаза.

«А вдруг в них появился страх? И он — Вик — уже побежден. В этом случае его нельзя увозить! Но и оставлять нельзя. Очень скоро он просто умрет, ведь та сила, что все это время помогала ему, была единственной надеждой, и если она ушла, то это пустое тело всего лишь жертва, которая погибнет, ничего не сумев».

Но Вик неожиданно выпрямился и посмотрел на Ирен. Она увидела этот сильный взгляд и почувствовала облегчение.

Да, он слаб физически, возможно, его больное тело пока не сможет обрести нужную форму, но душа, как и прежде,

была готова к сражению. Ирен заметила радость и свет, и этот свет согрел ее и придал новые силы

— Я прошу тебя, возьми меня с собой! — взмолилась она.

— Нет. Этого делать нельзя. Извини, но ты должна остаться.

Ирен посмотрела на отца Владимира, и тот, качнув головой, подтвердил его слова.

— Ну хоть объясните мне, чтоб я не мучилась!

— Хорошо, успокойся, я расскажу тебе, пока мы будем идти по лестнице, — предложил ей священник.

Они, придерживая Вика, вышли из палаты и стали спускаться вниз.

— После службы я видел видение. Ангел подсказал мне, где найти особые молитвы, которые помогут нам. Это нужно делать срочно. Я был предупрежден о... — священник замолчал. — Мы сделаем все и узнаем о месте его нового удара. Когда это произойдет, я не знаю, но, надеюсь, Господь не отвернется и поможет нам. А ты должна остаться здесь. Ведь он еще под следствием. Останови, если что, сыщиков! Помогите всем нам!

— Хорошо, — согласилась Ирен.

Они вышли на улицу, Ирен помогла Вику сесть в коляску священника, а он тут же, взмахнув плетью, ударил лошадь, даже не дав им проститься. Коляска быстро помчалась, а Ирен стояла и смотрела им вслед. Она понимала, что, возможно, теряет единственного человека, которого по-настоящему любит. Она хотела что-то сделать, поехать за ними, но, вспомнив, что она пообещала задержать сыщиков, осталась. Ирен вернулась в свою гостиницу и стала просить всех святых и Богородицу, чтобы они помогли ему. Женщина всю ночь молилась у иконы, а под утро решила, что она все равно должна быть рядом с ним. Ирен взяла на почтовой станции бричку и сама повела ее к церкви отца Владимира.

Ирен не знала, что за эту ночь коптяевское дело обрело новый оборот. Два дня назад был арестован Ворон, и именно в эту ночь после допроса с пристрастием он выдал

Вика и рассказал в подробностях о его участии и о том, что именно он передал сведения об маршруте конвоирования Коптяя. Тайная полиция сбилась с ног. В больнице Вика уже не было. Ирен отсутствовала в гостинице. Понадобилось время, чтобы узнать, где они скрываются. Сыщики объезжали и опрашивали всех кучеров и извозчиков, пока не вышли на дорожную станцию, с которой утром уехала Ирен. Взяв след, они помчались за нею. Многие сыщики, узнав, как легко Сорокин поднялся за счет этих людей, хотели проявить рвение и что-то оторвать для себя.

В это же утро в пустой комнате соседнего дома отец Владимир вел особую службу. Все двери были закрыты, в комнате находились только он и Вик. Они долго готовились к ней. Вик сидел в принесенном кресле в центре, а отец Владимир стоял рядом. Вокруг были специально расставлены принесенные священником иконы.

Отец Владимир низким и спокойным голосом начал читать молитву. Вик закрыл глаза. Он, как и предупреждал его настоятель, должен был расслабиться и открыть свою душу Богу. Юноша долго слушал непонятные слова, пока ему не показалось, что он задремал. И в этой дреме он увидел себя. Увидел Лопатинск и все события, которые происходили с ним в последнее время. Затем, где-то в середине этого сна, появилась Ирен. Она в белом платье стояла около него и, подлетая ближе, о чем-то шептала на ухо. А Вик продолжал видеть родной город. Ирен, взяв его за руку, повела к знакомым полям и лесам. Затем все краски резко исчезли, и Вик явно увидел город и огромную афишу. Маленькие люди ходили под ней и даже не замечали, что на ней изображено. Они просто не обращали внимания на то, что нависло над ними. Это была не та афиша, на которой было написано «Танец Дьявола», это была другая, огромная, красивая и одновременно страшная афиша. Вик напрягся и стал внимательно изучать ее, но она то исчезала, то появлялась вновь. Он все же сумел разглядеть название: «Танцы африканского шамана». Исполняет Рене Вонт. В сопровождении бального ансамбля Германии».

Увидев это, Вик ничего не понял: что это за афиша и при чем тут бальный ансамбль Германии? Он продолжал всматриваться, но кто-то мешал ему, и это видение стало исчезать. Вик успел увидеть город, длинную каменную лестницу, много людей и пальмы. Он понял, что это какой-то приморский городок, но какой? Юноша старался запомнить каждую деталь и боялся что-то упустить. Он понимал, что этот сон — подсказка, знал это и изо всех сил вглядывался в то, что он видел. Неожиданно для себя Вик вернулся к афише и стал внимательно рассматривать ее. Все было тем же: и название, и этот немецкий ансамбль. Нарисованные красивые девушки в тигриных шкурах с обнаженными ногами, а в центре стоял разрисованный татуировками человек. Вик смотрел на эту афишу и понимал, что он пропустил что-то главное. Неожиданно события сменились, одно за другим. За ними вновь появилась афиша. Но увидел ее Вик с другой стороны, как бы издалека. Он стал вновь внимательно изучать ее и заметил внизу написанное краской число: «9 ноября». Вик резко открыл глаза, и первое, что он произнес, было именно число:

— Представление состоится девятого ноября. Афиша совсем другая, и в этом представлении участвует бальный ансамбль Германии.

— Что еще ты видел? Вспоминай!— громко спросил отец Владимир.

— Город, пальмы. Это курортный город. Лестница. Я видел длинную лестницу!

— Хорошо, что еще? Вспоминай!

— А какое сегодня число?

— Восьмое ноября!

— Нужно торопиться! Представление завтра!

— Во сколько?

— Не знаю, знаю только, что все произойдет завтра!

— Хорошо! Кажется, я вспоминаю этот приморский городок. Ты не ошибся? Длинная лестница? Прямо на улице. Не во дворце или там между этажами, а на улице? Точно на улице?

— Да! А рядом пальмы.

— Нужно торопиться, туда отсюда как раз сутки езды! Выходи, собирайся, а я здесь все закончу.

Вик вышел из комнаты, зашел в рядом стоящий дом, нашел в нем хлеб, бутылку кваса, все это завязал в узел и пошел к коляске священника. Через полчаса отец Владимир, убрав от ненужных глаз все, что он приготовил в комнате, вышел из нее и попросил старушек присмотреть за приходом. Сам сел в коляску, где его уже ждал Вик. Они выехали на дорогу и без остановок быстро помчались к приморскому городу. Вик сидел всю дорогу молча. Он знал, что в этот раз промаха не будет. Они точно успеют к началу представления. Он настраивал себя на то, к чему шел все это время. Юноша был готов, он устал ждать, и эта мучительная неизвестность угнетала его. Но вот настал день. Был близок час сражения, и это придавало ему силы, он почувствовал радость от того, что скоро все закончится. Юноша посмотрел на вечернее небо, на деревья. Их покрасневшая листва рождала в сознании что-то страшное, но он легко справился с этим страхом. За поворотом Вик увидел рощу, ее желто-красные листья горели в вечернем закате, и когда они въехали в нее, казалось, весь мир окрасился ярко-алой кровью. Он оглянулся и подумал:

«Я спасу этот мир! Смою кровь! И пусть это звучит громко! Не отдам этих запутавшихся людей в его руки!»

Ирен подъехала к церкви и, увидев старушек, узнала, в какую сторону уехал отец Владимир с юношей. Она, не задерживаясь, поехала за ними. Ирен чувствовала, что они совсем близко, но никак не могла догнать их. Карета с сыщиками также не отставала. Они догнали Ирен, но не стали подъезжать к ней. Им нужен был Вик, а не она, и они на небольшом расстоянии следовали за ней. Всю ночь Ирен не выпускала из рук поводья: ей казалось, что там, впереди, она несколько раз видела ту самую церковную коляску. Ирен кричала ей, но коляска уезжала вдаль и скрывалась за горизонтом. Женщина вновь, не жалея лошадь, мчалась за ней, и снова ей казалось, что она видит ее тень, слышит в ночи знакомый топот копыт, но коляска все время уезжала от нее вперед. Наступил день, и в этот день все

происходило точно так же, только теперь ей подсказывали крестьяне, прохожие, путники. Они рассказывали, где видели коляску со священником, и показывали ей дорогу и направление. Сыщики преследовали ее и не отставали. Они знали, за кем она едет и так торопится. А Ирен чувствовала, что скоро догонит Вика и священника, и это чувство набирало силы. Она предвидела что-то страшное, и в этом кошмаре был он — Вик. Она хотела выдернуть его из этого пекла, хотела помочь ему, но никак не могла догнать. Ей казалось, что, если она оставит его одного, он не сможет выстоять. Ирен хотелось отдать ему свои силы, любовь, чтобы он стал сильнее. А уж если ему предстояло умереть, то и она хотела покинуть этот мир вместе с ним, чтобы и там, в загробном мире, их души были вместе.

На горизонте появился город, и Ирен четко увидела коляску отца Владимира, въезжающую в него. Солнце стало заходить за горизонт. Женщина обернулась и увидела этот страшный кровавый закат. Его лучи тонули в облаках крови, они сопротивлялись, цеплялись за свет, но что-то черное поглощало солнце, обливая все небо кровью. Наступал вечер. Ирен отвернулась, чтобы не смотреть на это кровавое зрелище. Она ворвалась в город и у первой встречной женщины спросила, где находится театр, в котором сегодня состоится представление. Женщина пожалала плечами, но неожиданно к ним подошел старик. Он показал улицу, которая вела к центральному театру, и объяснил, что там уже две недели идут приготовления к выступлению африканского шамана и бального ансамбля Германии. Ирен помчалась по этой улице. Заехав в толпу карет и колясок, она смешалась с ними и исчезла из вида сыщиков. Те остановились, попытались найти старика, с которым она разговаривала, но тот куда-то ушел, и они наугад поехали по центральной улице за общим потоком карет.

Танцор на этот раз приготовил не просто небольшой концерт. Он собрал огромную публику. В зале были все: представители духовенства, высокие особы и даже члены царской семьи. Две недели готовили специальную сцену. На ней изобразили джунгли и водопад. Бальный ансамбль

и главный танцор несколько раз устраивали прогоны всего представления. Шамана изображал танцор-немец. Он хорошо держался на сцене и действительно знал свое дело. Все сыщики видели заранее это представление и не знали о нависшей опасности. Всех и все проверили, и никто не ожидал, что вместо танцора-немца на сцену выйдет Танцор. Полный зал, несколько тысяч человек собрались в ожидании начала.

Коляска священника остановилась у самого входа. Вик вышел и увидел огромную, в несколько метров, афишу. Именно эту афишу он видел в своем видении.

— Здесь! Я пошел за билетами.

Естественно, на такое представление билетов уже не было. Купальный сезон закончился, и теплым осенним вечером людям некуда было пойти. Вик занервничал. Он вытащил из кармана деньги и громко крикнул:

— Сто рублей за билет!

Некоторые остановились, посмотрели на безумца, который предлагал сумасшедшие деньги за один билет. К нему подбежал юноша и, протянув сразу два билета, произнес:

— Вот, возьмите. Я девушку дожидаясь, но лучше мы уступим вам, тем более за сто рублей. У нас хорошие места в третьем ряду в центре.

Вик взял билеты и, посмотрев на священника, хотел предложить ему, но в это же время у парадного входа остановилась грязная кибитка. Из нее выбежала Ирен и, схватив Вика за руку, закричала:

— Стой, остановись! Подожди!

Вик отошел с ней в сторону и, посмотрев в глаза, попросил:

— Не останавливай меня! Не мешай! Ты же сама знаешь. Я все равно пойду!

— Тогда и я пойду на это представление. Я буду рядом до конца. Если тебе суждено погибнуть, я умру вместе с тобой! Без тебя мне не нужна эта жизнь!

Вик посмотрел в ее заплаканные глаза и понял, что отговорить ее не получится. Эта женщина действительно была готова пожертвовать собой.

— Хорошо, пошли. У меня как раз два билета.

Ирен взяла его за руку, и они вошли в зал. Нашли свои места, сели и стали ждать начала представления.

После третьего звонка в зале погас свет. В темноте зазвучала дробь барабана, и в тусклом свете рампы зрители увидели, как на сцену выбежали танцовщицы. Они стали что-то изображать под это биение, но затем так же быстро убежали за кулисы. Свет загорелся в полную силу, все услышали звучание органа. Из нарисованных на сцене джунглей вышел атлетического сложения человек в костюме Танцора. Он поднял руку— орган умолк, опустил ее — перестала звучать дробь барабана. Танцор пристально посмотрел в зал, вглядываясь в глаза и души жертв. На его лице промелькнула зловещая улыбка, он продолжал держать паузу и изучать зрителей, и в этой толпе он неожиданно встретил взгляд Вика. Губы Танцора сжались, лицо напряглось, его всемогущее выражение сменила другая маска: он по-прежнему был страшен, но за этой маской Вик почувствовал оттенки его страха. Сидящая рядом Ирен, заметив, как напряженно они смотрят друг на друга, сжала руку юноши, прикусила губу и, опустив голову, закрыла глаза. В зале воцарилось молчание. Человек со сцены пристально смотрел на юношу и не мог разорвать этот взгляд. Ирен почувствовала, как у Вика забилося сердце. Она слышала каждый его удар, она чувствовала его дыхание и, боясь увидеть, что там происходит, изо всей силы сжимала глаза. В темной пустоте ей показалось, что она видит, как два воина, готовые сойтись в смертельной схватке, парят в воздухе над зрительным залом. Она видела их в своем воображении: одного — Белого, другого — Черного. Белый воин был решителен и смел, он готов был к открытому сражению, а черный хитер и коварен. Он приготовил тяжелый и неожиданный удар и, зная, что никто не сможет противостоять этому, уже наслаждался предвкушением победы. Ирен хотелось подсказать, крикнуть Белому воину: «Он задумал что-то плохое! Будь готов к его хитрости!» Но этот крик оставался в ее душе, не в силах найти выхода. Она не могла вырвать его из себя. Ирен увидела, как где-то там,

над дальними рядами, они сошлись и стали наносить своими мечами тяжелые удары друг другу. В какой-то момент Белый воин отступил, собственная тень нанесла ему удар сзади, а Черный, расправив огромный плащ, взлетел над ним, чтобы добить жертву. Видение оборвалось, но Ирен почувствовала, как Белый воин приготовился к этому нападению, он собрал всю силу, чтобы нанести свой ответный удар, от которого Черный воин не сможет выстоять.

Услышав в зале крики, она открыла глаза. Увидев людей, почувствовала страх, который на какое-то время отступил. Сердце Ирен забилося в бешеном ритме. Она вновь закрыла глаза, напряглась, продолжая изо всех сил сжимать руку Вика.

Нервозная обстановка в зале нарастала. Из людей стали вырываться истошные вопли. Они не могли контролировать себя. Зал разделился: кто-то был спокоен и, не понимая, что происходит, смотрел на обезумевших со стороны, другие же вскакивали с мест, метались, кричали, не в силах справиться с собой. В зале погас свет. Ирен показалось, что все зрители рухнули в какую-то бездонную пропасть. Наступили секунды непонятной тишины. Ирен почувствовала, что только она и Вик остались одни в этом безмолвном зале.

Через несколько секунд свет загорелся, испуганные зрители увидели на сцене иссохшее и измученное тело Танцора. Страх исчез, на смену ему пришло спокойствие. Люди молча смотрели на тело, не зная, что будет дальше.

— Мне нужно встать и подойти к нему. Пойдем,— обратился Вик к Ирен.

Она молча подчинялась его словам. Пройдя вдоль ряда, юноша вышел на сцену. Ирен шла за ним. Она не смотрела ни на сцену, ни на людей. Ее взгляд был прикован только к Вика. Ирен несколько раз споткнулась о чьи-то ноги, но не выпустила руку юноши, которую продолжала держать мертвой хваткой. Вик подошел к Танцору, посмотрел на его изуродованное тело и спокойно произнес:

— Он покинул этого человека. Я сумел победить его и изгнать из нашего мира.

Ирен оторвала от него взгляд и посмотрела на лежащее тело.

— Что? Всезакончилось?

— Да. Он проиграл. Эта битва закончена, и мой путь тоже. Пошли отсюда. Теперь нас ждет новая жизнь.

Ирен с проснувшейся радостью посмотрела в его глаза и неожиданно для себя увидела совсем юного мальчишку. Ей стало больно, она испугалась оттого, что тот воин, который жил в нем, закончив свое великое сражение, покинул его. И теперь Вик остался один: слабый и измученный, с сильно поседевшими волосами. Ирен отвернувшись, отказываясь верить увиденному, и, продолжая держать его за руку, пошла за ним к выходу.

На сцену тут же выбежали танцовщицы и те, кто был за кулисами. Испуганные актеры забегали около тела, а рабочие сцены быстро закрыли занавес. Перепуганный директор театра выбежал и объявил, что через несколько минут представление продолжится.

В зале сразу заиграла музыка, вышел бальный ансамбль, и тот танцор, что участвовал во всех репетициях, исполнил танец африканского шамана. Но только Ирен и Вик не видели этого. Они сразу ушли из зала и направились к выходу, где их ждал отец Владимир. Увидев их, он подбежал к ним и, ничего не спрашивая, повел к своей коляске. Они остановились около нее. Священник посмотрел в глаза юноше, на его седые волосы, на уставшее лицо Ирен, в небо и, перекрестившись, произнес:

— Слава тебе, Господи! Весь мир благодарен тебе, Виктор. Ты доказал, что человек сильнее! А я понял старую истину: если у кого-то есть три опоры в жизни, он может смело идти по выбранному пути. Первая — это вера. Я был свидетелем истинной веры. Вторая — любовь! Я увидел настоящую любовь, которая во все времена чудеса свершала. От всего мира Божьего тебе, Ирен, огромная благодарность! Ты — доказала это: сумела пожертвовать своей жизнью и пошла за любимым до конца, зная, что это может закончиться смертью. И третья опора — это дружба. Настоящая мужская дружба. Я думаю, ее доказал Семен. Он не

выдал тебя и выдержал все пытки. Если бы он рассказал о твоей ошибке с этим преступником, я думаю, тебе было бы сложнее выйти из больницы и приехать сюда. Конечно, история показывала случаи, когда дружбу проявляли посторонние люди: стражники, охранники, жандармы. Они в последний момент, услышав голос Господа, открывали двери тюрем, чтобы тот, кто должен сразиться со злом, вышел и победил его. То, что сделал Семен— все выдержал и молчал до конца о твоей ошибке, — это подтверждение настоящей дружбы. Великая благодарность ему за это от всех людей. Все в руках Господа, во всем Его воля!

Отец Владимир перекрестился и, посмотрев на уставшего Виктора, сказал:

— Садись аккуратно. Потом расскажешь, как это было.

В этот момент к коляске священника подъехала и остановилась черная карета. Из нее вышли двое сыщиков и, оттолкнув в сторону Ирен, схватили юношу. Они силой потащили его за собой и, затолкав в свою карету, хотели уехать, но Ирен как будто опомнилась. Она показала свой документ, который когда-то получила от генерал-губернатора, стоящему недалеко городовому и потребовала остановить их карету. Городовой засвистел, и карета остановилась. Выбежавший сыщик попытался что-то объяснить ему, но его полномочий было недостаточно. Бумага Ирен оказалась важнее.

Женщина села к сыщикам в карету, обняла Вика и поехала с ними в отделение тайной полиции. Отец Владимир последовал за ними. Прибыв на место, Вик почувствовал себя хуже. Он несколько раз терял сознание и в бреду повторял непонятные фразы по-латыни. Ирен помогала ему, приводила в чувство и никому не разрешала подходить к задержанному.

— Это от переутомления. Организм не может быстро перестроиться от напряжения, в котором он так долго находился,— объясняла она.

Отец Владимир пробыл в участке до утра, а когда Виктора отправили в камеру, он со всеми попрощался и уехал в свой приход. Перед этим он попросил Ирен сообщать ему

о ходе расследования. Вернувшись в свою церковь, он отслужил утреннюю службу и несколько раз прочитал благодарный молебен Господу.

Вик постепенно поправлялся и приходил в себя. Ирен помогала ему. Она добилась от тюремного начальства разрешения перевести его до суда в ту же больницу, откуда он когда-то сбежал, и заверила всех, что больше этого не повторится. Эта женщина уверяла испуганных чиновников, что Танцор не вернется. Она рассказывала об умершем Танцоре и великой победе этого человека над злом. Но, к сожалению, наш мир устроен так, а особенно судебные департаменты, что без веских доказательств никто этому не поверил. Некоторые прислушались и по крайней мере не чинили ей новых преград. Ирен долго билась об эту невидимую стену неверия, а дело Виктора Сатарского переходило от одних чиновников к другим. Каждый старался избавиться от него и от встреч с почти обезумевшей женщиной.

Эпилог

Через два месяца началось новое следствие. Показания Ворона перевесили все доводы. Ирен, конечно, старалась, но все усилия были тщетны. Слишком много жандармов погибло при том побеге. Юноша тратил деньги на адвокатов, но никто не смог ему помочь. О том, что Танцор исчез, люди не знали, а в слова Ирен так никто и не поверил. Случай в приморском городе забыли быстро, ведь представление состоялось, а на умершего танцора мало кто обратил внимание. Дело, конечно, завели, и расследование назначили, но местные врачи поставили четкий диагноз: «Танцор умер от внезапной остановки сердца, что сопровождалось сильным переутомлением». После этого дело танцора закрыли.

Весной состоялся суд. Вик получил десять лет каторги. И хотя он всю вину взял на себя, Семену также дали за пособничество три года.

Через год Ирен получила анонимное письмо, в котором один высокопоставленный чиновник просил у нее прощения. Она так и не узнала, кто это был, а им оказался, как ни странно, Сорокин. Получив назначение в Москву, он быстро стал расти в должностях и званиях. Этот человек со всем своим опытом и умением арестовывал одну тайную партийную группу за другой. Через полгода он переехал в Санкт-Петербург и настоял на пересмотре дела.

Тайная полиция всегда и во все времена обо всем знала. Конечно же, ему положили на стол доклад о задержании Вика, в котором в двух строках указывалось, что на сцене погиб от переутомления танцор. Также сообщалось о том, что подозреваемый и его спутница Ирен сразу после этого покинули зал. Сорокин все понял. Тем более что Танцор после этого исчез. Возможно, в нем проснулась совесть, а может, он вспомнил данное Ирен обещание, что закроет дело, ведь она-то сдержала свое слово и не пожаловалась генерал-губернатору на него. Все может быть. Ведь никто и никогда не узнает, о чем тогда думал старый сыщик и что испытывал в своей душе. Если она у него не очерствела от работы в столь тяжелом для нее ведомстве, то, может, Сам Господь указал ему на то, как исправить свои ошибки.

В стране начались революционные волнения, и никому из высокопоставленных лиц не было дела до литератора, который когда-то помог известному преступнику. К тому времени Коптя схватили и принародно казнили. Сорокин добился пересмотра, и после этого Семен вышел через два года, а Вику пришлось отбыть на каторге вместо десяти лет четыре.

Семен со своей женой Глафирой и Ирен встретили его в Москве на вокзале. Все были счастливы, а особенно Ирен. У Вика осталось достаточно средств. Те деньги, что послал ему Омо, он так и не получил, они вернулись к отправителю, но то, что он получил от Коптя, осталось.

Ирен дождалась любимого. Каторга, побои и последнее представление сильно отразились на его внешности. Он

заметно изменился. Приехавший юноша выглядел гораздо старше своих лет.

До самого освобождения Вика Ирен мучили тайные сомнения. Она хотела увидеть в его глазах того воина, что жил в нем. До отъезда на каторгу, в больнице и на суде, она так и не поняла этого: покинул он его или притаился до нового сражения. Ее психика была сильно расшатана, и иногда ей казалось, что великий воин вместе со своей силой остался в нем. Женщина не верила, что он ушел. Она сомневалась, мучилась все эти годы, но, встретив Вика на вокзале, — поняла, что, как и прежде, любит этого человека. В его глазах не было ни страха, ни слабости. И пусть тот, кому надо было уйти, покинул его. Увидев любимого мужчину, она поняла, что всей душой желает быть с ним рядом, и то же самое она прочитала в его глазах.

Через месяц после освобождения Вик снял все деньги из банка и уехал с Ирен за границу на длительное лечение. Он хотел вернуться к литературе, написать книгу о том, как в мир людей прибыл Дьявол. Вселившись в тело танцора, он пошел по земле, сея смерть и страх. Вместе с ним в этот мир прибыл воин, который должен был остановить его и изгнать. Он вселился в тело простого юноши. Воин спас человечество и, закончив свою миссию, покинул его, сильно изменив судьбу этого человека.

К сожалению, эта книга так и не была написана. Вик долго не мог справиться с собой и оставил лишь дневники с воспоминаниями. В Россию Виктор Сатарский так и не вернулся, скончался в пятьдесят семь лет во Франции, на два года опередив Ирен.

Семен остался жить в тихом городке вместе со своей семьей. Дожил до революции, повоевал на гражданской войне за Красную армию и, потеряв ногу, вернулся домой. Он до последних дней участвовал в партийной жизни города и нянчил внуков.

Сорокин погиб в первые дни революции. Он продолжал активно выискивать лидеров революционного движения и был ими же расстрелян в собственном дворе.

Родители Омо также уехали во Францию, а сам Омо стал одним из деятелей монархической партии. На Кэт он так и не женился, а когда Красная армия освобождала Крым, добивая белогвардейцев, он, не желая сдаваться, застрелился.

Со временем история о Танцоре превратилась в нечто невероятное, а те свидетели, что остались, никогда не вспоминали о ней, стараясь скорее забыть об этом кошмаре.